Лажечников и Тверской край

Выпуск 3

Лажечников и Тверской край

Выпуск 3:
Лажечников и усадебная культура

Тверь
2009

УДК 821.161.1.09+929Лажечников
ББК Ш5(2=411.2)51–4Лажечников И.И.28
Л 16

Лажечников и Тверской край. Вып. 3: Лажечников и усадебная культура: Статьи и материалы / Ред. А. Ю. Сорочан. – Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. – 192 с.

В издании собраны статьи и материалы, посвященные вопросам, связанным с жизнью и творчеством известного писателя И. И. Лажечникова. Основная тема сборника – трансформация усадебной культуры в текстах и жизни тверских дворян XIX века. Помимо исследовательских статей, публикуются архивные и труднодоступные материалы по истории усадебной культуры. Для историков литературы, краеведов, культурологов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (Судьба дворянской усадебной культуры во второй половине XIX – начале XX в., проект 08-04-57404а/Ц)

ISBN 978-5-903728-20-6

© А. Ю. Сорочан, редактор, 2009
© Авторский коллектив, 2009
© Издательство М. Батасовой, 2009

Оглавление

Предисловие **6**

М. В. Строганов. **Лажечниковы в Тверской губернии** **8**

А. Ю. Сорочан. **Усадебная культура в произведениях Лажечникова** **19**

Быт и культура тверских усадеб

А. В. Шитков. **Соседи Лажечникова: дворянские усадьбы Старицкого уезда** **46**

Н. П. Вульф. Из истории дворянской усадьбы середины XIX века. *Вступительная статья М. В. Строганова Подготовка текстов Е.В. Кирилловой и М. В. Строганова.…* **71**

Стихотворения Н. П. Вульфа **103**

Молитва («О, Господи! прости, помилуй!..»)
«Твоей таинственной трапезы…»
На смерть брата Николая Петровича Вульфа («Сознав всю суетность общественных волнений…»)
Утраченные мечты. Романс («Где же, где же вы, мечты ясные?..»)
Живой мертвец («В дни былые, дни юности ясной…»)
Моим усопшим («О, тени милые! вы грозно предстаете…»)
Мои воспоминанья («Над развалинами счастья…»)
Моя поэзия («Обуреваемый страстями…»)
Моя будущность («Кто меч поднял и поражает…»)
Моя судьба («Нет, на судьбу мне грех роптать…»)

На смерть И. В. Капниста («Непостижим Предвечного закон!..»)
Думы
1. «Что . . . . . непонятен…»
2. «Знать, довольно на свете я пожил…»
3. «Клювом в сердце бьет орел…»
Молитва («Приветствуя твой день рожденья…»)
К *** («. . . . . друг прекрасный…»)
К*** («Вы в день бесплотных сил явились…»)
«Из-за Москвы-реки, под проливным дождем…»
Своей невесте Харите Васильевне Мандрыкиной («То не лебедь горделивая…»)
К Бахметьевой («Говорят, она любезна…»)
К одной именинице («Желаю я, — и от души…»)
Смерть любовницы Стеньки Разина («Солнце на небе пылает…»)
По поводу трагикомического события — свадьбы одной невесты о семи женихах («Один жид взял его сестру…»)
Александре Дмитриевне Киттары (В *ответ на письмо* от 20 нояб. 1878 г.) («Хоть над поэтами слегка вы и смеетесь…»)
Его высокопр<евосходительст>ву Э. Ив. Тотлебену («Быв родине защитник знаменитый…»)
Эпитафия самому себе. Н. П. В…ф («Не уязвимый светскою молвою…»)
Перед светлой заутренней в 1865 г. своей сестре, после одного разговора. Экспромт («Моя старушка возмутилась…»)
«Встрепенись, оживись…»
Послания Н. П. Ву…у («Бразды прияв, рукой искусной…»)
«Весна — пора любви…»
Думы («О возрожденье помышляя…»)
Мой талисман. (Вечер 11 октября 1851 года) («Я помню вечер, как вдвоем…»)
Нути («В твоих устах и звук простой…»)

1874 г. 20 марта. Петербург. («Мне без низкого поклона…»)

За пределами усадьбы

Т. А. Ильина. **Два архивных документа: И. И. Лажечников – директор гимназии 129**
Е. Н. Строганова. **«Лучший человек» Дмитрий Семенович Ржевский 142**
Р. Г. Назарьян. **«Но трудный путь любви служенья Измучил, силы подкосив…» (Иван Лажечников-младший в Самарканде) 161**
Проза и стихи И. И. Лажечникова-младшего……..171
Аня-ханша
Последнее " Христос Воскресе!"
Христос Воскресе!
Из детских воспоминаний
Голгофа
Из песен детства
"Ты хочешь знать кой-что о бое…"
Вдали от родины (из заграничных воспоминаний)

А. Ю. Сорочан. Тверской писатель Лажечников **.....183**

Предисловие

История культуры, как и история литературы, в последнее время чаще ориентируется на концептуальные построения, иллюстрируемые конкретным материалом. При таком подходе разрушается собственно историческое представление об эволюционных процессах. Более оправданной представляется не конструкция, а реконструкция, о необходимости которой пишут многие представители школы «микроистории». Частные случаи, эпизоды, остающиеся на периферии глобальных исследований, сами по себе помогают воссоздать литературные процессы переходного времени. Этот подход представляется особенно уместным тогда, когда следует описать разрушение традиционного уклада и формирование нового. Более того – сходные процессы разворачиваются буквально на наших глазах. Интерес к усадебной культуре приобретает практическое значение, в литературе и публицистике все чаще создается апологетический образ «новой усадьбы». Старая усадебная культура реабилитируется и реконструируется, но в эту реконструкцию чаще всего включаются новые элементы, относящиеся к периоду приспособления, ко второй половине XIX – началу XX вв. Исследователям предстоит описать изменение социальных ролей и трансформацию русской усадьбы в указанный периода на конкретных примерах, представив опыт освоения бытового материала в пространстве культуры.

Явления усадебной культуры, попадающие в поле нашего зрения, так или иначе связаны с именем И. И. Лажечникова. Разнородный материал включает история имения Коноплино, к которой мы уже обращались во втором выпуске нашего издания. Однако не меньшее значение имеют и документы о дворянстве Лажечникова, и его обращения к усадебному миру в художественном творчестве (статьи М. В. Строганова и А. Ю. Сорочана). Писатель, обретший дворянство при таинственных обстоятельствах и так и не ставший подлинным помещиком, своей судьбой подтверждает тезис о распадении дворянской культуры в середине века. Тому немало свидетельств, многие из которых еще предстоит осмыслить – от деловых писем Лажечникова до позднейших упоминаний об усадьбе в его произведениях. Однако ж дальнейшая история усадеб Лажечнико-

ва, переходивших из рук в руки и быстро утративших прежнюю значимость, интересна самой мозаичностью – испытываются и отвергаются различные варианты, ни один из которых не обеспечивает стабильности культурного типа.

Усадебная культура Тверской губернии весьма богата. Анализируя историю имений вокруг Коноплина, А. В. Шитков демонстрирует разные варианты их развития. В усадебной поэзии Н. П. Вульфа мы видим своеобразное выражение особого культурного типа. Но этот тип довольно быстро уходит в прошлое. Дворянин вынужден служить – и реализовывать свой потенциал за пределами усадьбы. Это касается и Лажечникова (статья Т. А. Ильиной), и Д. И. Ржевского (статья Е. Н. Строгановой). Судьба Ивана Лажечникова-младшего – дворянина, лишенного имения – своим драматизмом лишний раз свидетельствует: усадебный мир обеспечивал дворянской культуре ту стабильность, сохранить которую смогли очень и очень немногие. Об этом – статья Р. Г. Назарьяна (Самарканд).

Все рассмотренные аспекты усадебной культуры XIX столетия позволяют сделать некоторые весьма существенные методологические выводы. Краеведческий и литературоведческий анализ оказываются в равной степени недостаточными для решения центральных проблем сборника; собранные здесь материалы позволяют предложить новые решения, о которых пойдет речь в заключительной статье.

В следующем году исполняется 220 лет со дня рождения И. И. Лажечникова. И потому вполне логично продолжение нашей общей работы…

М. В. Строганов

Лажечниковы в Тверской губернии

Как известно, жизнь Ивана Ивановича Лажечникова была очень тесно и очень долгое время связана с Тверской губернией. Сам факт службы, жизни и творчества Лажечникова в Твери и губернии хорошо известен и вошел во все биографии и справочные издания, однако многие подробности, которые могли бы пролить свет на обстоятельства этой жизни, до сих пор не выявлены. Краеведы, как, впрочем, и все другие исследователи, повторяют друг за другом одни и те же факты и данные, почти не перепроверяя друг друга. Новые ошибки громоздятся на старые, и число невыясненных обстоятельств растет и множится. Мне придется сейчас, может быть, несколько занудно распутывать клубок дел, связанных с включением братьев Лажечниковых с их семьями в родословную книгу Тверской губернии. Кто распутывал клубок ниток, хорошо знает, как медленно и кропотливо тянется это дело. Распутывать же человеческие отношения всегда гораздо сложнее, чем клубки ниток. Нарочито интриговать читателя выдуманными «тайнами» мне не хотелось бы: в жизни и так не всё легко и просто. Я вовсе не любитель смотреть, а тем более придумывать «истории в деталях», «русские сенсации», «слухи, сенсации, скандалы, расследования»? Я вовсе не любитель восклицать: «Ты не поверишь!» Но мне не хотелось бы и лакировать прошлую жизнь. Люди всегда люди, и всё хорошее, и всё плохое перемешано в них. Это и есть самое интересное.

В «Генеалогии господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год» роды братьев Лажечниковых числятся по отдельности: № 632 — род И. И. Лажечникова, а № 633 — род его брата Н. И. Лажечникова[1]. В приложении к «Генеалогии…» составитель ее М. Чернявский писал, что роды Ивана

[1] Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год, с алфавитным указателем и приложением / Сост. М. Чернявским. Тверь, [Б. г.]. С. 111.

Ивановича и Николая Ивановича «внесены в родословную книгу по отдельности, каждый по собственным своим заслугам»[1]. Как мы вскоре увидим, внесение в родословную книгу на самом деле произошло «по отдельности»: род Ивана Ивановича внесен в родословную книгу в 1844 г., а род Николая Ивановича — в 1849 г. Но необходимо определить, каковы же были эти «заслуги».

Иван Иванович и Николай Иванович Лажечниковы не были, как известно, потомственными дворянами. Поэтому право на получение потомственного дворянства она должны были приобрести своей собственной службой. Следует учесть, что дворяне, которые «получили дворянство по чину или ордену, могли вноситься в книгу той губернии, где они пожелают, независимо от наличия у них там недвижимости»[2]. При этом дворяне, получившие потомственное дворянство во время военной службы, вносились во вторую часть дворянской родословной книги, а дворяне, получившие потомственное дворянство во время гражданской службы, вносились в третью часть дворянской родословной книги (сюда же могли быть занесены также дворяне, получившие потомственное дворянство по ордену). Иван Иванович Лажечников был занесен во вторую часть родословной книги 31 июля 1844 г. вместе со своей первой женой Авдотьей Алексеевной, урожденной Шуруповой. М. Чернявский включает все эти данные задним числом, при составлении книги. Поэтому он указывает, что Лажечников является статским советником, однако следует помнить, что чин этот Лажечников получил только 8 апреля 1851 г., причем на гражданской службе тверским вице-губернатором. Напомню, что, вступив в должность в Твери коллежским асессором, Лажечников 7 марта 1833 г. произведен в надворные советники, 4 ноября 1844 г. — в коллежские советники, а в 8 апреля 1851 г. — в статские советники. Кроме того, следует отметить, что 31 октября 1846 г. Лажечни-

---

[1] Приложения к генеалогии господ дворян Тверской губернии с 1787 по 1869 год / Сост. М. Чернявским. Тверь, [Б. г.]. С. 114.

[2] *Раскин Д. И.* Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. V: XIX век. С. 679.

ков получил орден св. Анны второй степени[1], а в 1851 г. – знак отличия беспорочной службы[2].

11 марта 1844 г. было начато «Дело по доказательству о дворянстве надворного советника Ивана Иванова сына Лажечникова»[3]. В 1844 г. для получения потомственного дворянства было достаточно чина коллежского асессора, а Лажечников имел его уже до приезда в Тверь. Но главное обоснование состояло в том, как пишет М. Чернявский, что И. И. Лажечников получил, «находясь в воен<ной> службе, орд<ен> св. Анны 4 ст<епени> в 1814 г.»[4]. В своем прошении Лажечников называет себя «старицким помещиком», имея в виду, что в Старицком уезде Тверской губернии находилось его имение Коноплино. Правда, нигде в документах: ни в прошении, ни в копии формулярного списка — название имения не указано, отмечено только, что оно находится в Старицком уезде и содержит 63 души (очевидно, мужского пола; л. 2 об.). Однако, как известно, Лажечников продал свое имение Коноплино уже в 1843 г., когда заступил на пост тверского вице-губернатора и был

---

[1] Дело «По отношению канцелярии гражданского губернатора о пожаловании ордена Лажечникову»: Государственный архив Тверской области (далее: ГАТО). Ф. 466. Оп. 1. Т. 26. Ед. хр. 11914. Хотя дело было начато 15 ноября, а кончено 29 ноября 1846 г., но на самом деле ходатайство губернатора было отправлено 24 января 1846 г., а указ о награждении был подписан императором 31 октября 1846 г. См. также: ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 586. Этому предшествовало неудавшееся намерение выхлопотать чин статского советника через два года после получения чина коллежского советника; см.: ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Т. 26. Ед. Хр. 11721 (11.02.1846).

[2] Дело по докладу 1-го отделения о собрании некоторых сведений, необходимых при исходатайствовании вице-губернатору Лажечникову знака отличия беспорочной службы. Начато 24 апреля, кончено 31 мая 1851 г.

[3] ГАТО. Ф. 645 (Дворянское собрание). Оп. 1. Ед. хр. 4887. Л. 1.

[4] Приложения к генеалогии господ дворян Тверской губернии с 1787 по 1869 год. С. 114. Этим орденом Лажечников был награжден 14 марта 1814 г. за храбрость, оказанную в сражении под Парижем (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 586).

вынужден безотлучно находиться в Твери[1]. Как видим, был совершен небольшой подлог. С какой целью?

Для причисления к тверскому дворянству у Лажечникова имелось достаточное основание: соответствующий чин и орден св. Анны. Но для того, чтобы иметь право участвовать в дворянских собраниях с правом голоса, то есть участвовать в выборах дворян на те или иные должности, Лажечникову и потребовалось указание на наличие у него недвижимости. Как можно полагать, в этом расширении прав вице-губернатора был заинтересован и губернатор А. П. Бакунин, по инициативе которого, как легко догадаться, Лажечников и был определен к исполнению этой должности. Напомним, что сам А. П. Бакунин был назначен тверским губернатором 16 декабря 1842 г., но только 14 января 1843 г. прибыл в Тверь. Лажечников же уже 19 апреля 1843 г.[2] был назначен на должность вице-губернатора. В связи с этим становится понятной его срочная отставка 29 декабря 1842 г. от должности почетного попечителя Тверской гимназии[3], которую он исполнял меньше года — с 24 февраля 1842 г. А. П. Бакунин вообще очень благожелательно относился к Лажечникову и, видимо, весьма ценил его деловые качества. Об этом и свидетельствует и то, что губернатор неоднократно продвигал Лажечникова по службе[4].

Итак, в раде случаев Лажечников дал (мягко скажем) неточные сведения, очевидные современникам. Однако, не взирая на это, 31 июля 1844 г. дело было закончено, и Лажечников был причислен к тверскому дворянству. Никаких других доказательств, кроме формулярного списка, для этого причисления не потребовалось.

---

[1] См.: Письмо С. М. Великопольской о покупке И. И. Лажечниковым Коноплина // Журнал ТУАК. 1901. 6 ноября. № 84. С. 22. Впоследствии усадьба была продана Лажечниковым М. Н. Шишмаревой.

[2] *Сысоев Владимир.* Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. Тверь: ЗАО СДЦ «ПРЕСТО», 2004. С. 84, 86.

[3] ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 586.

[4] В этой связи требует внимательного пересмотра конфликт Бакунина и Лажечникова, связанный с делом о хищении денег. См. краткую сводку их: *Сысоев Владимир.* Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. С. 239—241.

По обычаю того времени, дворяне начинали ходатайство о причислении себя и своего рода к дворянству той или иной губернии, когда у них появлялись дети. У Лажечникова же в первом браке детей не было, поэтому стремление причислить себя с женой к тверскому дворянству выглядело достаточно необычно. Как можно понять, это было сделано затем, чтобы войти в круг дворянства той губернии, где Лажечникову пришлось служить в должности вице-губернатора. Пока он не имел этой должности, ему, видимо, был совершенно безразличен этот статус. Но исполнение должности вице-губернатора потребовало новых решений.

Но в 1853 г. Лажечников вступает во второй брак с Марией Ивановной, урожденной Озеровой, и в этом браке у него рождается трое детей, которых он хотел обеспечить дворянским привилегиями после своей смерти. Это побудило престарелого писателя вновь заняться дворянскими хлопотами. Так 12 июля 1863 г. началось «Дело по прошению статского советника и кавалера Ивана Ивановича Лажечникова о причислении к роду его жены его Марии Ивановны с детьми Иваном, Зинаидою и Евдокиею и о выдаче детям документов о дворянстве»[1]. Какие новые данные мы узнаем из этого дела?

Во-первых, здесь указан адрес Лажечникова: «Жительство имею в Москве, в Пресненской части, в 4-м кварт<але>, у Горбатого моста, в доме Павлова» (л. 1 об.).

Во-вторых, мы узнаем некоторые данные о детях и родственных отношениях писателя. Дочь Зинаида родилась 28 июля 1859 г., а крещена была в московской Георгиевской церкви (бывшем Георгиевском монастыре) 9 августа; восприемниками ее были тайный советник Михаил Иоакимович Попов и подполковница Елизавета Александровна Лажечникова, жена брата Николая (л. 8—9). Сын Иван родился 30 декабря 1860 г., а крещен был 15 января 1861 г. в той же церкви; восприемниками были генерал-адъютант, генерал от кавалерии граф Сергей Григорьевич Строганов и Софья Николаевна Лажечникова, дочь брата Николая (л. 8 об.). Дочь Евдокия родилась 8 марта 1862 г., а крещена была в московской Ермолаевской церкви на Козьем болоте 11 марта, восприемниками были надворный советник Александр Никифорович Иванов и Елизавета Алек-

[1] ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2214.

сандровна Лажечникова (л. 9—9 об.). Как показывают эти материалы, Лажечников старательно выбирал крестных родителей для своих детей. Крестной матерью обеих дочерей стала их родная тетка (жена родного брата Ивана Ивановича). Писатель хорошо понимал, что его возраст не позволит увидеть своих дочерей замужем, а жена его еще очень молода и неопытна. Поэтому он и выбирает дочерям в крестные матери тетку в надежде, что та позаботится о них. Для единственного же сына он просит быть крестным отцом графа С. Г. Строганова, который как попечитель Московского университета был начальником Лажечникова по службе в качестве цензора, а при случае мог оказать содействие своему крестнику на самом высоком уровне. В принципе, такие расчеты вполне естественны и свойственны многим (если не всем) людям. И если мы упоминаем о них специально, то только для того, чтобы развеять миф о непрактичности Лажечникова, который был пущен в обиход А. К. Жизневским[1]. Когда А. К. Жизневский, бывший сослуживец и защитник чести Лажечникова, утверждал это, его можно было понять. Но в настоящее время историку важнее всего правда.

После этих копий с метрических свидетельств в деле находится протокол заседания с изложением всех документов, где, в частности, сказано о Лажечникове: «В штрафах и под судом не был» (л. 22). Запомним эту фразу: она нам еще пригодится. А делопроизводство близилось к концу, и 8 августа 1863 г. трое детей Лажечникова с их матерью были внесены в родословную книгу тверского дворянства. Однако земель в это время у Лажечниковых в Тверской губернии не было.

Не менее интересна и история причисления к потомственному дворянству Тверской губернии рода брата Ивана Ивановича подполковника Николая Ивановича Лажечникова. 28 ноября 1849 г. было начато «Дело по прошению отставного подполковника Николая Иванова сына Лажечникова о внесении его с детьми: сыном Николаем и дочерьми Софьей и Марией в дворянскую родословную книгу Тверской губернии»[2]. Право же Н. И. Лажечникова на внесение его в дворянскую родословную книгу основывалось на том, что он, как пишет М. Чернявский, получил «военн<ый> ч<ин>

---

[1] *Жизневский А. К.* Памяти И. И. Лажечникова. Тверь, 1895.
[2] ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2215.

в 1813 году»[1]. Как мы уже говорили, дворяне, получившие право потомственного дворянства по военной или гражданской службе, могли приписываться к любой губернии, даже если они там не жили и не имели там собственности. Николай Иванович указывает в своем прошении, что местожительство имеет в сельце Голодеевка Чембарского уезда Пензенской губернии (л. 1 об.). Как можно догадаться по данным других документов (мы их приведем ниже), поселение Н. И. Лажечникова в Пензенской губернии было вызвано тем, что именно здесь он нашел удовлетворяющую его службу управляющим. Однако следует думать, что это эту службу подыскал ему старший брат, который 20 ноября 1820 по 5 декабря 1823 гг. служил директором училищ Пензенской губернии[2], а в конце 1820-х гг. и сам был управляющим в поместьях графа А. И. Остермана-Толстого[3]. Иван Иванович старался помогать своему брату, в чем мы еще не раз убедимся.

Итак, 28 ноября 1849 г. было начато дело о внесении Н. И. Лажечникова с детьми в дворянскую родословную книгу Тверской губернии. Автографической подписи под его прошением нет, а расписку о получении документов по окончании дела сделал Иван Иванович. Поэтому мы можем предположить, что и подавал прошение также Иван Иванович, а не Николай Иванович, сам проситель.

Далее в деле содержится недатированная копия послужного списка Н. И. Лажечникова, из которой следует, что в 1828 г. он имел 33 года от роду, за его отцом коллежским асессором Иваном Ильичом Лажечниковым в Коломенском уезде Московской губернии числилось 100 душ крепостных крестьян. 2 июня 1813 г. Н. И. Лажечников вступил в Московское ополчение прапорщиком, в гренадерский принца Павла Мекленбургского полк, получил чин подпоручика 4 октября 1813 г. Напомню, что И. И. Лажечников служил в этом полку с 12 сентября 1812 г., а со 2 марта 1813 г. со-

---

[1] Приложения к генеалогии господ дворян Тверской губернии с 1787 по 1869 год. С. 114.

[2] ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 586.

[3] *Викторович В. А.* Лажечников И. И. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 273.

стоял адъютантом при шефе этого полка[1]. А 22 ноября 1814 г. Н. И. Лажечников был переведен в гренадерский же его королевского высочества принца Евгения Виртембергского полк. Дальнейшее его продвижение по службе таково: 6 октября 1816 г. — поручик, 19 сентября 1818 г. — штабс-капитан, 9 декабря 1820 г. — капитан, 31 марта 1824 г. — майор с переводом в 3-й карабинерский полк, 13 января 1828 г., состоя в отдельном корпусе Военных поселений, уволен по домашним обстоятельствам с чином подполковника и с мундиром (л. 3—4).

Для внесения детей в родословную книгу Н. И. Лажечников представил документы об их рождении. Из этих документов мы узнаем, что дочь Софья родилась 25 мая 1841 г. в селе Ключи Чембарского уезда и что ее отец был в это время управляющим владельца села Ключи г-на Киреевского (л. 5). Сын Николай родился 26 февраля 1843 г. и крещен в г. Моршанске, в Вознесенской церкви (л. 7). Дочь Мария родилась 2 июня 1844 г. в селе Вражское и там же крещена, отец ее по-прежнему числится управляющим Киреевского. Но тут же возникают и вопросы.

Во-первых, согласно «Генеалогии…», у Н. И. Лажечникова и его жены Елизаветы Александровны был к этому времени сын Иван, родившийся 18 октября 1846 г., однако в этом деле никаких документов об Иване у нас нет. Почему это произошло — не известно; когда там появился Иван — мы не знаем.

Кроме того, в «Генеалогии…» в родословной росписи мы встречаем еще и сына Александра, родившегося 8 сентября 1850 г.[2] Совершенно очевидно, что в 1849 г. он и не мог быть внесен в «Генеалогию…» Но когда он был причислен к роду — нам неизвестно. Правда, дело считается официально законченным 15 декабря 1849 г. Однако последний документ в деле помечен 23 мая 1850 г. (протокол заседания с окончательным решением, л. 17), значит, мы можем предположить, что какие-то уточнения относительно детей Н. И. Лажечникова могли быть сделаны и позднее.

Впрочем, в «Генеалогии…» над строкой с именами всех пятерых детей указано, что только 6 июня 1863 г. они внесены в родо-

---

[1] ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 586.

[2] Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год. С. 111.

словную книгу. Кроме того, в приложении к «Генеалогии…» М. Чернявский указывает, что 24 сентября 1863 г. был издан высочайший указ о перенесении рода Н. И. Лажечникова из 3-й во 2-ю часть родословной книги[1]. Но и этот указ нами не обнаружен.

Итак, сам Н. И. Лажечников был внесен в книгу 15 декабря 1849 г. вместе со своей женой Елизаветой Александровной и тремя детьми. Почему он адресовался в Тверскую губернию с подобной просьбой, нам понятно: он рассчитывал — вполне основательно — на помощь своего влиятельного брата. Вместе с тем, как показывает практика, никаких особенных препятствий в приписании к Пензенскому дворянству у него также не могло бы возникнуть: все документы его были вполне исправны, а согласно положению он мог быть приписан к любой губернии. Более того, странно, что он отказался от приписания к московскому дворянству, не взирая на то, что Московской губернии у его отца была недвижимость.

Думается, что Н. И. Лажечников даже никогда не приезжал в Тверскую губернию. Во всяком случае, мы ничего не знаем о том, навещал ли он своего брата, хотя о поездках И. И. Лажечникова к брату в Коломну и окрестности хорошо известно.

Но связи с Тверским краем у потомков Н. И. Лажечникова не прекращались. Об этом свидетельствует «Дело по прошению сына отставного подпоручика Ивана Николаевича Лажечникова Александра Ивановича Лажечникова о причислении его к роду означенного отца его и выдаче ему свидетельства о дворянстве вместе с метрикою о его рождении»[2]. Дело это было начато 13 мая 1892 г. и закончено буквально на следующий день, 14 мая. Дело это было возбуждено внуком Н. И. Лажечникова, сыном почему-то пропущенного в документах дела 1849 г. Ивана, который, впрочем, по книге М. Чернявского, составленной в 1869 г., числился в составе рода. Из этого дела мы узнаем, что А. И. Лажечников живет в Москве, во 2-м участке Тверской части, в Чернышевском переулке, в доме Василенко, № 3. Далее А. И. Лажечников предоставляет копию формулярного списка своего отца: Иван Николаевич Лажечников родился 18 октября 1846 г. (что соответствует известным нам данным), правда, почему-то — из дворян Пензенской губер-

---

[1] Приложения к генеалогии господ дворян Тверской губернии. С. 114.
[2] ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2216.

нии. Учился И. Н. Лажечников в Николаевском инженерном училище, с 3 сентября 1863 г. вступил в службу кондуктором в роте Николаевского инженерного училища. Дальнейшее продвижение его по службе было достаточно успешным: 8 августа 1866 г. — прапорщик 2-го Кавказского Северного батальона; с 13 декабря 1866 г. по 13 января 1868 г. — батальонный адъютант; 8 июля 1869 г. — поручик; с 30 января 1871 г. в отставке. Отставка, как мы вскоре поймем, произошла вследствие женитьбы, по семейным обстоятельствам. И. Н. Лажечников был женат на дочери коллежского советника Екатерине Павловне Сервиановой, имения родового или благоприобретенного у него и его жены не было. В 1879 г. он проживал в Москве, в 4-м квартале Пречистенской части, в доме Подладчиковой (л. 2—3). Далее в деле мы находим копию свидетельства, выданную Московской духовной консисторией. Согласно этому документу, 20 апреля родился, а 23 апреля 1870 г. был крещен в московской Христорождественской церкви в Кудрине сын И. Н. Лажечникова Александр. Восприемниками его были коллежский советник Павел Захарьевич Сервиянов и вдова Елизавета Александровна Лажечникова (л. 5), дед со стороны матери и бабушка со стороны отца.

Возвращаясь к братьям Ивану Ивановичу и Николаю Ивановичу Лажечниковым, которые и являются главными нашими героями, мы должны поставить еще один, последний «загадочный» вопрос. Обычно для внесения в родословную книгу дворянам необходимо было предоставить целый ряд документов, который удостоверял бы, в первую очередь, их принадлежность к потомственному дворянству. Как мы поняли, братья Лажечниковы выслужили себе потомственное дворянство, так как отец их был богатым, просвещенным человеком, но — купцом[1]. Между тем у М. Чернявского об Иване и Николае Ивановичах сказано: «дети коммерции советника, дворянина»[2]. Что это значит?

Коммерции советник — это почетный титул, который был установлен в 1800 г. для купечества; он соответствовал VIII классу статской службы, то есть чину коллежского асессора. С 1824 г. было определено, что звания коммерции советника могут быть удо-

---

[1] *Викторович В. А.* Лажечников И. И. С. 273.

[2] Приложения к генеалогии господ дворян Тверской губернии. С. 114.

стоены купцы, пробывшие в I гильдии 12 лет сряду. В 1836 г. коммерции советникам, а также их вдовам и детям было предоставлено ходатайствовать о причислении их к потомственному почетному гражданству. В 1854 г. сыновья коммерции советников получили право поступать на государственную службу (канцелярскими служителями второго разряда). Итак, мы видим, что всё время права и прерогативы коммерции советников расширялись, но они никогда не уравнивались с правами и прерогативами дворянского сословия. На этом фоне формулировка М. Чернявского выглядит крайне странной, а для члена правления губернского дворянского собрания она граничит с нарушением дворянских прав и вольностей, которые как раз и должны были соблюдать такие структуры, как дворянские собрания.

Тверских «тайн» у Лажечникова осталось еще не мало. Мы пока не выяснили, когда и у кого он приобрел и когда и кому продал свое первое тверское имение Коноплино[1] (а прежнего Коноплина даже в развалившемся состоянии уже никто не увидит: там теперь новый хозяин и новая жизнь). Мы пока не знаем, где находилось его второе тверское имение Никольское[2] (и уж тем более не знаем, когда и у кого он его приобрел и когда и кому продал). Признаемся честно: мы никогда не узнаем чужую жизнь во всех подробностях. Чужая жизнь в принципе стремится закрыться от наших любопытных глаз, и правильно делает. То, что мы не смогли раскрыть и понять, может раскрыться перед нашими потомками, но может вообще никогда никому не раскроется. Важно, чтобы мы не считали себя или наших предков лучше, не приукрашивали и не ухудшали, а видели бы людей — людьми.

---

[1] В статье А. В. Шиткова в настоящем сборнике приводится наиболее распространенная и убедительная версия. – *Ред.*

[2] Версия, которая изложена в статье А. Ю. Сорочана (см. ниже), подтверждается пока только художественными текстами. – *Ред.*

А. Ю. Сорочан

Усадебная культура в произведениях Лажечникова

Изучение «культурного ландшафта» в системе гуманитарных наук началось сравнительно недавно[1]. Однако почти сразу же стало очевидно, что оппозиция «столица / провинция» не исчерпывает реальной сложности художественной географии. И литературоведы все продуктивнее разрабатывают категории «курорт», «дача», «усадьба»[2]. И все очевиднее становится, что анализ данных категорий не может основываться только на творчестве «избранных» классиков. Так в сферу литературоведческого внимания попадают не столичные, «провинциальные» писатели. И особый интерес представляют авторы, которые побывали и в столичной, и в провинциальной роли, авторы, которые опровергают представления о «рядах» и «чинах» в литературе.

Иван Иванович Лажечников именно таков. То столичный, то провинциальный чиновник, то известный, то забытый писатель, то помещик, то вице-губернатор, то романист, то драматург… Мы не рассматриваем, как менялась литературная репутация Лажечникова, не обсуждаем восприятие его текстов столичной и провинциальной публикой. Речь пойдет об одной из категорий культурного ландшафта и ее развитии в художественном творчестве отдельно взятого автора. Точнее, в данной статье рассматривается вопрос о воплощении в текстах Лажечникова специфической усадебной культуры.

Само понятие «усадьба» претерпело немало трансформаций – как в сознании читающей публики, так и в литературоведении.

---

[1] Об истории этого понятия и необходимости его для гуманитарных исследований см.: *Веденин Ю. А.* Очерки по географии искусства. СПб., 1997.

[2] Перечень терминов и понятий, имеющих первоочередное значение для централистских и децентралистских исследований приведен в кн.: *Строганов М. В*. Литературное краеведение. Тверь: ТвгУ, 2009. С. 193-195.

Возможны метафорические определения: «Усадьба – представительство города в провинции»[1]. Возможны культурологические абстракции: «Усадьба… в идеале призвана была играть роль «райского уголка», то есть сада, освоенной и одомашненной природы в содружестве со словом, музыкой, архитектурой и прочими «музами»»[2]. Усадьба может рассматриваться и как «родовое помещичье имение», исполняющее функции локального культурного центра[3]. Как мы увидим далее, все эти трактовки равно правомерны: в разное время и для разных авторов усадьба и усадебная культура обретают разные значения. Но общим остается одно: роль усадьбы как неустойчивого центра притяжения, заимствующего определенные культурные формы у столицы и провинции. Этим объясняется и стабильность усадебной культуры, и одновременно – внешняя хрупкость этой культуры, зафиксированная во множестве художественных текстов.

Может показаться, что Лажечников не так уж много писал об усадьбах, что другие литераторы 1830-1850-х годов чаще обращались к соответствующей проблематике, что исторический романист обращается к прошлому, в котором и понятия соответствующего еще не было… В таких аргументах есть своя правда: Лажечников – не «усадебный» автор, даже в текстах на современные темы помещичье имение и соответствующая культура практически никогда не занимают центрального места. Однако мы обнаруживаем в трактовке усадебных образов в прозе Лажечникова весьма показательную эволюцию. В произведениях разных жанров сталкиваются разные отношения к усадебной жизни, разные характеристики процессов, совершающихся в поместной культуре. По-разному отражается и уникальный опыт автора, и осмысление общих закономерностей развития усадьбы. И отыскать в этих частных указаниях некоторые важные для историка литературы модели мы попытаемся далее…

---

[1] *Фазолини М.* Взгляд на усадьбу, или представление провинциалов о столичной жизни // Русская провинция: миф-текст-реальность. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 177.

[2] *Щукин В.* Мир дворянского гнезда. Krakow, 1997. С. 71.

[3] *Вестстейн В.* Помещичья усадьба в русской литературе XIX – начала XX в. // Русская провинция: миф-текст-реальность… С. 186.

1.
Прообразы усадьбы

В творчестве Лажечникова самое слово «усадьба» упоминается. Крайне редко. О ранних произведениях и вовсе говорить не приходится. Да и можно ли говорить об усадебной культуре применительно к книжным «сентиментальным» текстам или романам и мемуарам? Оказывается, некоторые основания для этого есть.

Уже в первых произведениях Лажечникова есть указания на сложности, связанные с жизнью помещика в усадьбе. В рассуждении «О беспечности» подобные высказывания носят отвлеченный характер. А в романе «Последний Новик» создается развернутая картина отношений помещиков и земледельцев, которая не может быть в полной мере понята без введения некоего промежуточного элемента. Усадьба – понятие, чуждое героям первого романа Лажечникова. Но история Лифляндии дает немало примеров того, как право собственности на землю становилось источником раздоров, как дворянство лишалось своих поместий, как утрачивалась гармония поместной жизни.

Собственно, начинается роман с такой ситуации: «С царствованием Карла XI настали самые черные годы для лифляндского дворянства. Желая поправить расстроенные финансы Швеции, он повелел редукцию имений, принадлежавших некогда правительству и правительством же подаренных частным лицам в потомственное владение во времена епископов, гермейстеров и королей. На этот предмет учреждена была комиссия. Рассуждению ее подлежало также узаконение великое и благодетельное, за которое надлежало бы человечеству благословлять память государя, творца этого узаконения, если б оно не смешивалось в одно время с своекорыстными видами. К тому же меры и способы исполнения были приняты несправедливые, насильственные и жестокие; исполнители преступили волю государя – и цель самых благодетельных видов правительства была потеряна. В позднейшее время предоставлено было миротворцу Европы сделать важный приступ к соглашению человеколюбия с сохранением прав собственности, к сближению враждующих между собою одного класса народа с другим, и тем собрать на себя еще при жизни, посвященной счастью великой империи, благословения лифляндских помещиков и земледельцев. Не

так действовал своекорыстный Карл XI. За ужасными словами: *редукция* и *ликвидация* последовало дело, и отчины, без всякого уважения давности и законности, были отрезаны и отписаны на короля. Из шести с лишком тысяч гаков, бывших во владении частных лиц, с лишком пять тысяч были взяты в казну, тысяча с небольшим оставлены владельцам и при церквах»[1]. Утрата дворянами родовых поместий воспринимается как трагедия – тем большим контрастом оказываются описания мест, в которых благородные герои обитают в гармонии с природой.

Лифляндские мызы, описание которых сопровождает значительную часть действия, – это не усадьбы[2]. Но очень важно, что это и не обиталища поселян XVIII столетия: романист описывает те места, которых в петровскую эпоху не существовало. Он пересоздает поэзию жизни на лоне природы, используя и риторику, и ролевые модели XIX столетия. Особенно это заметно в следующем пассаже: «Дорога большею частию идет по горам и между гор, разнообразных, как игра воображения. Почти каждая гора имеет свой особенный вид, свою привлекательность… На острой конечности одной стоит роща букетом, по другой разлилась, как по шлему, косматая грива; третью черный сосновый бор оградил стеной зубчатой. Там кустарник окудрявил голову горы; здесь обвил ее венцом или смело вполз на нее в разных кривизнах. Эту картину оживляют разостланные по отлогостям полосы яровой зелени или золотой жатвы, красивые мызы с их розовыми кровлями, гордо озирающие окрестность, рассыпанные там и сям одинокие хижины, которые лепятся к бокам гор, как ласточкины гнезда, или стоят смиренно за щитом подножия их с частоколами и овощными садами… С трудом отрывается путешественник от этого места»[3]. И здесь вспоминается не только уточнение, сделанное еще В. И. Далем относительно употребления слова «мыза»: в России термин относился к петербургскому говору и употреблялся преимущественно в западной части Петербургской губернии, в настоящее время является устаревшим. Важно и другое. В Эстонии мызами назы-

---

[1] *Лажечников И. И.* Последний Новик. М.: Правда, 1983. С. 5.

[2] Мы́за (эст. *mõis*, финск. *moisio*) — в Эстонии и Ингерманландии — отдельно стоящая усадьба с хозяйством, хутор, поместье.

[3] *Лажечников И. И.* Последний Новик. С. 13.

вались хутора; известен этот термин и в юго-западной части Ленинградской области (бывшая территория Ингерманландии). Правда, в последнем случае *мызами* в XVII-XVIII вв. назывались не хутора, а обособленные помещичьи усадьбы с принадлежавшими им сельскохозяйственными постройками (швед. *håff*), служившие основой административно-территориального деления Ингерманландии. Именно «усадебное» значение и берется за основу Лажечниковым, создающим картины гармоничного существования людей на лоне природы.

Идеализированным центром сельской жизни предстает мыза Блументроста: «С версту вперед от Долины мертвецов, в виду менценской дороги, на холмистом мыску, обведенном речкою Вайдау, стоял красивый господский домик с такими же красивыми службами и скотным двором. Мыза эта защищалась от полуденного солнца березовою рощей, примыкавшею к сосновому лесу, наполненному столькими ужасами, о которых порассказал Фриц, от северных аквилонов – высоким берегом речки. Цветники, со вкусом расположенные и хорошо содержанные; небольшой плодовитый сад, в котором каждое дерево росло бодро и сильно, будто в соревновании одно перед другим, как члены юного, мужающего народа; зеленые пажити, на которых ходили тучные коровы; стоки, проведенные с высот; исправные водохранилища; поля, обещающие богатую жатву; работники, непраздные, чисто одетые и наделенные дарами здоровья, трудолюбия и свободы, – все показывало, что обладатель этого поместья любил жить порядочно и приятно. Казалось, что сюда перенесен был один из цветущих уголков Англии»[1]. Процветающая мыза явно противопоставляется угасающему замку Траутфеттеров: «Подойдя к самому пригорку, на котором стояли развалины замка и господский дом, ничего нельзя было различить, кроме нескольких черных, безобразных громад. Только по временам, когда в черной туче загоралась длинная красноватая молния, освещавшая окружность, видны были на возвышении влево, под сенью соснового леса, бедные остатки замка и правей его – двухэтажный дом. О прежнем великолепии дома свидетельствовали еще множество статуй Нептунов, Диан, Флор и прочих сочленов Олимпа с разбитыми головами или обломанными руками; остатки

[1] Там же. С. 45.

на фронтоне искусной лепной работы и два бесхвостых сфинкса, еще, впрочем, в добром здоровье, охранявших вход в это жилище. В то же время и настоящее жалкое положение его выказывали пестрая штукатурка, выпавшие из углов кирпичи, поросшие из-под кровли кусты и разбитые стекла, залепленные бумагою или обтянутые пузырями. За домом видна была купа дерев, огражденная двойным валом, сходившим с возвышения до самой речки Метты, которая, виясь под пригорком, разыгрывалась в проблески молнии, как полосы дружно размахнутых кос. Кругом, кое-где по холмам, стояли рощи»[1]. Мир замка – весь в прошлом, в новом времени жизнь помещика протекает в соответствующем его статусу пространстве мызы. Здесь находится место и отдыху, и труду, и единению с природой, и размышлениям о благах цивилизации. Немецкая умеренность у положительных героев Лажечникова соединяется с английской аккуратностью, и это позволяет им поддерживать дворянский статус в новую эпоху. Как видим, Англия в описании мызы упоминается недаром. Рассуждая о вольностях дворянских, романист обращается, как правило, к национальным категориям, преодолевая и локальную ограниченность сюжета, и сообщая читателям необходимые сведения о европейском идеале существования просвещенного класса.

На мызе все подчинено принципу удобства. Но для создания удобств необходимы подчас значительные усилия, связанные с окультуриванием дикой природы: «Надо сказать, что эта мыза облокачивается к западу об гору, довольно далеко протягивающуюся, к северо-востоку смотрит на ровные поля, а к полдню обогнута болотом, на коем ржавела еще в недавнее время осадка потопных вод. Ныне, когда человек неутомимо допытывает все стихии на свою службу, он выжал эти воды, отвел им пути, да не выйдут из них, и в первобытном, холодном их ложе добывает огонь для своих очагов и новые источники богатства. Пирамиды и квадраты земляного угля веселят взоры там, где, бывало, самое легкое животное не смело поставить ноги своей. В то время, которое описываю, была устроена по болоту узкая, бревенчатая гать, такая удобная и покойная, что езду по ней можно было сравнить разве с речью заики»[2].

---

[1] Там же. С 206.
[2] Там же. С. 284.

В прибалтийских государствах идеальное поместье уже существует (пусть романист и присваивает ему некоторые черты, свойственные российскому XIX столетию); однако в самой России такой идеал пока еще недостижим. Все описания русского государства в первых романах писателя не включают ничего, сколько-нибудь напоминающего усадьбу: «Чудные видения обступили меня теперь, – отвечал Конрад. – Я видел край, доселе неведомый мне. Каменная зубчатая стена белелась на берегу реки; за стеною, на горе, рассыпаны были белокаменные палаты, с большими крыльцами, с теремами, с башенками, и множество храмов божиих с золотыми верхами в виде пылающих сердец; на крестах их теплился луч восходящего солнца, а крыши горели, подобно латам рыцаря; в храмах было зажжено множество свечей. Я слышал: в них пели что-то радостное; но то были песни неземные...»[1]. Но вспомним последний монолог Новика. Владимир отказывается от почестей и славы, желая провести остаток дней в безвестности, но – в определенном месте. Речь идет не просто о монастыре и даже не о конкретном монастыре, а о пространстве, окружающем этот монастырь: «Я здесь на родине: во всякие часы дня могу смотреть на места, где провел свое детство; там я родился, тут, ближе, Софьино, где я воспитывался; здесь Коломенское, а здесь золотоглавая Москва с ее храмами и белокаменными палатами, с ее святынею и благолепием. Все тут, чего просил изгнанник, что он покупал ценою унижения и трудов необыкновенных! Мои соотечественники, православные, не откажут мне в могиле на общем кладбище, между ними»[2]. Идеализированное Софьино, в котором Владимир провел детство, это загородная царская резиденция, которая в сознании героя обретает все признаки усадьбы. Лажечников стремится обнаружить в России то же идеальное пространство для дворянского существования между столицей и провинцией. А кто ищет – тот всегда находит…

Это поиск продолжается и в «Ледяном доме»: «Летний дворец, Летний сад – сколько цветущих воспоминаний увиваются около этих двух имен! Там, говорите вы, в маленьких покоях Петр I созидал дела великие, которых последствия осенят и наших потомков».

---

[1] Там же. С. 324..

[2] Там же. С. 528.

Далее следует описание царского отдыха в «садах», удаленных от столицы – это как раз пространство, максимально приближенное к «усадьбе»:

«Там, под тенью дерев, им самим посаженных, любил государь, после заповеданных трудовых дней, тешиться, как добрый, простой семьянин. Кому также не известно, что этот сад бывал сборным местом всего Петербурга, когда царь, от избытка удовольствия, спешил сообщить своим любезным подданным и детям весть об успехе важного подвига, совершенного им для блага России? Радость передавалась безусловно; все состояния в ней равно участвовали. Уж и наши прадеды не любили ломаться на зов надежды-государя и угощения матушки-царицы и великих княжон. Хмельные от вина, медов и торжества, они не чинилися, тем более что, по простому обычаю старины, и сам державный бывал иногда навеселе. Все говорили вслух о том, что было у них на душе, потому что в душе ничего не таилось против хозяина. Аллеи кипели и шумели; на скамьях обнимались; в гроте, убранном на диво заморскими раковинами, слышались поцелуи; водометы плескали, и самые мраморные статуи, между перебегающими группами, казалось, двигались. На царицыном лугу народ роился; там деревянный лев, обремененный седоками, беспрестанно нырял в толпе и высоко возносился на воздух; покорные под всадниками лошадки и сани с обнимающимися парами кружились так, что глазам зрителей было больно. Тут же любопытных допускали смотреть в зверинце двух живых львов и слона. Только темная ночь разгоняла пирующих. Когда же государь, распрощавшись с гостями своими, уходил в двухэтажный домик, охраняемый любовью народной, он мог слышать, как провожали его виваты иностранцев и благословения русских»[1].

Без царских усадеб сама Москва была «бедною, ничтожною, похожею на большое село, огороженное детинцем»[2]. В отсутствие подобных культурных центров столица превращалась в обитель невежества и мрака:

---

[1] *Лажечников И. И.* Ледяной дом. М.: Советская Россия, 1977. С. 55.

[2] *Лажечников И. И.* Басурман; Колдун на Сухаревой башне; Очерки-воспоминания. М.: Советская Россия, 1989. С. 23.

«Москва, разметавшаяся по слободам, по садам и концам, заключала в себе между ними то рощи, то поля, то луговины. Самые обширные из полей были Воронцово и Кучково. На первом стоял терем великокняжеский с садами - любимое летнее жилище московских венценосцев: здесь тешились они соколиною охотой; отсюда выезжали на ловлю диких зверей в дремучие леса, облегавшие Яузу с востока; отсюда могли любоваться на Кремль свой, и Замоскворечье с Даниловским монастырем, и городище за Яузою. Прямо через эту реку, шумную, пересекаемую многими мельницами, глядела очи в очи на терем великокняжеский святыня Андроньевской обители. Васильев луг (там, где ныне воспитательный дом), большею частью болотистый, отсекал Великую улицу и выше Варьскую. Кучково поле начиналось от Сретенской церкви, с именем которой пробуждается воспоминание об освобождении нашем от ига татарского»[1].

Находит романист и новое описание для загадочного пространства между столицей и провинцией. Происходит это в «тверских» главах «Басурмана»: «Вообще надо заметить, что человек, по врожденной склонности к красотам природы – может быть, наследственной от первобытного жильца земли, – царь ли он или селянин, любит располагать свои жилища на красивых местах. Одна нужда, одна неволя загоняют его на безводные равнины, в леса, по соседству болот. В выборе местности для русских городов и царских увеселительных сел особенно заметна эта любовь. Иван Васильевич, любуясь живописною картиной, которую развернул перед ним великий художник, вспомнил свои села: Воробьево, Коломенское, Остров, свое Воронцово поле, где он встречал весну и провожал лето в удовольствиях соколиной охоты и прогулок по садам»[2]. «Увеселительное село» – это уже не просто вотчина или место жительства; государю представляется природа, измененная под воздействием культуры, и культура, сливающаяся с природой. Обратим внимание на тот набор удовольствий, которые воображает себе герой романа. Естественно, не все русские государи разделяют интерес к соколиной охоте и садоводству (последним был, кажется, Алексей Михайлович), но соединение «природного» и «культурно-

[1] Там же. С. 216.
[2] Там же.

го» в этих видах деятельности наиболее эффектно. «Увеселительное село» располагает к подобным занятиям, которые одновременно – и отдых, и искусство. Царские поместья – центр особой, «новой», «синтетической» культуры.

Легко провести параллель между загородным обиталищем государя и городскими палатами его вельмож. В описании дома Образца Лажечников идет по этому пути. Терем уподобляется поместью. Это – такой же самоценный мир, со своей культурой, со своим сочетанием «столичного» (просвещение) и «провинциального» (суеверия): «Внутри города, именно на том самом месте, где еще в наше время стоял каменный шатер для хранения пушек, в свою очередь сломанный, красовался дом московского воеводы и боярина Василия Федоровича Симского, по прозванию Образца. Двор его одною стороною граничил к площадке, на которой стояла церковь Николы-Льняного, при повороте вниз Константино-Еленовской улицы, а другою стороною к кремлевской стене. Этот дом был каменный, строен на славу иноземными мастерами и прозван ими паластом (palais), почему и наши с этого времени стали называть каменные дома палатами. Тогда их было только два, Образцов и московского головы»[1].

Но от этого замкнутого, самодостаточного мира не так уж сложно перейти к миру реальному. Начиная с «Басурмана», усадебный мир щедро представлен в ретроспективных фрагментах текстов Лажечникова. К ним мы и обратимся далее.

2.
Усадьба в ретроспекциях

Самое известное из таких описаний до сих пор не получило никакого реального комментария в изданиях «Басурмана». Приведем полностью описание, представляющее – впервые у Лажечникова – идеал не только близкий по времени, но и доступный:

«Кто посещал Жолтиков монастырь[2] по дороге, провожающей Тьмаку, останавливался, конечно, не раз полюбоваться ее живо-

---

[1] Там же. С. 83.

[2] Желтиков Успенский монастырь, основан в 1394 г. В советское время уничтожен; сохранились лишь братский корпус и часть колокольни.

писными излучинами. Вас не поразят здесь дикие величественные виды, напоминающие поэтический мятеж стихий в один из ужасных переворотов мира; вы не увидите здесь грозных утесов, этих ступеней, по коим шли титаны на брань с небом и с которых пали, разбросав в неровном бою обломки своих оружий, доныне пугающие воображение; вы не увидите на следах потопа, остывших, когда он стекал с остова земли, векового дуба, этого Оссиана лесов, воспевающего в час бури победу неба над землей; вы не услышите в реве потока, брошенного из громовой длани, вечного отзыва тех богохульных криков, которые поражали слух природы в ужасной борьбе создания с своим творцом. Нет, вас не поразят здесь эти дикие, величественные картины. Скромная речка, будто не смеющая разыграться, смиренный лепет вод ее, мельница, тихо говорящая, берега, которые возвращаются к дороге, лишь только забывшись немного, убежали от нее, лужок, притаившийся в кустах, темный бор, который то вздыхает, как отшельник по небе, то шепчет словно молитву про себя, то затянет томный сладкозвучный мотив, будто псалмопевец в божественной думе, перебирающий золотыми струнами своих гуслей; в виду два монастыря, жилище архипастыря, кругом глубокое уединение: все напоминает вам по вашему пути, что вы идете в духовную обитель.

Вот здесь-то, у самой дороги, провожающей речку Тьмаку, стояла во время, которое описываем, небольшая мельница (на том самом месте, где и ныне стоит она)»[1].

Лажечников описывает в этом фрагменте места, произведшие на него огромное впечатление – не в последнюю очередь своим спокойствием, неизменностью – и сыгравшие в жизни писателя немалую роль. Будучи владельцем Коноплина, он приезжал в Тверь по Старицкой дороге, минуя Желтиков монастырь. Именно здесь, на этой дороге, и располагалось имение Никольское[2], приобретенное Лажечниковым после переезда в Тверь. В Желтиковом монастыре была похоронена позднее первая жена Лажечникова[3]. Другой мо-

---

[1] Там же. С. 248.

[2] Ныне от времен Лажечникова сохранилась только церковь Ильи Пророка на Никольском погосте (см. фото на обложке сборника). Церковь построена в 1791-1803 гг.

[3] См.: Лажечников и Тверской край. Вып. 1. Тверь: Марина, 2005.

настырь, вид на который открывается путешественнику, – это Христорождественский монастырь, расположенный на правом берегу Тьмаки, на возвышенности. Именно в первые десятилетия XIX века в монастыре развернулось интенсивное строительство: возводится новая каменная ограда, строится главный собор – Рождества Христова (освящен в 1829 году), а также Троицкая церковь. «Жилище архипастыря», как представляется, тоже появляется в описании неспроста. На правом берегу Тьмаки занимала очень большой участок загородная летняя резиденция тверских архиереев – Трёхсвятское. На этом месте ранее располагался Троицкий монастырь, разоренный в 1610-х годах. В середине XVIII века территория была благоустроена, с 1763 г. (год большого пожара в Твери) тверские архиереи проживали здесь постоянно. Трёхсвятское представляло собой наиболее эффектно спланированный загородный ансамбль в окрестностях Твери. Вот описание конца XVIII в.: «…оный дом окружен на три версты осаженными деревьями наподобие шпалера, и в той окружности находится хороший регулярный сад из посаженных дерев лип и клену, а в куртинах посажены яблони и вишни; в нем изрядные беседки, семь прудов, при одном оранжерея каменная, а при другом гора, названная Фаворская, натурою и искусством украшенная, в прудах имеется рыба разных родов, при том же доме великолепная деревянная церковь, консистория и дом архиерейский каменные[1], а при том и несколько служб деревянных, оный дом по близости города делает взору приятный вид»[2]. И этот ансамбль – вместе с ансамблями столь же эффектно расположенных монастырей – и наблюдал неоднократно помещик Лажечников. Естественно, картины «природного» уединения были теснейшим образом связаны с этими «культурными» образами. И свою жизнь Лажечников мечтал построить по высшему усадебному стандарту (что, судя по всему, не удавалось в Коноплине). Так, судя по всему, и возникла идея приобретения Никольского.

---

[1] Дом был существенно перестроен в 1820-х годах; следующий этап ремонтных работ осуществлялся в годы вице-губернаторства Лажечникова.

[2] Цит. по: Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область: В 6 ч. Ч. 1 / отв. Ред. Г. К. Смирнов. М.: Наука, 2002. С. 575.

До сих пор еще можно найти здесь остатки мельницы, можно увидеть сохранившуюся часть хвойного леса, можно пройтись по берегу Тьмаки и представить, где располагались господский дом и крестьянские избы (в Никольском Лажечников был владельцем 53 душ). Но пока документов, свидетельствующих об этом периоде его жизни, недостаточно, мы не будем рисовать картин в духе «Басурмана», а обратимся к другим описаниям усадебного существования.

Интересно, что в дальнейшем писатель все чаще сосредотачивается не на внешнем облике усадьбы, а на занятиях ее владельцев. И здесь представления писателя вновь вполне традиционны.

Архиерейская усадьба (Трехсвятское)

Желтиков монастырь

Усадебная жизнь стабильна – именно это свойство оказывается важнейшим. В «Колдуне на Сухаревой башне» жизнь в поместье описывается пунктирно, но данное описание настолько важно, что следует привести его целиком. Сохранившийся фрагмент романа, напомним, состоит из четырех писем. В первых трех перед нами разворачивается панорама придворных интриг, бурной деятельности, скоропреходящих падений и возвышений. Четвертое письмо контрастно предыдущим. Суетную столичную жизнь сменяет размеренное существование поместья. Письмо отправлено из Москвы, но основная часть его посвящена жизни в Горенках – имении Долгоруких: «Все хлопочу, как бы отделать дом к коронации: без отца твоего плохо; сам посуди, женское дело. Боюсь, не дорого б стало; ты знаешь, как отец за каждую лишнюю копейку гневается.

В прошлое воскресение, в самый заутренний звон, мамка твоя Домна отдала богу душу; в последнее время ходила сгорбившись крюком и плохо видела, а все по хозяйству прибирала. Об тебе помнила при конце своем. Похоронили мы ее с честью в Горенках.

Нынче у нас уродилось много грибов; старики не запомнят такого года – говорят, к войне.

Привезли ко мне из степной отчины диковинную карлицу, всего аршин с вершком; хотим выдать за гайдука Павлушку. Уморительная будет парочка!

Мадам наша отошла к Шереметеву: говорит, хотя и там учить некого, да привыкла к дому; к тому ж у Натальи Борисовны нету теперь ни отца ни матери, так буду беречь ее, как дочь; хочу при ней и умереть. Жаль, мадам была такая добрая и разумная. Катя много плакала при расставанье.

Что писать мне еще, сердце мое, Ивашенька? Буди над тобою благословение божие на все часы, дни и ночи и на все дни живота твоего»[1].

Описание поместного существования наполнено бытовыми деталями, которых нет и не может быть в «столичных» письмах. Сначала – новости хозяйственные, потом сведения о дворовых и об урожае (и то, и другое перемешано, воспринимается как часть «домашней» атмосферы). А больше и писать не о чем. Так описывается жизнь помещиков у Пушкина и Гоголя. Выходит, Лажечников

[1] Лажечников И. И. Басурман; Колдун на Сухаревой башне… С. 385.

просто имитирует традиционные техники дворянской литературы? Нет, такое утверждение было бы не совсем точным. Жизнь в поместье может показаться пустой и скучной, но она - единственный островок стабильности в непрерывно меняющемся мире, единственное спасение для героев-помещиков, не желающих поддаваться «веяниям времени». Именно время в «усадебных» фрагментах поздней прозы Лажечникова претерпевает необычные метаморфозы.

С этой точки зрения ретроспективные фрагменты в мемуарных очерках Лажечникова представляют особый интерес. Автор, отступая в прошлое, не останавливается на одной точке. Он стремится открыть читателю своеобразное течение времени – абсолютную стабильность существования прежних людей. И поместье екатерининского вельможи приобретает все атрибуты усадебной культуры 1860-х годов. Это особенно очевидно в воспоминаниях о Ермолове: «Николай Матвеевич, вышедши в отставку, жил постоянно и безвыездно в селе Степановском, Бронницкого уезда. Только раз в течение нескольких десятков лет ездил в Москву за 60 верст, и то по случаю смерти сестры своей. Проезд его через Бронницы составил эпоху в этом городке, в котором долго еще потом говорили о золотой, полувековой карете генерала Толстого <…> Сельский дом его, за сооружение которого не заплачено было архитектору ни копейки, представлял амальгаму разных пристроек. Когда, с течением времени, нужно было, смотря по хозяйственным или семейным потребностям, расширять его, тогда приставлялись к дому, то там, то тут, как грибные наросты, срубы и связывались с капитальною стеной железными связями. У него были огромные плодовитые сады, ни одного увеселительного; все для выгод – ничего для удовольствия. Впрочем, в этих выгодах наши деды и находили удовольствие, а гулять, говорили они, можно и в плодовитом саду, и в роще, среди села. Здесь они потешали свой слух пением грачей, которых берегли, как святую птицу. В день приезда племянника графа и в день ангела хозяина, за обеденным столом раздавались увертюры и симфонии из старинных опер, порядочно разыгрываемые; за стулом каждого гостя стояло по слуге. А в будни, в праздное время, а его было много у них, артисты и прислуга занимались вязанием шерстяных чулок и перчаток. От продажи этого изделья в свою пользу, они услаждали жизнь свою и своих семейств лакомым кус-

ком и умеренными по-своему прихотями. В упомянутые торжественные дни подавали к столу гигантские индейки, откормленные на славу, и в рюмочках, немного побольше наперстка, венгерское вино, стоявшее в подвале несколько десятков лет, и диковинные наливки. Самовары при Екатерине не были еще в общем употреблении; чай делали в металлических чайниках, в которых кипятили его на спиртовых жаровеньках»[1]. Особо отметим последний штрих: «современный» чайник оказывается обиходным предметом XVIII столетия, тем самым жизнь старинных поместий сближается с современностью. Не зря Лажечников полемизирует с романистом Р. М. Зотовым, заставлявшим героев петровского времени пить чай из самовара; в данном случае писатель стремится подчеркнуть, что далекое прошлое даже в мелочах связано с усадебным бытом новейшего времени, что жизнь поместий пребывает в блаженной неизменяемости. И в эту жизнь погружается и читатель… В эту жизнь включается и автор – по крайней мере, от описания чужих усадеб он переходит к своим – родовым и благоприобретенным.

3.
Свое и чужое

Описание усадьбы все сильнее идеализируется – независимо от того, кто владеет усадьбой. И неизбежно обращение Лажечникова к родовым имениям. Здесь подчеркиваются красоты и исчезают все неудобства, жизнь кажется гармоничной и неподвластной вредным внешним воздействиям. Усадебное существование признается единственно достойной наградой для положительных героев: «Вот он уже с членами семейства в новокупленной и вновь устроенной усадьбе, называемой Красным Сельцом, и недаром.

Что за очаровательные места!

С одной стороны господского дома, вдоль высокого берега реки поднялась зубчатая стена вечно зеленого соснового леса, а за ним, еще выше, березовая роща, которая осенью, когда лист ее пожелтеет, при закате солнца кажется золотистым занавесом, задернувшим полнеба. В берег глубоко вдаются овраги. Ночью эти ущелья пугают своею мрачною пастью, а днем кажутся красивыми воротами,

---

[1] *Лажечников И. И.* Басурман; Колдун на Сухаревой башне… С. 470-471.

которых арки образовали жилистые, мохнатые ветви деревьев, будто сплетшиеся через них гигантские руки. Весною черемуха обвивает их кудрями своих благоухающих цветов, а осенью рябина коралловыми кистями своих ягод. Где-то, в одном из оврагов, гремит ключ. В глубокую полночь, когда вся природа молчит, и кажется, творит благоговейную молитву перед престолом Бога, когда чует слух падение листа, плеск рыбы, – говор родника растет и растет и наплывает и разливается далеко кругом. Рассказывают тутошние жители, что в прежнее время он гремел еще сильнее, но псы, ожесточенные его докучливой бессонницей, не дающей им покоя, *залаяли* его, и с того времени он присмирел. Небольшая река ластится к берегам и капризными извилинами образует красивые, разнообразные заливы, мысы и острова»[1].

Несомненно, что подробное описание имения Патокина может служить превосходным путеводителем по Кривякину (Красному Сельцу)[2]. Временная дистанция только способствует развертыванию воспоминаний. Прошлое идеализируется, а усадебная жизнь возносится на недосягаемую высоту – в прямом и переносном смысле слова:

«Когда Патокин купил имение, на высоком берегу реки стоял трехэтажный, старый каменный дом в три окна ширины с высоким бельведером, озирающим всю окрестность на десятки верст. Но как дом походил на угрюмую башню, то новый владелец сломал его, а материал употребил на хозяйственные заведения. Его заменил дом в английском стиле, в недальнем расстоянии для крестьян выстроены швейцарские шале со всеми затеями, которые кажутся так просты и между тем стоят так много. Из старого регулярного сада с ленотровскими шпалерами, четвероугольниками и треугольниками, с остриженными елками в виде пирамид, колонн, грибов и прочих архитектурных затей, умеющих так уродовать природу, сохранена

---

[1] *Лажечников И. И.* Полное собрание сочинений: В 6 т. М.: изд. М. О. Вольфа, 1899. Т. 2. С. 154-155. Далее ссылки на это издание даются с указанием тома и страницы в тексте.

[2] Легко установить сходство между этим описанием и соответствующими фрагментами повести «Беленькие, черненькие и серенькие». См. *Викторович В. А.* Коломенские сюжеты Ивана Лажечникова // Дом Лажечникова. С. 96-102.

одна широкая липовая аллея, по которой может свободно проехать колесница, запряженная четвернею в ряд. Топор не посмел также совершить святотатства над вековыми вязами, дубами и кедрами, уничтожив далеко вокруг их все, что могло бы заслонить красоту их патриархального величия и оспаривать у них воздух. Положив обнаженные стопы свои на зеленый бархат лужаек, как будто для них разостланный, и подняв еще выше свою голову к небу, они в одно лето помолодели и принарядились в новую одежду своих свежих побегов. По этим лужайкам разбросаны кое-где букеты далий, а вокруг дома разбиты цветники, кажущиеся с высоты террасы узорчатыми коврами, сотканными по художническим рисункам из шелков и шерстей. Золотистые дорожки своенравно побежали по разным направлениям, то свиваясь кольцом, то развиваясь волнистою лентой. Там заманивают они в киоск, здесь увлекают в сень тенистой рощи. Где есть скамейка или беседка, наверно сбережен живописный вид. В одном месте, сквозь просеку, мелькает блестящий серп речного залива или островок, в другом промежутке кущи выглядывает полуфасад красивого господского дома, в третьем – купол сельской церкви или деревенька, сползающая по крутогорью. Квадратные пруды в виде ящиков, подернутые ржавою плесенью, получили неправильные фигуры; только кое-где оставлена на них высокая осока, которая к осени со своими черными султанами так живописна. Живые воды, пущенные издалека, образовали извилистый ручей, к истоку своему разветвившийся на несколько рукавов. Там вы поднимаетесь на мост, прикрепленный к двум скалам, а под вами, в глубоком овраге, бушуют пенистые воды, силясь своротить огромные камни, преграждающие им путь; здесь под ногами вашими колеблется живой мостик, слепленный из тоненьких дощечек, невидимо для вас связанных железною цепью, или переправляетесь на красивом паромце, повинующемуся движению детской руки. Красивые лодки и ялики к услугам гуляющих. Из грота падают струи серебряною скатертью или бьют вверх водным букетом. Везде видна рука художника, которой дана полная свобода сыпать деньги, куда хотела. В прудах пошли гулять полусонным ходом сотни стерлядей и поскакали неугомонные карпии. На звук колокольчика стекаются к берегам стаи их, хапая с жадностью лакомую добычу, отбивают ее друг у друга, заводят за нее войну.

В одном углу сада воздвигнуты великолепные оранжереи с редкими экзотическими растениями и теплица в виде длинной стеклянной галереи. Здесь иногда, в сумраке осенних дней, обедают Патокины с гостями, и тогда при свете кенкетов, лиловые и зеленые кисти винограда, спускающиеся над вами с арок и вьющиеся по колоннам, кажутся позолоченными игрой света» (156-158). Отметим, что это описание, помимо реальных черт Красного сельца, содержит и значительный элемент идеализации. Сюда включается и то, что было у самого Лажечникова в Коноплине (дом на высоком берегу, лужайки, роскошные виды, сосновый бор и т.д.), и то, о чем писатель только мечтал.

Мечтам не суждено было сбыться – и часть вины за это романист возлагал на окружающих. Это заметно в некоторых фрагментах романа «Немного лет назад»: «Между тем эти артисты, да и почти весь дворовый люд, праздный и развратный, привык к розге до того, что, казалось, не мог жить без нее. Этот люд вырос под лозой, учился под лозой всему, чему только заставляли его учиться, служил с помощью лозы» (2, 160). В романе, впрочем, «небольшая наемная прислуга, бывшая при Патокиных в Луковках, заменила все это рекрутское и богадельное депо» (2, 161).

Логично, что идеализация всех усадеб – и городских, и загородных – приобретает особые формы в пьесе «Дочь еврея» («Вся беда от стыда») – единственном произведении, целиком написанном в период вице-губернаторства. Стремление вернуться к поместной жизни, мечта об отказе от службы обретает не совсем обычные формы. Действие драмы происходит «на подмосковной даче и в Москве». Описание дачи – своего рода реконструкция усадебных картин: «…английский сад, вправо беседка; перед нею садовые скамейки и несколько стульев; влево площадка под древней липой, обставленная кругом скамейками; от нее, между кустами и деревьями, вьются в разных направлениях дорожки; впереди решетка садовая, примыкающая к богатому господскому дому; за нею видны луга, по которым извивается река, и село на высоте» (11, 3). Это описание стерто – оно может подойти к Коноплину и, скажем, к картине Репина «На дерновой скамье». Однако Лажечников все усадебные топосы не просто называет, но вводит в действие. В первом явлении аксессуары, несущие информацию о героях, разбросаны среди усадебных декораций, во втором сама беседка ста-

новится декорацией для шарад. Герои пьесы – люди московские, но Москва представлена Лажечниковым как своего рода конгломерат усадебных гнезд. И в такой усадьбе писатель собирался провести остаток жизни.

В жизни ничего подобного не случилось. Лажечников покупал имения – но устроить в них идеальное усадебное существование оказывалось выше его сил. В этой связи интересно еще одно описание, вовсе не привлекавшее внимание исследователей:

«Я покупал именьице верстах в десяти от Приречья. Съездив его обозреть, я нашел его не только выгодным по условиям, но и чрезвычайно живописным, а это для эстетического наслаждения моего и жены моей было необходимо. Небольшая речка, гремящая по камням, которыми дно ее было усыпано, в прихотливых извилинах своих весело пробиралась между холмами, увенчанными разнородными рощицами. На одном берегу, вдавшемся мысом в континент, росли купы молодых, но уже тенистых лип и тополей; перерезав его, можно было образовать островок. С небольшой горы открывались прекрасные виды сквозь просеку дальнего леса на церковь села Холмец, напоминавшую мне судбищенскую, на мельницу и курганы, где, по преданию, были похоронены рыцари исчезнувшего с лица земли народа. Эта гора, как нарочно, предлагала место для постройки господского дома»[1]. Как легко заметить, это имение мало напоминает Коноплино и Крнивякино. Скорее речь идет о Никольском (близость к городу, мельница, небольшая речка, церковь и т.д.). Здесь романист мечтал наконец реализовать свою мечту. Но столкнулся с опасностью…

4.
Опасности!

Погружение в стабильное существование не может быть бесконечным. В застойной жизни родового гнезда героев подстерегает нечто ужасное. Опасности усадебной жизни раскрываются во многих текстах Лажечникова.

---

[1] *Лажечников И. И.* Внучка панцирного боярина. М.: Патриот, 1992. С. 140.

Поместье, которое является средоточием провинциальной культуры, не вечно. Указание на это содержалось уже в прологе к «Басурману»: В 1834 году, в С...м уезде[1] продано было поместье одного из вельмож екатерининских. Богатая старинная библиотека, в которой (так сказали мне люди, достойные веры) находились исторические сокровища, распродана была кому попало. Приехав на место, бросаюсь к добычникам, чтобы силою золота исхитить у них какую-нибудь непонятную редкость. Надежда тщетная! я опоздал. Большая часть библиотеки – говорят мне в утешение – досталась ст...му мяснику…»[2].

В дальнейшем намеки на опасности становятся все более внятными. В водевиле «Окопировался» представление об усадебной жизни комично. Но в нем нет никакой идилличности – только угроза для окружающих и для самого героя: «Остался один сиротой, без отца, без матери, может в одиночестве погибнуть… Начнет ходить в крестьянских хороводах, ездить на тройках с бубенчиками, стегать арапником по дороге встречных и поперечных… Пропадает ни за что!…» (11, 115).

В «Беленьких, черненьких и сереньких» деревенская усадьба – прежде всего место, где можно укрыться. Городская усадьба не получает соответствующего осмысления. В ретроспективе она предстает прежде всего как Дом, лишенный специфических усадебных характеристик.

Но уже в мелодраме «Горбун» действие целиком переносится в усадебный дом, снова предстающий стабильным пространством с раз и навсегда заданными характеристиками: «Окна запушены снегом; с одной стороны печь, с другой обширный камин. Небогатая мебель; один угол загораживают ширмы. Корпус часовой без часов. Утро» (11, 165). Первоначально усадьба кажется единственным спасением: «Если б не мысль, что мы приедем к себе в теплый угол, что мы хоть несколько отдохнем здесь от житейских бурь и ухабов… так убаюкал бы меня холод навеки» (11, 166). В монологе Веры перечислены три вида занятий, оформляющих представление о социальном статусе усадебной жизни. Именно они должны га-

---

[1] Излишне напоминать, что Лажечников в тот момент проживал как раз в Старицком уезде.

[2] *Лажечников И. И.* Басурман; Колдун на Сухаревой башне… С. 29.

рантировать стабильность и спасение: «Мы здесь заживем прекрасно: хозяйство, прогулки, книги» (11, 166). Увы, имение оказывается под опекой, а сами хозяева – изгнанниками. Да и замкнутость усадебной жизни может оцениваться по-разному. Вот, к примеру, в следующем фрагменте:

«Слуга. Одну минуту.

Мошнин. Ни одной. Здесь не в городе… Не убежит в задние двери…» (186)

Контраст между кажущимся покоем усадебной жизни и внутренним драматизмом ее в дальнейшем усиливается. Вторжение разрушительной силы становится неизбежным – и причиной его становится замкнутость усадебной жизни и стремление владельцев поместья отгородиться от всего и вся: «Утро, сад; посреди его павильон. На правой стороне небольшое здание; от него идет решетка с воротами. На левой стороне двухэтажный барский дом с террасой в нижнем этаже, ближе к авансцене; в конце этого дома башня. За решеткою видна толпа народа». (11, 202). Никакие преграды не помогут обитателям усадьбы спастись, ни в одной башне им не удастся спрятаться. Имение, полное тайников и укрытий, не станет ареной безнаказанных злодеяний. Мечта разрушается; внешнее благообразие не скрывает внутренних изъянов, а еще более подчеркивает их: «Старинный господский дом со стриженой аллеей; на конце пруд; крестьянки в праздничных нарядах группою; впереди сцены стол, на котором огромная суповая чаша, стаканы, графины, бокалы и закуска. Множество слуг и дворовых девок в различных одеяниях, как водилось в старину в беспорядочных господских домах» (11, 214).

А в «Немного лет назад» идеальная городская усадьба уже перешла в купеческие руки. Усадьба дворянская вновь изображается двойственно: «Скоро Сережа усвоил себе манеры сына богатого российского дворянина; не отказывал себе в барских прихотях, хотя невинных, но, по тогдашним понятиям, неприличных сыну купца… Вовлеченный баловством главы дома в отъезжие поля, он завел свой смычек борзых, входил в споры со старыми охотниками, и с удовольствием, хотя краснея, слушал их соблазнительные речи о крепостных Парашках и Матрешках» (2, 59).

«…вкусив раз веселой, беззаботной жизни русских помещиков, он смаковал ее в своем воображении и соблазнялся на подобную,

когда ему можно будет делать все, что он захочет… В голове его заронилось желание со временем иметь такое же поместье, с такою же обстановкой, какую он видел перед собою. Он захотел выйти в дворяне» (2, 60). И результаты таких безрассудных желаний всегда предсказуемы.

Все больше появляется «выморочных» дворянских гнезд – таких, как поместье Свистушкина в «Немного лет назад»[1]. Ирония повествователя в их описании очевидна: «Сергей Семенович <…> видел над своею Аркадией светлое солнышко, которое ровно каждый день безоблачно всходило над ней и каждый день закатывалось <…> Более всего доставляли ему удовольствия успехи по садоводству» (2, 174).

Занятия владельцев усадеб оказываются все более порочными. Традиционные сферы деятельности несут угрозу нравственности и самой жизни. Барская охота провоцирует разврат – тут характерна история увлечения Владимира Наташей («Немного лет назад»). Человек, замыкаясь в своем кругу, забывает о долге перед другими людьми – и усадебная жизнь как нельзя более способствует этому.

Существует и другой вариант развития событий, тоже весьма безрадостный. Городской житель, отправляясь в сельскую местность, оставляет без присмотра дела – и подвергается вследствие этого значительной опасности. Данная коллизия на автобиографическом материале реализована во «Внучке панцирного боярина»: «Не подозревая ничего неблагоприятного для себя и не имея ничего, чем упрекнуть себя по служебным делам, я наслаждался в моем сельском убежище прекрасными летними днями, счастливый любовью моей Агнессы и рассветом жизни моих детей»[2]. А в это время в губернском общественном банке разворачиваются ужасные события… Описание интриги с подделкой банковских билетов весьма напоминает историю, в которую был замешан вице-губернатор Лажечников в Твери. Более того: именно частые отлучки вице-губернатора (на сей раз в его имение Никольское) и привели к печальному результату. Практически все персонажи интриги имеют тверских прототипов. Но анализ автобиографических элементов в поздней прозе Лажечникова – дело ближайшего будуще-

---

[1] См. его описание: 2, 162-164.

[2] *Лажечников И. И.* Внучка панцирного боярина… С. 145.

го; этому будет посвящена большая статья в одном из следующих выпусков нашего издания.

Пока же ограничимся указанием на то, что опасности могут исходить как извне, так и изнутри усадьбы. «Дворянские гнезда» так или иначе обречены: имениям грозит разорение, владельцам – нравственное падение, а идиллическая жизнь лишает помещиков способности сопротивляться жестоким дельцам… Выходит, мечте приходит конец? Не будем спешить. Впереди нас ждут

5.
…несколько эпилогов: идеальные усадьбы

Опасности связаны с застойной жизнью, с забвением общественного долга или с игнорированием внешнего мира. Но от них можно спастись – по-иному устроив усадебный мир.

Конечно, «чистая» сельская жизнь возможна в поселениях инородцев. Вспомним подходящий фрагмент из «Последнего Новика»: «Тут же кстати посетил я колонию гернгутеров, Сарепту, полюбовался там оригинальным устройством общества, которое, однако же, по мнению моему, может существовать только в небольшой общине, да и здесь, с духом времени, первоначальный устав колонии постепенно изменяется; полюбовался на пути довольством, чистотою, нравственно-религиозным образованием и вообще гражданским развитием немецких колоний. С грустью видел я контраст их в русских деревнях, бок о бок с ними встречавшихся. Надо и то сказать: в одних жили люди свободные, собственники, огражденные разными привилегиями и самоуправлением, а в других, большею частью, люди отупевшие под разным гнетом»[1]. Но такая жизнь не имеет ничего общего с усадебной. Ничего, кроме пространства – между природой и культурой. Видимо, необходимы еще какие-то основы, помимо основ гражданской жизни. В поздних произведениях, в которых заходит речь об усадьбах, Лажечников такие основы обнаруживает и конкретизирует.

В «Заметках для биографии Белинского» для воплощения нового идеала потребовалось писателю и новое понятие: «В одном из уездов Тверской губернии есть *уголок*, на котором природа сосре-

---

[1] *Лажечников И. И.* Последний Новик… С. 482.

доточила всю заботливую любовь свою, украсив его всеми лучшими дарами своими, какие могла только собрать в стране семимесячных снегов. Кажется, на этой живописной местности река течет игривее, цветы и деревья растут роскошнее, и более тепла, чем в других соседних местностях. Да и семейство, жившее в этом уголке, как-то особенно награждено душевными дарами. Зато как было тепло в нем сердцу, как ум и талант в нем разыгрывались, как было в нем привольно всему доброму и благородному! Художник, музыкант, писатель, учитель, студент, или просто добрый и честный человек, были в нем обласканы равно, несмотря на состояние и рождение. Казалось мне, бедности-то и отдавали в нем первое место. Посетители его, всегда многочисленные, считали себя в нем не гостями, а принадлежащими к семейству. Душою дома был глава его, патриарх округа. Как хорош был этот величавый, с лишком семидесятилетний старец, с не покидающею его улыбкой, с белыми, падающими на плечи волосами, с голубыми глазами, не видящими, как у Гомера, но с душою, глубоко зрящею, среди молодых людей, в кругу которых он особенно любил находиться и которых не тревожил своим присутствием. Ни одна свободная речь не останавливалась от его прихода. В нем забывали лета, свыкнувшись только с его добротой и умом…»[1]. Сохранность «уголка» объясняется не удаленностью и небольшими размерами, а человечностью хозяев. Главным в жизни усадьбы оказывается не внешнее удобство, а внутреннее устроение. Если будет сделан правильный нравственный выбор – усадьба сохранит прежние идиллические черты.

Эта категориальная определенность очевидна в романе «Внучка панцирного боярина». Здесь подробно описаны польские имения (но не усадьбы!). А городские обитатели – герои книги – пренебрегают усадьбами и с наступлением лета перебираются на дачи: «Дачи столько раз и так эффектно описаны нашими фельетонистами-повествователями, что я избавлюсь от нового описания их»[2]. Усадьбами же называются обиталища Ранеевых и Сурминых. Именно здесь романист обнаруживает необходимый для истинной стабильности нравственный микроклимат. И психологические характеристики преобладают над описаниями внешности усадебного

---

[1] Лажечников И. И. Басурман… С. 440. См. об этом: Лажечников. 1. С. 45-47.

[2] Лажечников И. И. Внучка панцирного боярина… С. 30.

устройства: «Завернем к Сурмину в его сельский приреченский приют, где семейство его свило себе постоянное гнездышко. Можно вообразить, как мать и сестры, не видавшие его несколько месяцев, обрадовались ему. Настасья Алексеевна была типом тех женщин, которые в любви к детям, в их радостях и успехах воспитания находят все свои радости, надежды и свое счастье. В первые часы свидания как она, так и сын забыли о цели его приезда, забыли о богатом наследстве <…> Они и без него имели хорошее состояние и сверх того обладали сокровищем, которого не купишь ни за какие деньги, – семейным согласием, любовью, миром, невозмутимым никакими сильными житейскими невзгодами. Две сестры Андрея Иваныча <…> жили жизнью одна другой и только делились ею с матерью и братом. <…> Настасья Александровна <…> то оставляла одну или другую погостить на несколько дней в Приречье или у добрых соседей, то стала вывозить в губернский приреченский свет, собирала у себя кружок разного пола и возраста, где было полное раздолье всяким играм и увеселениям. Не оставляла и намерения посетить зимой Москву…»[1]

Сурмины сохранят усадебный покой в неприкосновенности; идиллической картиной семейного счастья роман завершится – и с ним завершатся поиски идеальной усадьбы, предпринятые романистом. Отыскав корни усадебного быта в далеком и недавнем прошлом, описав разные типы усадебного устройства, воздав должное прожектам собственных усадеб, Лажечников пришел к идеалу весьма предсказуемому. Сколь угодно совершенная усадьба не превратится в райское место, в пограничную Аркадию. Совершенство – не во внешних формах, а в самих людях…

Может быть, этот вывод чрезмерно прост. Но собрав в одном материале обширные цитаты, на которые обыкновенно обращают мало внимания, я попытался продемонстрировать, как менялся взгляд на усадьбу в 1830-1860-х годах и как один писатель в своем творчестве попытался создать более или менее устойчивый образ на зыбкой границе между природой и культурой. Дворянский быт уходил в прошлое. Но люди-то оставались… Об этом сумел рассказать стареющий писатель (пусть и не в самых удачных текстах), и вклад Лажечникова в создание литературного «усадебного мира» еще предстоит оценить в полной мере.

---

[1] Там же. С. 188-189.

Игнатьева
Лыкшина
Ново-Борыкова
Мытищева
Борыково
Обухова
Лобленкова
Васильцы
Пешкурова
Жилцова
Творовское
Новое
Марьина
Старая
Балакирево
Ледники
Подосенье
Манькова
Всеслаково
Толпино
Ерофеяна
Городокъ
(Семеновъ)
Тимошинка
Лукавино
Козлово
Тихменево
Михайловск
Холохольня
Аноровка
Новое
Коноплино
Подвязья
Черемонова
Торки-Змѣевы
Ласенная
Рябоглова
Свинова
Шалимова
Болесова
Спасъ
Литина
Сутыва
Арсеньево
Юрьевское
Параскевьино
Букрова
Ефимьяново
Санатий
Шеретова
Заплина
Всетково
Пальмыково
Ст. Боньковская
Турунина
Старково
Ст. Вознесенская
Г. Старица
Рождес

А. В. Шитков

Соседи Лажечникова: дворянские усадьбы Старицкого уезда

Изучение дворянских усадеб Старицкого уезда представляет определённую сложность, так как большинство из них были утрачены. Но всё-таки, при наличии достаточного количества документов, как дореволюционных, так и советского времени, представляется возможным реконструировать историю некоторых усадеб.

В старицком крае в XVI — XVII веках большая часть земель была вотчиной Московского Симонова монастыря, другая часть — Иосифо-Волоколамского монастыря, а также принадлежала местным обителям – Успенскому монастырю города Старицы и Иванишинскому монастырю одноименного названия. В писцовой книге Ф. Игнатьева 1627–1628 годов фигурируют 450 светских феодалов. Среди приезжих землевладельцев уезда были известные деятели конца XVI в.: печатник Р. В. Алферьев, оружничий Б. Я. Бельский, бояре и князья А. П. Клешнин, В. Ф. Скопин-Шуйский, В. К. Пронский, П. П. Головин и др[1].

Нам, к сожалению, доподлинно неизвестно, в каком месте старицкого края появилась первая усадьба. Сегодня можно только предполагать – может быть, Шигоны-Поджогина в селе Юрьевском или Головиных в Левашове, а, может быть, Нарышкиных в местечке Гурьево или Немцовых в Бернишине, может быть, графов Зубовых неподалеку от Брод или Панафидиных в местечке Нестерово и т. д. На основе архивных документов в Старицком уезде известны 239 усадеб, существовавших до 1917 года[2].

---

[1] *Павлов А. П.* Опыт ретроспективного изучения писцовых книг (на примере писцовой книги Старицкого у. 1624-1626 гг.) //ВИД. Т. XVII. 1985. С. 100-120.

[2] Тверская усадьба: Указатель архивных документов, книг и статей (1900-1995) /Отв. сост. О. Н. Овен; гл. ред. Е. И. Берёзкина. Тверь, 1996. Ч. 1-3.

Изучение истории дворянского землевладения в Старицком уезде показывает, что многие владельцы, активно покупая и продавая свои земли, родовое имение берегли, передавая его из поколения в поколение. Если в других губерниях случаи многовековой принадлежности поместья одному роду считаются уникальными, то на Тверской земле подобное не редкость, несмотря на постоянные перемещения служилых чинов в XVI-XVII веках, распродажу дворянских вотчин после 1861 года. Так, имение Левашово Головиных передавалось из поколения в поколение, здесь можно также упомянуть родовые имения Берново Вульфов, Курово-Покровское Панафидиных, Казнаково Казнаковых, Панафидино Поликарповых и другие.

Старицкие «дворянские гнезда» занимают важное место на литературной карте Тверкой губернии, на протяжении всего времени их существования являясь источником вдохновения для многих выдающихся деятелей русской литературы. Например, в 1828-1833 годах в Старицком уезде у своих друзей Вульфов, Панафидиных в усадьбах Берново, Курово-Покровское, Малинники, Павловское неоднократно гостил А. С. Пушкин, что нашло отражение в его произведениях.

Усадьба Коноплино в Старицком уезде принадлежала «русскому Вальтеру Скотту», автору увлекательных исторических романов, будущему тверскому вице-губернатору И. И. Лажечникову[1]. В 1835 году дворяне Болховские продали селение писателю Ивану Ивановичу Лажечникову, «последнему было указано, что имение Коноплино мало выгодно, однако Лажечников купил его и отвечал, что все это он знает, но что только хочет иметь хороший вид и хорошее местоположение»[2]. Здесь Иван Иванович написал два исторических романа – «Ледяной дом» и «Басурман». В 1838 г. в Коноплино приезжал В. Г. Белинский, который хорошо знал Лажечникова и весьма высоко оценивал его творчество. Позднее начал работать над новым романом «Колдун на Сухаревой башне». Однако творческий процесс шел вяло. Из ближайших соседей, с кем Ла-

---

[1] Об этом см.: *Шитков А. В.* Коноплино: История поместья // Лажечников. 2. С. 19-28.

[2] 84-й журнал Заседания Тверской Ученой Архивной Комиссии. Тверь, 1901. С. 22.

жечников мог поговорить о литературе и приятно провести время, был один И. Е. Великопольский, да и тот часто из Чукавино уезжал в Москву к своим друзьям. Однообразие деревенской жизни, болезнь жены – всё это заставило Лажечникова в 1842 году уехать из Коноплина в Тверь, где он был назначен попечителем Тверской гимназии, а спустя еще год – вице-губернатором Тверской губернии. А сельцо Коноплино И. И. Лажечников продал сибирскому заводопромышленнику Карташеву[1].

Для нас же представляется интерес, каким было дворянское усадебное окружение Ивана Ивановича Лажечникова во время владения его поместьем Коноплино. Могла ли усадьба Коноплино служить творческой дачей долгие годы? Для писателя только «иметь хороший вид и хорошее местоположение» очень важно, но для творческого процесса, согласитесь, этого всё же мало. Иногда требуется так называемая встряска, например, встречи с соседями, охота, рыбалка, и т. д., ведь на одном кураже далеко не уедешь.

И, как показывает реальная действительность, так называемой «литературной встряски» у писателя не было и в помине. Те дворяне, проживающие в своих имениях, которые располагались вокруг Коноплино в период пребывания Лажечникова (а его жительство отмечено здесь с 1835 по 1842 года), хотя и находились на расстоянии от 2 до 15 вёрст, никаким образом не могли по-хорошему влиять на творческую деятельность «русского Вальтера Скотта», так как многие из них служили на различных государственных постах далеко за пределами Старицкого уезда. Из источников достоверно известно, что уже к 1838 году «творческий процесс шёл вяло». Как говорится: «Порох иссяк». Вот почему, уже в 1842 году И. И. Лажечникову с имением Коноплино пришлось расстаться. Нужна была смена декораций, новое окружение, новый творческий порыв…

В предлагаемой статье мы приводим описание только 10 дворянских усадеб, расположенных вокруг имения Коноплино на расстоянии от 2 до 15 вёрст, в те годы, когда Коноплино принадлежало писателю Ивану Ивановичу Лажечникову, – это: Чукавино, Новое, Коржач, Арсеньево, Техменено, Липино, Рождественно, Васильки, Михайловское и Залино.

---

[1] Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 310. Оп. 1. Д. 54643. Л. 39.

Усадьба Чукавино Великопольских

В 1831 году 34-летний Иван Ермолаевич Великопольский по завещанию своего покойного друга, знаменитого московского врача, доктора медицины – Матвея Яковлевича Мудрова – женился на его шестнадцатилетней дочери Софье Матвеевне и поселился с ней в Чукавине.

Дочери Мудрова – Софье Матвеевне, по-видимому, была подарена матерью А. С. Пушкина, Надеждой Осиповной, миниатюра, выполненная крепостным художником, на которой представлен поэт во младенческом возрасте. Долгое время миниатюра хранилась в Чукавине. От М. Я. Мудрова в наследство Великопольскому достается большой архив: «Я сохраняю сокровищницу библиотеки его, в которой находятся собственные его сочинения – печатные и рукописные»[1].

Поселившись в Чукавине, И. Е. Великопольский сразу же со свойственной ему энергией занялся реконструкцией и благоустройством имения. Особенно много внимания Иван Ермолаевич уделял хозяйственному обустройству усадьбы. В поисках дополнительных доходов он стремился завести в имении высокопродуктивную породу молочных коров, пробовал наладить торговлю лошадьми. Для хозяйственных нужд он выстроил новые каменные строения на месте прежних тесных деревянных. Усовершенствовал технологию выращивания и обработки льна и других прядильных растений. Для выработки тонкого льняного полотна он построил ткацкую мастерскую, оснастив ее станками собственной конструкции. Предметом особого внимания помещика были парк и сад. Для разведения парка, его разбивки и выращивания экзотических деревьев пригласили из Швейцарии опытного садовника. По указанию садовника с Урала, Северного Кавказа, из Крыма привезли редкие лиственные и хвойные породы деревьев. Перед домом, на пологом спуске к Волге, разбили партер, состоявший из различных по конфигурации полян, на которых живописными купами рассадили экзотические деревья.

---

[1] *Галашевич А. А., Зачёсова Н. Г.* Усадьба Чукавино // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 6 (22). – М., 2000. С. 287.

Герб рода Великопольских

Предметом гордости Великопольского была оранжерея, или, как ее называли, зимний сад, здесь произрастали южные растения и фруктовые деревья.[1]

В 1842 году Иван Ермолаевич изобрел мяльно-трепальный агрегат по обработке льна, на что получил патент.

И. Е. Великопольский хорошо был знаком с Пушкиным, Аксаковым, Гоголем, Белинским, состоял в родственных отношениях с Лобачевским. От этих встреч в имении Чукавино долго хранилась переписка. Так, в сентябре 1925 года заведующий Старицким музеем Николай Суворов сообщил в Губмузей о том, что при разборе книг им была найдена переписка Аксаковых – Сергея Тимофеевича, Ивана Сергеевича и Константина Сергеевича, с И. Е. Велико-

[1] *Галашевич А. А., Зачёсова Н. Г.* Усадьба Чукавино // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 6 (22). – М., 2000. С. 288-289.

польским, а также одно письмо к Великопольскому И. И. Лажечникова, бывшего владельца имения Коноплино. Суворов испрашивал решения Губмузея о том, как поступить с находкой. Из резолюции на сообщении Николая Суворова очевидно, что найденная переписка была передана Тверскому Госмузею[1].

Внучка Великопольского Е. Н. Гамалей в своих воспоминаниях отмечала, что Модзалевский, неоднократно бывавший в Чукавине, очень просил продать ему письма А. С. Пушкина к Великопольскому[2]. Копия одного из писем С.М.Великопольской мужу с сообщением о покупке И. И. Лажечниковым села Коноплина была передана Тверскому музею в 1901 году владелицей села Чукавина Надеждой Ивановной Чаплиной, о чем сообщается в журнале 84-го заседания ТУАК[3].

Занятие И. Е. Великопольского усадебным хозяйством, постоянные поиски новых дел и полная беспомощность во всех, казалось бы, безубыточных начинаниях – всё это довольно быстро сказалось на финансовом положении владельца Чукавина. В Государственном архиве на 300-600 листах хранятся пухлые папки дел о долгах помещика Ивана Великопольского на имениях, находящихся в Старицком и Зубцовском имениях[4]. И только после смерти родителей наладить разорённое хозяйство удалось дочери Великопольских – Надежде Ивановне Чаплиной, вышедшей замуж за Николая Андреевича Чаплина. Но эта уже другая история.

Сельцо Новое

На живописнейшем левом берегу реки Волги, в полутора километрах вверх по течению от деревни Дубровки, открывается неповторимый пейзаж, который неоднократно очаровывал русских писателей, художников, музыкантов, путешественников...

Именно в этом месте и находилась некогда усадьба Тутолминых, которая называлась сельцом Новое.

---

[1] ГАТО. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 62. Л 147-147 об.

[2] *Галашевич А.* Усадьба Чукавино //Домовой, 1994. № 7. С.34.

[3] 84-й журнал Заседания Тверской Ученой Архивной Комиссии. Тверь, 1901. С. 22.

[4] ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 29862, 37896, 42005, 42122, 42163, 42292.

Археологические раскопки усадьбы Новое. 2009 год

Усадьбу Тутолмины приобрели в 1787 году, а вернее, ее приобрела жена Тимофея Ивановича Варвара Алексеевна у «Господина Гвардии капитана Ивана Клеопина, жены Ево Прасковьи Петровой»[1].

Надо сказать, что в это время супружеская пара Тутолминых проживала в Архангельске, так как Тимофей Иванович работал должности правителя (генерал-губернатора) Архангельского и Олонецкого наместничеств, на которую он был назначен 26 марта 1784 года[2].

Почему именно в это время Тутолмины приобретают имения в Тверской губернии догадаться не трудно. Тверская земля, как и

---

[1] ГАТО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 18407. Л. 14 об.

[2] *Балязин В. Н.* Императорские наместники первопрестольной. 1709 – 1917. М., 2000. С. 240.

Московская, срединная земля исторической России. Она, как и Московская, в сердцевине европейской России. Здесь истоки исторических рек Волга, Западная Двина, на границе со Смоленской областью и Днепр. Тверская и Московская, несмотря на финно-угорские древние корни, воспринимается как древняя исконно русская земля и очаг языковой культуры русского народа и его литературы. Особое положение в XVIII веке Тверской край стал занимать в связи с переносом столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Это было своеобразное особо выигрышное культурно-географическое положение, сближавшее Тверской край с обоими культурными центрами. Именно в Тверской губернии сосредоточено было особенно много помещичьих усадеб жителей обеих столиц и, соответственно, особо ощутимы были элементы столичной культуры.

Сюда наведывался Тутолмин отдохнуть от больших политических дел, и, конечно же, поохотиться и порыбачить, ведь дичи и рыбы в те время здесь было предостаточно. Вот, например, лишь некоторые сведения об этом: «…лес, дровяной разнаго рода в нем водятся зайцы и белки а набегом изредка бывают волки а птицы тетерева рябчики и изредка куропатки, река волга шириною от 50 до 70 сажень глубиною от 2-х до 6-ти аршин во оной ловится рыба временем стерляди и белая рыбица, а потом щуки налимы головли сиги подусцы лини плотва ерши пискари и ельцы…»[1]

Как же на самом деле выглядела тутолминская усадьба в XIX веке? Для этого нам придётся внимательно рассмотреть план генерального межевания.

Усадьба вытянута вдоль реки и изображена в виде пяти самостоятельных архитектурно-ландшафтных элементов правильной геометрической формы: центральной, условно западной, восточной, и двух северных. Композиционной связи между элементами не показано и дорожки между ними отсутствуют.

Вся территория, кроме перечисленных выше элементов с регулярной планировочной системой и приовражных насаждений, показана как открытое пространство.

---

[1] РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д. 1734. Экономические примечания Старицкого уезда Тверской губернии. 1806 год.

В целом усадьба имеет регулярное осевое построение. Главная продольная ось проходит в направлении север-юг (условно) через центральную часть, в том числе главный дом и регулярный парк.

В центральной части усадьбы расположен господский дом. Он обращен южным фасадом в регулярный парк, состоящий из трех симметричных относительно оси дома элементов. Южная сторона парка непосредственно граничит с крутым склоном к Волге. Участки парка пересечены дорожками: центральная – в виде простого, фланговые – в виде Андреевского креста так, что каждый участок имеет четырехчастное членение. В северной стороне центральной части находятся четыре здания – одно с северо-западной стороны от главного дома и три – с северо-восточной. По своему функциональному назначению это могут быть служебные постройки (кухня, гостевые флигели и т.д.).

В северных парных частях усадьбы находятся строения. В западной из них показано одно крестообразной формы, в восточной - четыре (одно по северной границы в форме каре и три по южной). Опираясь на аналоги можно предположить, что это хозяйственные постройки (конюшни, сараи и т.д.) и функционально эта часть усадьбы имеет хозяйственное назначение.

Западная и восточная части имеют регулярную планировку. Территория западной части разбита на две зоны: в северной показано шесть строений, размещенных равномерно по периметру (это могут быть избы дворовых и хозяйственные постройки), южная – свободна от построек, имеет крестообразное четырехчастное деление. Восточная часть разбита на четыре неравных боскета, из которых северо-западный, самый большой по площади, разбит в виде Андреевского креста на четыре боскета. Предположительное функциональное назначение западной и восточной частей – рекреационное и утилитарное. Например, плодовые сады, разбитые в виде боскетов. Сочетание «красоты и пользы» – характерная особенность русской старинной усадьбы.

Для дополнения описания данного генерального плана приведём известное письмо от 20 июля 1818 года матери С. Д. Полторацкого, представителя известного дворянского рода. «Мы выехали из Грузин <...> на Старицу <...> Дорогой часто очень дворянские дома знатные и деревни зажиточные и хорошо устроенные. Под городом Старицею прекрасная деревня с. Новое Тутолмина, где я была в

гостях во время свадьбы Варвары Марк., у стариков еще, теперь живет тут сын их, здесь мы переехали Волгу, которая весьма еще узка, и нисколько не подает мысли о своем великолепии какова ниже становится. Кажется тут она в половину или и менее еще уже Оки в Авчурине, но красива очень»[1]

По карте Тверской губернии 1853 года[2] находим дачу № 85 Старицкого уезда, а в ней сельцо Новое. Располагалось оно на берегу Волги в 6 верстах к северу от города Старицы и в версте к востоку от деревни Дубровка.

Сопоставляя современную карту[3] с межевым атласом 1853 года видим, что сельцо Новое исчезло, а деревня Дубровка сохранилась и ныне входит в состав Паньковского сельского поселения. Резонен вопрос: «Когда и почему исчезло сельцо Новое?» Удалось узнать следующее.

Сельцо Новое

[1] ГИМ, ОПИ. Ф. 144. Д. 2. Л. 122.
[2] Карта Тверской губернии. 1853. Старицкий уезд.
[3] Атлас Тверской области. Масштаб 1: 100000. М., 2002.

По списку дворян Старицкого уезда за 1815 год имение принадлежало генерал-майору Алексею Тутолмину, в сельце Новом с деревнями за ним значилось 390 крестьян[1].

Генерал-майор Алексей Тимофеевич Тутолмин умер 18 ноября 1823 года. Через некоторое время, а именно в 1835 году, имение Новое было продано Сергеем Алексеевичем Тутолминым дворянке А. П. Аничковой[2].

Любопытно, что имение Новое, по всей видимости, было полностью выкуплено у Тутолминых со всем его имуществом. Так, в 1844 – 1851 годах в ходе перестройки Гатчинского дворца в Арсенальном каре устраивают Готическую и Китайскую галереи. Спустя год для украшения новых помещений из кладовых Эрмитажа, Английского дворца в Петергофе и Конюшенного музея в Гатчину поступают более двухсот портретов. Среди них – часть коллекции полковницы Анны Петровны Аничковой, приобретенной Министерством императорского двора в 1847 году.

Об этом собрании президент Академии Художеств А. Н. Оленин писал: «В принадлежавшем полковнице Аничковой этим имением купленная и собранная прежде бывшим владельцем онаго покойны имении Тверской губернии, в Старицком уезде есть портретная галерея, с генерал-аншефом Тутолминым, бывшим генерал-губернатором в разных губерниях при императрице Екатерине II. Сия галерея заключает в себя замечательное в историческом отношении и по своей редкости собрание русских полководцев, министров и других государственных деятелей века Пера I и последних времен до начала нынешнего столетия, числом 69…»[3]. Все портреты этого собрания украсили Готическую галерею Арсенального каре, а в Китайской были размещены портреты русских царей и представителей императорской фамилии.

Несколько слов о новой хозяйке имения Новое. Анна Петровна (урождённая Ханыкова) 9 октября 1804 года вышла замуж за полковника Кондратия Сергеевича Аничкова, который был старше невесты почти на 30 лет. Бракосочетание состоялось в Ярославской губернии Романов-Борисоглебского уезда в селе Алексейцеве.

---

[1] ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 5255. Л. 217 об.

[2] ГАТО. Ф. 160. Оп. 14. Д. 3836. Л. 22 об–23.

[3] [Электронный ресурс:] http://www.gorod.gatchin.biz/dll-9104502.

Почти год прожили они вместе. В 1805 году после болезни боевой офицер К. С. Аничков умер от полученного тяжелого ранения[1]. Детей от этого брака не было.

Через некоторое время А. П. Аничкова вторично обвенчается в Санкт-Петербурге с действительным статским советником Егором Борисовичем Фуксом[2]. От этого брака в семье будет рождены четыре дочери: Александра, София, Анна и Екатерина и сын Николай. Но к 1835 году семейный брак по неизвестным причинам был расторгнут. Интересно, что во всех архивных источниках Анна Петровна числилась как «вдова полковника Аничкова».

В 1867 году благочинный Старицкого уезда села Холохольни священника Алексей Иоаннович Волков в покорнейшем рапорте архиепископу Тверскому и Кашинскому Филофею писал, что помещица, полковница Анна Петровна Аничкова «в марте месяце сего 1867 года померла в Санкт-Петербурге, где и погребена; в настоящее время за отсутствием наследников, проживающих в разных местах, имение Г. Аничковой состоит под опекою…»[3].

Какова же дальнейшая судьба барской усадьбы? Судя по объявлениям в газете «Тверские губернские ведомости» за 1858-1859 гг. Аничкова из-за долгов принуждена была частями продавать имение[4]. Каковы были долги?

В 39-ом номере газеты за 1873 г. сообщается, что «полковница задолжала княгине Щербатовой – 170553 руб.69 коп., крестьянину Степанову –130 руб., дворовому человеку Павлову – 700 руб., поручику Бузову – 1150 руб., купцу Вайтенцу – 11040 руб., французскому подданному Ди-Шетро – 75 руб.

По определению Тверского губернского правления от 25 апреля 1873 г. сельцо Новое с господскими постройками за долги было выставлено на продажу»[5].

Скажите, кто купит усадьбу с такими долгами? По версии автора, сельцо было обречено на запустение и разорение.

---

[1] ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 83. Л. 1.
[2] ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 2971. Л. 56.
[3] ГАТО. Ф. 160. Оп. 14. Д. 3836. Л. 43.
[4] Тверские губернские ведомости. 1858, № 20. С. 241; 1859, № 16. С. 206-207.
[5] Тверские губернские ведомости. 1873. № 39. С. 270.

Как ни горестно, но в сборнике Старицкого уезда 1890 года[1], как и на карте того же года, сельцо Новое уже не значится.

История сельца Новое наводит на размышления. Ведь Тутолмины и Аничковы принадлежали к одному сословию. Но если Тутолмины приумножали народное достояние (больницу, гимназию и церковь в могилу не возьмешь), то «аничковы» свое состояние проматывали.

В Тверском Государственном архиве имеется папка «Дело дочерей Полковницы Аничковой от 2-го брака Александры, Софии и Анны Егорьевых о содействии в возвращении им материнской любви и водворении в семействе их спокойствия».

26 декабря 1850 года три дочери А. П. Аничковой – Александра, София и Анна – пишут жалобу Тверскому предводителю дворянства о том, что «имея совместное жительство с родительницею нашего, помещицею Старицкого уезда, Полковницею Анною Петровною Аничковой и сестрою нашею Катериною Егорьевою, нерасположение к нам последней, мы совершенно были отчуждены от материнского сердца. Терпя долгое время разные неприятности, наконец, мы решились приехать в С. Петербург к родному брату нашему, служащему в Морском Министерстве Николаю Егорьеву…»[2]. Таким образом, становится понятным, почему имение Новое постепенно разорялось, если даже родные дети Аничковой «были отчуждены от материнского сердца».

А сегодня здесь растет высокая трава. По ней ромашки и колокольчики…

История усадьбы Коржач

В одной версте от имения Коноплино и в 250 метрах юго-восточнее от деревни Чупруново, когда-то находилась малоизвестная усадьба «Коржач» дворян Чаплиных[3]. Данное имение было настолько мало, что его даже нет на атласе Менде 1848-1849 годов.

---

[1] Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Тверь, 1890. Т. IV. Старицкий уезд.
[2] ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 2971. Л. 1.
[3] ГАТО. Ф. 800. Оп. 1. Д. 641. Л. 19.

Время возникновения усадьбы «Коржач» неизвестно, но кое-какие выводы о появлении этого имения можно сделать. Всё дело в том, что на атласе Менде к юго-востоку от деревни Чупруново указан скотный двор Еремеева. Именно в этом месте до 1838 года существовала деревня Еремеево. А история её исчезновения такова.

При выходе в отставку в 1828 году И. Е. Великопольский проживает в родовом имении Чукавино. Как известно, Иван Ермолаевич был страстным картёжником, почти целиком проигравшим полученные им в приданное за жену около 2-х тысяч душ крепостных крестьян и более 200 тысяч рублей деньгами.

Чтобы лучше представить страсть к игре Великопольского, приведём следующий факт. Будучи в Пскове он, не удержавшись от соблазна, сел играть в штос с А. С. Пушкиным и проиграл поэту 500 рублей. Уплатить этот долг Иван Ермолаевич сразу затруднялся, а Пушкин, всегда нуждающемуся в деньгах, настаивал на уплате долга. Дело дошло до того, что 3 июня 1828 года Александр Сергеевич написал по этому поводу стихи:

«С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвой, то унылой.
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наивные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою;
Сейчас, мой друг, узнаешь почему:

Сделайте одолжение, пятьсот рублей, которые Вы мне должны, возвратить не мне, но Гаврилу Петровичу Назимову, чем очень обяжете преданного вам душевно Александра Пушкина».

Великопольский в свою очередь, вскоре по получении письма от Пушкина, написал ему язвительный ответ стихами. Письмо помечено 12 июня 1826 годом:

«… В умах людей, как прежде, царствуй,
Храни священный огнь души,
Как можно менее мытарствуй,
Как можно более пиши,
А за послание – благодарствуй…
В стихах ты – только что не свят,

Но счастье – лживая монета,
И когти длинные поэта
От бед игра не защитят»[1].

После этого происшедшего эпизода отношения у Великопольского с Пушкиным несколько испортились, хотя они и виделись несколько раз.

Как раз, примерно, в этот период своей бурной картёжной игры, Иван Ермолаевич проиграл и крестьян деревни Еремеево. Половина деревни Еремеево была проиграна одному зубцовскому помещику и вывезена оттуда в деревню Курятниково, а вторая половина была заложена в Государственный Поземельный банк, которым было предоставлено крестьянам право откупиться, что и производилось ими в течение довольно продолжительного времени.

Крестьяне продали почти всё из принадлежащего имущества, вплоть до последних кур. И примерно, в 1835 году они произвели основную уплату причитающейся с их суммы и стали «вольными хлебопашцами».

При проведении размежевания земель И. Е. Великопольский предложил «вольным хлебопашцам» деревни Еремеево переехать на принадлежащую ему землю, находящуюся между землёй деревень Шарапово и Саначино, куда впоследствии они и переехали.

Необходимо отметить, что из деревни Еремеево не переехал только один крестьянин – Иван Никифоров. В предании говорится, что ему стало жить в бывшей деревне скучно, и Никифоров стал проситься также в деревню Шарапово. И вскоре крестьянское общество приняло Ивана, предоставив ему для этого соответствующее место для постройки дома и усадьбы[2].

Примерно в 1838 году данная земля И. Е. Великопольским была подарена своей дочери Надежде Ивановне, которая вышла замуж за Николая Чаплина. Здесь супружеская пара и решила обустроить своё имение. Так появился дом, «состоящий из 6 комнат, из которых 2 летней постройки и одна кухня. Изба из 1 комнаты… Конюшня, сарай, рига. Пахотной земли 5 десятин, сенокосной 27 де-

---

[1] Петров Д. П. Чукавино //Верный путь, № 99 от 18 августа 1990 года; № 101 от 23 августа 1990 года.

[2] Петров Д. П. Шарапово // Верный путь. № 124. 16 октября 1990 года; № 127. 23 октября 1990 года.

сятин»[1]. А так как в 5 саженях от данного места протекал ручей «Коржач», который впадал в реку Волгу, то и имение получила соответствующее прозвание.

К сожалению, об имении «Коржач» почти не сохранились никаких других архивных сведений. Известно только, что крестьяне деревни Чупруново арендовали земли имения на лето под выгон скота. За это крестьяне должны были обработать 8 десятин земли, дать 180 косцов в два дня и 40 рублей Чаплиной. На усадебной земле крестьяне сеяли лен, коноплю, сажали картофель и овощи. В общине для обработки земли имелись сохи и бороны, последние по большей части деревянные.

«Каждый год в деревне Чупруново 29 июня, и даже в Успения, проходят гулянья. Самовары в 7 хозяйствах, пьют по праздникам, пища и одежда скромная; в настоящее время к праздникам пиво в некоторых домах не варится, не покупается и вино. Говорят «прорымши», «ходимши»[2].

Имение «Коржач» просуществовало до 1918 года, правда, к этому времени им владели уже помещики фон-Дрейеры.

Имение Арсеньево Головиных

Бывшее имение Арсеньево располагалось на левом берегу реки Волги на возвышенности у берега речки Городенька в 8 верстах от имения Коноплино.

Долгое время Арсеньево было частью родовой вотчины бояр Баранчеевых. Известен Василий Григорьевич Баранчеев, стольник и полковник, «тщанием» которого царь Федор Алексеевич в 1679 году пожаловал в Старицкую Борисоглебскую соборную церковь колокол в 150 пудов[3].

В 1691 г. стольник Давид Григорьевич Баранчеев на свои средства построил в селе деревянную церковь во имя Казанской Божьей

---

[1] ГАТО. Ф. Р-476. Оп. 1. Д. 15. Л. 106.

[2] Тверская деревня. Старицкий район: Энциклопедия российских деревень: В 2 т. / Сост. А. В. Шитков. Старица: Изд-во «Старицкая типография», 2007. Т. II. С. 197.

[3] *Крылов И. П.* Старица и её достопримечательности. Старица, 1903. С. 24-25.

Матери и сделал в храм дар – богослужебные книги и три колокола[1].

В начале XVIII века имение Арсеньево было выкуплено надворным советником Гавриилом Петровичем Головиным. Затем имение перешло к его сыну – коллежскому советнику Михаилу Гавриловичу Головину. «Книги записей описаний имений за 1849-1850 гг.», хранящиеся в Тверском Государственном архиве, дают нам возможность проследить наследственность дворянских имений, сколько им принадлежало по 8-ой ревизии душ мужского пола, количество земли: пахотной, сенокосной, леса, под селением и неугодной, сколько высеивается хлеба и сажается картофеля, каков получается урожай и в какие города производят сбыт, какими ремеслами занимались крестьяне, краткое описание жилых и хозяйственных построек в имении, какой ежегодный доход получается в господского имения. Так, в июле 1850 года дворянин Михаил Гаврилович Головин, прося в Московском опекунском совете «надбавочной ссуды по десяти рублей серебром на душу», писал, что имение Старицкого уезда досталось «ему по наследству после умершего родителя его надворного советника Гаврила Петровича Головина и по отделу с матерью и братьями…» В селе Арсеньево было 51 души мужского пола. Земли в имении было: «пашенной 65 десятин, лесной 90 десятин, сенокосной 70 десятин, под кустарниками для выгона 102 десятины, под селением 10 десятин 806 ½ кв. сажени... Хлеба высевается господского: ржи 143 четверти, ярового 435 четвертей, картофеля 16 четвертей, сена накашивается 3300 копен пятипудового веса; крестьянского: ржи 183 четверти, ярового 732 четверти, картофеля 36 четвертей, сена 2750 копен пятипудового веса. Промышленность крестьян в хлебопашестве, плотничестве и каменоломне. Сбыт производится в городах: Твери, Торжке и Старице. Фабрик, заводов, рыбной ловли не имеется. Господская постройка имеется: в селе Арсеньеве господский дом службами… Доходу получается с сего имения за всеми расходами 3500 рублей серебром»[2].

---

[1] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 32713. Л. 167.
[2] ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 5795. Л. 76-77 об.

К сожалению, другими сведениями о М. Г. Головине и его имении Арсеньево за рассматриваемый период времени мы не располагаем.

Имение Техменево

Дворянская усадьба Техменево находилась к югу в 200 метрах от одноимённого сельца. Рядом протекала река Волга. Хозяин данного имения Максим Иванович Блохин был действительным статским советником. Вместе с женой – Юлией Степановной, они владели 61 ревизскими душами и 207 десятинами земли.

Имение Липино Повало–Швейковского

Деревня Липино располагается на возвышенном берегу рек Нижней Старицы и Волги, в 5 километрах от города Старицы и в 7 километрах от Коноплино. Близ селения когда-то находилась одноимённая усадьба статского советника, управляющего Тверской удельной конторой Николая Тимофеевича Повало-Швейковского. Имение здесь было маленькое, основной же господский дом находился рядом с селом Перхурово. В Липине помещику принадлежало 20 ревизских душ и 690 десятин земли[1].

Из «Книги записей дворянских родов» за 1841 год узнаём, что Н. Т. Повало-Швейковский выходец из польских дворян. 6 ноября 1814 года поступил на службу воспитанником в институт корпуса путей сообщения. 4 марта 1816 года становится прапорщиком «с оставлением при институте, для продолжения курса учения». Через два года получил звание подпорутчика, а 1 мая 1819 года – порутчик. Этом же году назначен по производству работ построения московского шоссе. В 1820 году Повало-Швейковский уже в чин капитана и «командирован на тракт от Москвы до Твери для производства работ по устроению шоссе». Здесь же в 20 марта 1826 года получает должность директора работ с чином майора. Потом его переводят 18 апреля 1830 года в управление по строениям шоссе от Санкт-Петербурга до Динабурга с чином подполковника. Затем – в Вышневолоцкое отделение, где 6 де-

[1] Тверская деревня. Старицкий район… Т. II. С. 161.

кабря 1836 года получает очередное воинское звание полковника и «по сдаче работ и дел оных» становится командующим бригадой военно-рабочих батальонов. За отличие, усердие и деятельность Николай Тимофеевич Повало-Швейковский был пожалован орденами Св. Анны 3 степени (1823), Св. Владимира 4 степени (1829) и знаком отличия «За XV лет беспорочной службы».

Н. Т. Повало-Швейковскому в 1841 году было 40 лет, женат на Аграфене Петровне и имел детей: Петра 10 лет, Тимофея 3 лет, Надежду и Марью[1].

Усадьба Рождественно Трунёвых

В 100 метрах от деревни Рождественно когда-то находилась дворянская усадьба порутчика, кандидата в заседатели Старицкого земского суда Николая Львовича Трунёва. За ним числилось 149 десятин земли. Хозяева сеяли 13,5 десятин ржи, 2 десятин ячменя, 2,5 десятин гречихи, 5 десятин картофеля, 10 десятин льна. В имени были 2 жилые и 5 нежилых построек. В хозяйстве было 9 лошадей и 20 коров. Из сельскохозяйственного инвентаря в имении было: плуги, бороны, веялка-сортировка. Обработка круговой десятины обходилась в 30 рублей. Помещик Н. Л. Трунев продавал лен на 340 рублей в год. Местные крестьяне, всего 53 ревизских души, были временно-обязанные помещика Н. Л. Трунёва[2].

В 30-е годы XIX столетия усадьба перешла к сыну Николая Львовича – Леонтию Николаевичу, который обустроил своё имение. «Барский дом состоял из 8 комнат. Флигель из 1 комнаты. Людская 1 комната… 3 конюшни, три сенных сарая, каретный сарай, амбар, рига и скотный двор. Числилось 72 десятины пашни и 35 десятин сенокоса… Из сельскохозяйственного инвентаря было: жнейка, 2 плуга, парный плуг, сеялка, молотилка конная, 2 простые бороны, телега, тарантас»[3].

---

[1] ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 4905. Л. 102 об-103.
[2] Тверская деревня. Старицкий район… II. С. 63.
[3] ГАТО. Ф. Р-476. Оп. 1. Д.15. Л. 102.

Усадьба Васильки Панафидиных

Время появление усадьбы Васильки Иверовской волости Старицкого уезда неизвестно. Имение Васильки указано в атласе Менде 1848-1849 годов и располагалось к востоку между населёнными пунктами Борыково и Пентурово.

По всей видимости, усадьба Васильки была обустроена Павлом Ивановичем Панафидиным в 1830-е годы, так как в «Книге записей дворянских родов» за 1829 год, в которой П. И. Панафидин просит «внесть его в шестую часть дворянской родословной книги здешней губернии и дать грамоту», он вообще не указывает имения Васильки[1].

Из приведённого формулярного списка мы узнаём, что Павел Иванович в службу вступил в морской корпус кадетом в 1796 году, по окончании учебного заведения в 1800 году присвоено звание гардемарина. Через год он уже унтер-офицер, потом мичман, а в 1810 году – лейтенант. В отставку ушел в чине капитан-лейтенанта. «В походах находился в Балтийском, Немецком и Средиземном морях… в сражениях находился против турок при крепости острова Тенедоса … и за оказанное в оном отличие удостоен Всемилостивейшее пожалования ордена Св. Анны 3 степени…»[2]

П. И. Панафидин женат с 3 мая 1816 года на Анне Ивановне Вульф. Дети от этого брака: Иван (1817 – 1906), Михаил (1818 – 1834), Николай (1819 – 1895), Анна (род. 1820), Екатерина (1822 – 1830), Наталия (род. 1824).

Основное родовое имение Панафидиных будет в Курово-Покровском Берновской волости, и может быть, усадьба Васильки Иверовской волости будет для них местом «глуши и спокойствия», в которой хоть на короткое время можно было отдохнуть от суетной жизни.

Сын Павла Ивановича – Иван Павлович дослужится до высокого морского адмиральского чина. Его внук – Алексей Владимирович Панафидин будет последним владельцем усадьбы Васильки. Конфискация имения Васильки советской властью произошла 2

---

[1] ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 4905. Л. 97 об. – 98.
[2] Там же. Л. 98.

июня 1918 года[1]. Известно также, что дом-имение в Васильках был передан в 1922 году ветпункту[2].

Усадьба Михайловское контр-адмирала Захара Панафидина

Деревня Михайловское исчезла в 60-е годы прошлого столетия. На атласе Менде 1848-1849 годов в центре селения показана усадьба Панафидиных. Её владелец коллежский асессор Иван Козмин Панафидин «служил в лейб-гвардии в Семеновском полку солдатом, капралом выпущен, в армии прапорщиком, подпоручиком в должности инженер-капитана при возобновлении Ревельской гавани Балтийского порта в конторе присутствующим, при межевании землемером и при оной должности произведён майором, по отставке находился при должностях в Старицком уездном суде заседателем, судьею, дворянским предводителем, за что и получил чин коллежского асессора».

В 1801 году Ивану Козмину было 65 лет. Женат на дочери Аршеневского – Анне Николаевне. Имел детей: Павла, Захария, Николая, Всеволода и Клеопатру. Жительствовал в «Старицкой округе в селе Михайловском»[3].

При разделе имения, после смерти отца, усадьба досталась Захару Ивановичу Панафидину, который в это время бороздил в кругосветном путешествии по неизведанным азиатским морям в качестве командира корабля «Бородино». В 1828 году ему было присвоено звание контр-адмирала. В 1830 году З. И. Панафидин после тяжёлой болезни в возрасте 44 лет скончается.

Имение Михайловское перешло к старшему брату Павлу Ивановичу. В 1842 году было составлено описании имение, для получения ссуды в Санкт-Петербургском опекунском совете[4].

Известно, что усадьба Михайловское в дальнейшем принадлежала помещикам Казнаковым, которым принадлежало 246 десятин

---

[1] ГАТО. Ф. Р-476. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.
[2] ГАТО. Ф. Р-476. Оп. 1. Д. 228. Л. 19.
[3] ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 89. Л. 27 об-28.
[4] ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1847. Л. 2-3 об.

земли. Помещики сдавали в аренду пашню по 6 рублей 50 копеек – 10 рублей за десятину, 40 десятин сенокоса за 180 рублей в год[1].

Усадьба Залино Казнаковых

В местечке Залино было две усадьбы, находившиеся в 100 метрах друг от друга. Принадлежали они Фёдору Борисовичу Казнакову и Ионе Ивановичу Казнакову, приходившимися друг другу троюродными братьями.

Как выяснилось по «Книге записей дворянских родов», когда в 1828 году Фёдор Борисович Казнаков подал документы на подтверждение дворянства, что «по грамоте 7131 года (1623. – А. Ш.) 8 февраля от царя Михаила Федоровича данной, пращур их Михаил Ермолаев сын Казнаков жалован был за службу из его старого поместья вотчину в Старицком уезде… Потом переходя от предков его по линии, недвижимое родовое имение дошло до майора Петра Иванова сына Казнакова, его Ивана Никитина деда родного, как то видно, по выписи 1741 года, которое в том 1741 году 24 октября по указу вотчинной коллегии велено за ним 908 четвертей отказать, а в 1746 году 17 февраля по смерти Петра Казнакова велено вотчинною коллегиею недвижимое имение справить и отказать за детей его за Никиту и Бориса Казнаковых, а его Ивана отца и дяди, что за ними и отказано и 1792 года 18 мая дана с отказной книге вдове майорше Елизавете Казнаковой засвидетельствованием копии, а того ж 1792 в декабре и за нею надворного советника Ивана Казнакова досталось ему после отца его Никиты и матери Анны Старицкое недвижимое имение в разных селениях Старицким нижним земским судом отказано и дана ему просителю…»[2].

В 1828 году Ф. Б. Казнакову было 52 года. Вдов. Жена Анна Ивановна скончалась в 20-х годах, оставив 8 детей. В это время сыновьям: Ивану было 25 лет, служил в Екатеринославском гренадерском полку поручиком, Николаю – 24, учился в кадетском корпусе, Петру – 21, служил в Сибирском уланском полку юнкером,

---

[1] Тверская деревня. Старицкий район… Т. I. С. 359.
[2] ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 4903. Л. 82 об.-83.

Александру – 15, Павлу – 16, Михаилу – 13, дочерям: Наталье – 22, Екатерине – 18 и Марии 12[1].

Из формулярного послужного списка заявителя известно, что Федор Борисович начал службу в 1788 в лейб-гвардии в Преображенском полку сержантом. От службы отставлен гвардии прапорщиком в 1796 3 января. По выбору Старицкого благородного общества был избран комиссаром для сбора рекрутских складочных денег в 1796 году, «во время шествия в столичный город Москву для Коронования покойного Государя Императора Павла Петровича 1797». Состоял в Старицком земском суде дворянским заседателем с 1800 года[2].

В имении Залино было 2 имения помещику Федору Борисовичу Казнакову принадлежало 175 десятин земли, а также пустошь Мылятино. В усадьбе было 3 жилых и 8 нежилых построек. Из сельскохозяйственного инвентаря в имении были: 2 плуга, сохи, бороны. Хозяйственной запашки 27 десятин. Помещик Б. Ф. Казнаков сдавал в аренду 20 десятин пашни и 8 десятин сенокоса крестьянам за обработку земли, стоимостью 130 рублей в год. Продавал на месте: ржи 60 кулей по 8-9 рублей за куль, овса 50 кулей по 3-5 рублей за куль, масла 10-12 пудов по 8 рублей за пуд[3].

Второе имение было за капитаном Ионой Ивановичем Казнаковым, которому принадлежало 167 десятин земли. Послужной список Иона Казнакова был таким: «В 1782 году определён в сухопутный шляхетский корпус кадетом, в 1795 году выпущен из онаго корпуса поручиком и определён в Московский гарнизон в 5-й батальон, а 1796 году по поданной от него просьбе отставлен капитаном»[4].

И. И. Казнаков был холост, и после его смерти имением перешло к брату Гавриилу Ивановичу Казнакову. В 1782 году он обучался разным наукам в Императорском шляхетском сухопутном кадетском корпусе. Затем 1796 году поступил в «Московский гарнизонный генерал от инфантерии и кавалера Архарова полк» и по высочайшему указу произведен штабс-капитаном в 1798 году. По

---

[1] Там же.
[2] ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 4903. Л. 82 об.-83.
[3] Тверская деревня. Старицкий район… Т. I. С. 226.
[4] ГАТО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 89. Л. 19 об-20.

прошению отставлен от службы капитаном с мундиром в 1800 году. По выбору Старицкого благородного общества в 1801 году принят в Старицкий земский суд дворянским заседателем. По высочайшему манифесту «О милиции» Старицким благородным обществом избран в подвижное земское войско сотенным начальником и в 1807 году получил золотую медаль на Владимирской ленте. В 1812 году по выбору благородного общества – в Старицкий уездный суд 2-м дворянским заседателем, в 1818 году – Старицкий земский суд исправником, в 1822 – депутатом Старицкого дворянства[1].

В это время в усадьбе Залино было 5 жилых и 12 нежилых построек. Из сельскохозяйственного инвентаря в имении было: 6 плугов, веялка, бороны. Помещик сдавал в аренду 29 десятин сенокоса за 49 рублей. Ежегодно продавалось 50 кулей ржи по 7 рублей за куль[2].

Гавриила Иванович был женат, имел детей: Михаила, Алексея и Константина. Умер Г. И. Казнаков в 1825 году, и был похоронен в родовом имении Борыково Старицкого уезда.

Известно, что имение Залино переходило по родству. Последними владельцами имений Залино будут родственники Казнаковых – Алексей Геннадьевич Казнаков и Константин Иванович Хохлов.

---

[1] ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 4903. Л. 82 об.-83.

[2] Тверская деревня. Старицкий район… Т. I. С. 226.

Н. П. Вульф.
Из истории дворянской усадьбы середины XIX века[1]

Вступительная статья М. В. Строганова
Подготовка текстов Е. В. Кирилловой и М. В. Строганова

Сельцо Соколово известно в русской культуре благодаря тому, что оно в настоящее время является частью села Бернова, которое связано с именем А. С. Пушкина и в котором находится ныне посвященный ему музей. Но если в краеведческой и пушкиноведческой литературе мы находим хотя бы редкие и краткие заметки о Соколове и его владельцах[2], то в музейной практике Соколову отводится ничтожно малое место, сотрудники музея не показывают посетителям сохранившиеся остатки усадьбы и лишь в редких случаях говорят о тех экспонатах, которые были найдены на территории Соколова или переданы, по преданию, от владельцев его. В

---

[1] Авторы публикации искренне благодарят сотрудников Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) Л. А. Тимофееву, Л. К. Хитрово и А. К. Михайлову за помощь в работе над материалом.

[2] О Петре Ивановиче Вульфе см.: *Черейский Л.* Пушкин и Тверской край: Документальные очерки. Калинин: Московский рабочий, Калинин. отд-ние, 1985. С. 40—41; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1989. С. 86. О Никите Петровиче Вульфе см.: *Орлова С.* Об одном из последних потомков Вульфов // Я ехал к вам...: Сборник статей о пребывании А. С. Пушкина на Старицкой земле / Сост., автор вступит. статей и приложения Т. П. Кочнева. Тверь: Тверское обл. книжно-журнальное изд-во, 1997. С. 162—163, 207—208; [2-е изд., испр. и доп.] Старица: Б. и., 2006. С. 244—245, 297. Здесь следует сказать, что автор этой статьи С. П. Орлова была первым директором музея А. С. Пушкина в Бернове и, как уроженка села, хорошо помнила помещичий дом в Соколове.

О Соколове см.: Тверская усадьба / Отв. сост. О. Н. Овен. Электронное издание. См. также: Отчет агента Губмузея А. М. Голубева о командировке в Старицкий уезд. 9 июля 1923 г.: Архив Тверской областной картинной галереи. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 6—32.

известной мере сотрудников музея можно понять: кому же хочется представлять то, что находится в плачевном состоянии, не имея возможности повлиять на судьбу этого объекта? С другой стороны, вследствие этого из общественного сознания уходит важное культурное явление, потеря которого невозместима ничем.

Время создания усадьбы нам неизвестно, так как неясны обстоятельства многие обстоятельства жизни ее первого владельца, статского советника Петра Ивановича Вульфа (1768—1832), старшего сына И. П. Вульфа. Мы не знаем ничего про его первый брак: ни время, ни имя жены, ни место жительства Петра Ивановича, в имении которого было 609 душ[1]. Но когда он в 1811 г. женился на Елизавете Петровне Розановой (1789—1848), то уже, бесспорно, завел эту усадьбу, так как более или менее постоянно проживал в деревне. Впрочем, в письмах священника Берновской церкви Успения Богородицы Василия Миролюбова к Б. Л. Модзалевскому, основанных на утраченных ныне церковных книгах, нет указаний на то, что дети Петра Ивановича и Елизаветы Петровны Вульфов рождены и крещены в этом приходе. Нет здесь указаний и на то, что сами они умерли в Соколове и были похоронены на берновском кладбище. Всё это затрудняет определение многих биографических данных[2].

См. также: Тверской край в жизни и творчестве Александра Сергеевича Пушкина: Библиографический указатель / Тверская областная универсальная научная библиотека им. А. М. Горького. Ред. Н. В. Федулаева. Предисл. М. В. Строганова. Тверь: Изд-во Алексей Ушаков и К°, 1999. По указателям.

[1] См.: *Вершинский А. Н.* В вотчине Вульфов в первой половине XIX века // В наши дни (Калинин). 1936. № 2. С. 75.

[2] Впрочем, есть основание предположить, что смерть Е. П. Вульф в 1848 г. связана с эпидемией холеры, так как, согласно данным Василия Миролюбова, в этом году от холеры умерло 119 человек, в июле — 71 человек, а в августе — 41. «Особенно пострадали селенья по рекам: Берново, Соколово, Подсосенье и др.» Среди умерших «от холеры» значится и Анна Сергеевна Юргенева (письмо священника Берновской церкви Успения Богородицы Василия Миролюбова к Б. Л. Модзалевскому от 23 октября 1907 г.; Рукописный отдел Пушкинского Дома (далее ПД). Ф. 184 (архив Б. Л. Модзалевского). Без номера. Л. 6 об.). Если Елизавета Петровна

Сельцо Соколово[1] находилось на берегу Тьмы, напротив Бернова и чуть ниже по течению (в настоящее время, соединенные мостом, они составили один административный пункт). Сама же усадьба была построена на том же берегу, где и Берново, прямо напротив деревни. Усадебный дом был расположен на горе над рекой, фасадом на юг и задом на север, к берновскому дому. На запад от дома холм спускался прямо к церковной площади, и Успенская церковь была хорошо видна из окон. В этом стремлении не отдаляться от отцовского дома сказалась, очевидно, обида старшего сына, так как по русскому традиционному праву главным наследником считался старший сын, и поэтому ему должно было принадлежать главное отцовское наследство. Поскольку в данном случае получилось иначе, Петр И. Вульф навсегда запомнился своим родным как человек, находящийся в большой претензии. Дом был выстроен одноэтажный, однако с большим мезонином (он был разрушен в 1970-е гг.; по рассказам помнивших его людей, напоминал дом помещиков Ртищевых в сельце Глинкине, что в нескольких километрах от Бернова). К дому примыкали деревянные одноэтажные флигели хозяйственного назначения. Территория усадьбы была обсажена двумя рядами акаций, которые составляли натуральную ограду, что обычно для оформления границ в русской усадьбе, и вместе с тем веселую аллею для прогулок даже в маленькой коляске. Кроме того, эта ограда на самом деле отгораживала Соколово от Бернова. Судить о характере деревьев в парке сейчас уже невозможно, поскольку сохранилось не более пяти старых сосен и лиственниц. На берегу реки были выкопаны пруды, соединенные с Тьмой протоками, что создавало водный пейзажный парк. В непосредственной близи от дома находился большой каменный хозяйственный двор, в котором располагались не только каретные сараи и другие такого же рода заведения, но также, видимо, и конюшни. Сколько можно судить, сыновья от первого брака Иван (ок. 1800 — после 1860) и Гавриил (1807—1861) еще при жизни отца были вы-

---

умерла в Соколове, то отсутствие ее имени в выписках Миролюбова можно объяснить ошибкой переписчика.

[1] См.: Тверская деревня. Старицкий район: Энциклопедия российских деревень: В 2 т. / Сост. А. В. Шитков. Старица: Изд-во «Старицкая типография», 2007. Т. II. С. 102—103.

делены и жили в отдельных усадьбах. По данным 1849 г., Ивану Петровичу принадлежали сельцо Мяклово и деревни Горицы и Кувшинниха, а Гавриле Петровичу сельцо Плоскошь и деревня Щелкачево. После смерти Петра И. Вульфа владельцами имения, в состав которого входили, кроме Соколова, сельцо Заовражье и деревни Дубровки и Москвино, стали вдова с детьми[1]. Дочь же Екатерина (1817—1894) замуж не выходила и жила со своим братом Никитой (1818—1884); о судьбе других детей ничего не известно, кроме дат рождения или смерти[2].

Сохранившиеся к настоящему времени фрагменты усадьбы: флигель с правой стороны дома, аллея акаций, хозяйственный двор, копаные пруды — находятся в непосредственной близости от Бер-

---

[1] Там же. Л. 7. Из писем Василия Миролюбова известно еще несколько подробностей жизни Ивана Петровича и Гаврилы Петровича Вульфов, сведения о рождении у них детей. У И. П. Вульфа и его жены Александры Алексеевны (рукой Б. Л. Модзалевского исправлено: Александровны. — *М. С.*) в 1844 г. родился сын Николай (14 июня, крещен 16, восприемники Василий Иванович Вельяшев и Елизавета Петровна Вульф), в 1847 г. родился сын Иван (26 августа, крещен 31, восприемники Алексей Николаевич Вульф и «дворянская девица» Мария Петровна Вульф), в 1848 г. родилась дочь Екатерина (22 ноября, крещена 30, восприемники Павел Иванович Вульф и М. П. Вульф. У Гаврилы Петровича Вульфа и его жены Александры Александровны в 1846 г. родился сын Петр (12 декабря, крещен 19, восприемники Павел И. Вульф и Екатерина Петровна Вульф) (там же. Л. 6 об.).

См. об упоминаемых деревнях в изд.: Тверская деревня. Старицкий район: Энциклопедия российских деревень. Т. I. С. 204 (Дубровка), 366 (Москвино), 370 (Мяклово), Т. II. С. 215—216 (Щелкачево). О состоянии владений семьи П. И. Вульфа на 1828 г. см.: Ведомость Старицкого уезда села Бернова // Духовенство и приходы города Старицы и Старицкого уезда. 1828 год: Клировые ведомости / Сост. С. Кузин. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009. С. 77—78.

[2] См. эти данные в изд.: Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. Дневник 1827—1842 годов / Изд. подгот. Е. Н. Строганова, М. В. Строганов. Тверь: Вся Тверь, 1999. С. 240. В процессе настоящей работы были частично уточнены некоторые данные. Во-первых, мы смогли установить приблизительное время смерти Николая И. Вульфа (см. об этом ниже), а во-вторых, мы выяснили предположительную дату рождения и точную дату смерти Екатерины И. Вульф (см. прим. 7 и 40).

новского музея и могут быть, при минимальных затратах, включены в музейный комплекс. Это обогатило бы видеоряд, так как в самом Бернове не сохранились хозяйственные постройки. Кроме того, в Бернове и Соколове представлены разные типы оформления границ усадьбы. Наконец, включение Соколова в музейную зону Бернова продемонстрировало бы «плотность» дворянского населения в Старицком уезде — одном из самых богатых дворянскими гнездами в России. Конечно, остатки усадьбы находятся в руинированном состоянии, но они сохраняют свой интерес и для историков усадебной жизни, и для ценителей творчества Пушкина. К сожалению, большую часть усадьбы в настоящее время занимает электрическая подстанция, мешающая проведению раскопок, которые помогли бы выявить новые данные по истории Соколова.

Родственники объясняли тяжелый характер Петра И. Вульфа его непомерной гордостью. Известно, что учителем у него (как и у Николая, второго сына в семье) был М. Н. Муравьев, известный писатель и педагог, воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей, а при дворе Александра Павловича юные Петр и Николай Вульфы служили кавалерами. В доме Петра Ивановича с 1822 г. воспитывалась Мария Васильевна Борисова (1809—1850), дочь покойного старицкого помещика, очевидно, в качестве компаньонки для дочери, тоже Марии (род. 1808), так как другая дочь Петра И. Вульфа была еще слишком молода. Пушкин и А. Н. Вульф, проводя Рождество 1829 г. в Старице, своими ухаживаниями ввели в моду М. В. Борисову, и ее портрет отразился, видимо, во внешнем облике некоторых героинь прозы Пушкина.

Однако сельцо Соколово достойно того, чтобы остаться в истории русской культуры не только в связи с Пушкиным, но и потому, что один из владельцев его Никита Петрович Вульф был поэтом, и некоторые из его стихотворений были изданы после его смерти. Вообще усадебная поэзия конца XVIII — начала XIX в. к настоящему времени достаточно хорошо изучена. Но мы всё же плохо знаем усадебную поэзию второй половины XIX в., поскольку тексты рядовых усадебных поэтов почти не изданы, или изданы слишком малыми тиражами. Цель настоящей публикации состоит в том, чтобы ввести в научный оборот стихотворные тексты Никиты Петровича Вульфа и прояснить те черты его жизни, которые оказалось возможным установить на основании архивных документов.

Вот что известно о нем из печатных источников, самым подробным из которых является его краткая биография, составленная сестрой Екатериной и опубликованная в качестве предисловия к сборнику его стихотворений, изданному на десятилетие его смерти. Из этой биографической справки известно, что Никита Вульф родился 11 апреля 1818 г. и скончался 9 октября 1884 г., и данные сведения повторяются во всех справочниках. Однако в письме берновского священника Василия Миролюбова к Б. Л. Модзалевскому от 29 ноября 1908 г. сообщается, что Никита Вульф умер 9 октября 1885 г. «от удара». При этом указывается его возраст — 68 лет[1], хотя на самом деле следовало бы сказать: на 68-м году жизни. Если учитывать это указание на возраст и то, что сестра в том же предисловии пишет, что за открытые Н. П. Вульфом натуральные краски он «на всех выставках с 1872—1885 г. был награжден разными медалями и почетными отзывами», следует полагать, из двух источников в данном случае ошибается сестра. Учился Никита Вульф в Московском кадетском корпусе, по окончании которого служил во флоте, в канцелярии министерства двора. Во время Крымской войны служил в ополчении, позднее жил в Соколове, где открыл «краски сепию и сурик и усердно разрабатывал их», «часы отдыха он посвящал литературе, которую страстно любил»[2].

Как мы увидим, стихи Н. П. Вульфа не отличались художественным мастерством. Но мы и ожидаем от них не поэтических высот, а отражения человеческого лица в его неповторимом своеобразии. Ниже мы публикуем сборник 1894 г. и предваряем эту публикацию документальными материалами: извлечениями из дел об учебе и службе, хозяйственными материалами и некоторыми стихотворными сочинениями, не вошедшими в сборник 1894 г. В связи с представлением Никиты Вульфа как поэта следует отметить, что О. Н. Вульф, его двоюродная племянница, дочь Николая Ивановича Вульфа, в своих «Дополнениях к Берновским воспоминаниям о А. С. Пушкине» писала: «Так как в Академии имеются стихотворения Никиты Петровича Вульф, то хочу заметить, что потом-

---

[1] Сама же Екатерина Вульф умерла 8 июля 1894 г., будучи 78 лет, «от старости» (там же. Л. 13 об.).

[2] Стихотворения Никиты Петровича Вульф / Напечатаны на память друзьям и родным сестрою поэта Екатериною Петровною Вульф. М., 1894. С. 3.

ство Ивана Ивановича замечательно музыкальны, как и он сам был. Поколение же брата его Петра Ивановича все более или менее поэты, но антимузыкальны. Очень милы некоторые стихи старшего брата Никиты Петровича — Ивана Петровича.

К сожалению, в целости могу цитировать одно маленькое только:

Создам я в небесах избушку
И стану жить и ликовать!
Обрежу солнышка краюшку
И тучей буду запивать!
Там звезды как орехи
Буду смело я щелкать
И разве только для потехи
Чертям я стану штосс метать!»[1].

Как мы уже сказали, Никита Вульф родился в 1818 г. Значит, во время первого приезда Пушкина в Старицкий уезд ему было десять лет, и он, несомненно, видел великого поэта. В это время уже решалась его судьба, о чем свидетельствует следующее письмо:

«Господину Морскому министру.

Государь император высочайше повелеть соизволить: сына стат.<ского> сов.<етника> Вульфа Никиту 10-ти лет отправить в Морской корпус кадетом.

О сей монаршей воле я имею честь уведомить Ваше превосх<одительст>во для надлежащего со стороны вашей исполнения.

Подписано: министр императ<орско>го двора князь Волконский»[2].

Зачисляя сына в Морской корпус, Петр Иванович исходил, видимо, из того, что морская служба считалась престижной среди других военных служб. Кроме того, муж сестры Петра Ивановича

---

[1] Берновские воспоминания / Подготовка текста, вступительная заметка и примечания М. В. Строганова // «Мысль семейная» в русской литературе: Сборник статей и материалов. Тверь: Марина, 2008. С. 183.

[2] ПД. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 5. Н. П. Вульф. Документы, касающиеся помещения его в Морской корпус и службы его во флоте. Л. 1. Это копия, адресованная отцу Никиты Вульфа, о чем свидетельствует сохранившийся в деле конверт с надписью: «его высокородию П. Ив. Вульфу» (л. 3).

Анны Павел Иванович Панафидин был успешным морским офицером, и в семье его многие родственники дослужились до высших чинов в морской службе, поэтому они могли оказать молодому человеку существенную протекцию[1].

Покидая родительский дом, мальчик, естественно, и стремился на волю, и боялся ее. Эти чувства запечатлелись в его очень неумелом и очень трогательном стихотворении 1829 г. «На отъезд»:

Увы, покинем отчизну родины своей;
В которой с младых лет мы время провожали,
И грусти, и тоски мы в жизни не видали.
Итак, покинули мы сию страну прекрасну,
Которая для нас ни с чем несравненна.
Деревья будут распускаться,
И трава будет зеленеть,
И птичек хоры будут петь,
А мы уже не будем здесь[2].

По окончании учения мы застаем Вульфа мичманом 10-го флотского экипажа в апреле 1837 г.[3] Но морская служба его продолжалась, к сожалению, не долго. Очевидно, уже первый морской поход выявил непригодность Никиты Вульфа к морской службе, о чем мы узнаем из следующего документа:

«Свидетельство

Дано сие 10-ого флотского экипажа господину мичману Вульфу, в том, что во время нахождения его в компании нынешнего лета на корабле „Иезекиль“ замечено, что он от малейшей качки чувствовал сильное головокружение и боли под ложечкой, сопровождаемые сильной рвотою и даже кровохарканием, каковой болезненный припадок имеет сильное влияние на его здоровье и лишает его возможности отправлять службу на море, в чем и свидетельствую. Корабль „Иезекиль“, августа 25 дня 1839 года.

---

[1] О П. И. Панафидине см.: *Панафидин П. И.* Письма морского офицера (1806—1809) / Предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского. Пг.: Тип. Морского министерства при Главном Адмиралтействе, 1916.

[2] ПД. Ф. 64. Ед. хр. 6. Детские стихотворения Никиты и Николая Вульфов. Л. 1. На л. 2, 3, 4 сохранились французские стихотворные опыты.

[3] Там же. Ед. хр. 5. Л. 8.

Означенный в сем свидетельстве мичман Вульф действительно подвержен морской болезни, в чем и свидетельствую с приложением печати корабля. Сентября 9-ого дня 1839 года командир 10 флотского экипажа и корабля. Капитан 1-ого ранга <*нрзб.*>»[1].

Как обычно, дело об отставке тянулось бесконечно долго. Печать и подписи, подтверждающие данное свидетельство, датированы 14 января 1841 г.[2] И только через год с лишним Вульф получает следующий приказ:

«Уволенному от службы господину капитан-лейтенанту Вульфу.

По высочайшему приказу, отданному в 18 день марта сего года, уволить вас от службы с чином капитан-лейтенанта, а потому предписываю вам с получения сего представить ко мне следуемые с вас деньги, должные представиться к отчету в казначейство за повышение чина 28 руб. 75 коп., за напечатание патента и <*нрзб.*> 2 руб. 24 коп., за приложение к патенту печати один руб. 95 коп., печатная пошлина 60 коп., гербовой лист для указа об отчете один рубль, всего 38 руб. 14 коп. серебром; присовокупляем к тому, что покуда эти деньги не пришлются, до тех пор не будет отмечено об вас <*нрзб.*> сего дней.

Капитан 1 ранга <*нрзб.*>

Апреля 1 дня 1842 года»[3].

Как видим, при отставке Вульф получил чин капитан-лейтенанта, который соответствовал чину майора в сухопутных войсках или коллежскому асессору в гражданских чинах по табелю о рангах. Это был не самый высокий чин, и денег он не приносил. Однако майор Ковалев, как мы помним, гордился им. Но поскольку Никита Вульф всё это время службу не проходил, он должен был жить на деньги, получаемые из дому. С этим, как следует полагать, и было связано первое обращение в опекунский совет, для чего и было составлено описание имения Вульфов 1841 г. Случай, конечно, печальный, но для нас весьма удачный. Благодаря ему мы имеем возможность представить себе имущественное положение нашего героя и его семьи: вдовствующей матери, брата и сестры.

---

[1] Там же. Л. 10.
[2] Там же. Л. 10 об.
[3] Там же. Л. 12.

Итак, «Дело об описании имения старицких помещиков Вульф», начатое 29 сентября и конченное 8 октября 1841 г.[1]:

«Описание имения заимщиков вдовы статской советницы Елизаветы Петровой и детей ее Николая, флота лейтенанта Никиты и девицы Екатерины Петровны Вульф, просящих надбавочной ссуды по 15 рублей серебром на душу вместо копии со свидетельства Гражданской палаты для представления того же имения в залог по позволенным подрядом сентября __ дня 1841 года.

Тверской губернии Старицкого уезда <пропуск названия имения> по __ в ревизии за ними доставших по наследству первой после покойного мужа, <а вторым после покойного> родителя статского советника Петра Иванова Вульф сельца Соколова дворовых людей и крестьян 127 и деревня Москвина 27, а всего мужского пола сто пятьдесят четыре души. Земли в единственном владении <пропуск>:

Пахотной — 455 десятин

Сенного покосу — 231 — х —

Под лесом — 303 — х —

Под усадьбами — 12 — х —

Под дорогами — 3 — х —

А всего 1004 десятины

Тягл на хлебопашества шестьдесят три, оброчных не имеется.

Количество ежегодного посева

господского: ржи 60 четвертей; ярового противу того вдвое; картофеля до 20 четвертей; сена накашивается до 2000 копен.

крестьянского: ржи до 150 четвертей, а ярового противу того вдвое; картофеля 40 четвертей; сена накашивается до 3000 копен.

Промышленность крестьян в свободное от полевых занятий время плотничество, распилки и на прочих свойственных им работах.

Сбыт произведений в городах Старице и Торжке, озер и судоходных рек не имеется. Господского строения в сельце Соколово два деревянных дома на каменных фундаментах длинного 7 саж<ень>, шириною 6 саж<ень>. Кухня длины и ширины по 4 саж<ени>, три людских флигеля, каждый длиною по 10 саж<ень>,

---

[1] Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 1692.

шириною по 2 саж<ени>, пять погребов, из них один каменный, а прочие деревянные; баня длиною и шириною 4 саж<ени>; две ранжереи: одна для персиков длиною 10½ саж<ен>, шириною 3 саж<ени>, а другая для винограду длиною 7, шириною 3; грунтовый сарай в каменных столбах длиною 9 саж<ень>, шириною 4 саж<ени>. Скотный двор каменный длиною 21 саж<ень>, шириною 14½ саж<ень>; конюшня длиною 11½ саж<ени>, шириною 4½ саж<ени>; <пропуск> сарай длиною 5 саж<ень>, шириною 4½ саж<ени>; три <пропуск> два сарая для соломы, четыре пол-овина <?>, сенной сарай, птичий двор с двумя избами, четыре анбара для хлеба длиною по 12 саж<ень>, шириною по 3½ саж<ени>. Фабрик, заводов, рыбных ловлей и тому подобных заведений не имеется.

Доходу с вышеписанного имения каждогодно получается от продажи хлеба и разных домашних произведений до тысячи двухсот рублей серебром». Под документом стоит дата его составления и утверждения: 29 сентября 1841 г.

Подлинное описание имения заверено владельцами Соколова: статской советницей Елизаветой Петровной Вульф и ее детьми Николаем, Никитой и Екатериной Петровичами Вульфами. Кроме них описание удостоверили четыре человека. Двое из них — это официальные лица, подписавшиеся в силу своей должности: старицкий предводитель дворянства Ф. Б. Казнаков и тверской уездный предводитель дворянства князь Иван Шаховской, исправляющий должность губернского предводителя. Старицкий помещик В. И. Вельяшев заверил описание в силу родственных отношений: его жена была сестрой покойного Петра Ивановича. А вот старицкий помещик надворный советник и кавалер Иван Иванович Лажечников (так он представлен в документе[1], однако мы его знаем в первую очередь как большого писателя), который также заверил описание, сделал это, очевидно, потому, что был тесно знаком с Вульфами, хотя прямых указаний об этом мы пока не имеем. Однако теперь наш документ дает нам указание на круг общения как самих Вульфов, так и Лажечникова, который с 1837 по 1842 г. находился в отставке и жил по преимуществу в своем Старицком

[1] Следует заметить, что написание его фамилии в документе отражает додворянский, купеческий этап жизни семьи: *Ложечников*, простонародную и легко этимологизируемую фамилию. Дворянские документы представляли иную версию фамилии, скрывающую это: *Лажечников*.

имении Коноплино, находящемся, впрочем, достаточно далеко от Соколова.

29 сентября 1841 г. канцелярия гражданского губернатора препроводила описание имения, утвержденное губернатором и доставленное при отношении князя Ивана Шаховского, в канцелярию Тверского дворянского депутатского собрания. А 3 октября 1841 г. дело было представлено в управление Тверского гражданского губернатора.

Переживая служебные неприятности и болезнь, вызванную службой, очевидно, страдая от недостатка денег, Никита Вульф не переставал писать стихи. По следующему стихотворению мы видим, во-первых, что стихи его стали достаточно профессиональными и умелыми. Вместе с тем, совершенно очевидно, что он подражает в своих произведениях В. Г. Бенедиктову, которого так любила молодежь конца 1830-х — начала 1840-х гг.:

Мчится конь, раскинув гриву,
По долинам и холмам;
Топчет он копытом ниву,
Прямо к бешеным волнам;
И кипучие взметались
Перед пламенным конем;
С мощной грудью бились, рвались…
Конь на береге другом.
Вот и степь… в дали широкой
Степью мчится он стрелой.
Ночь затихнет в тьме глубокой,
Не споткнется он ногой.
Так летит могучий гений
Вдаль дорогою земной;
Над толпою, выше мнений,
Смело борется с судьбой.
Божий мир его раздолье;
Пылок сильного понять;
Вечный в вечности приволье,
Его, пламенного, ждет![1]

---

[1] ПД. Ф. 64. Ед. хр. 9. Стихотворения Н. П. Вульфа, печатные (1842), черновые наброски разных стихотворений. Л. 1.

После отставки с военной службы Никита Вульф служил секретарем в канцелярии министерства двора и не жил в Соколове. Поэтому к нему довольно часто обращались с разными просьбами крестьяне, чьи письма ярко свидетельствуют как о характере отношений между помещиком и его крепостными, так и о состоянии имения. Приведем одно письмо, написанное Гаврилой Давыдовым 28 октября 1846 г.:

«Всемилостивый государь и отец мой Никита Петрович. Вопервых, прошу у вас, мой отец, извинения, что я осмелился к вам писать, но необходимости меня поднудили беспокоить и просить вас, нашего покровителя, что крайние претерпеваю обиды беспричинно и никогда не выхожу из воров — только мне и названия от Акулины Федоровны, и упрекает меня с моим семейством, что мы напрасно хлеб ваш едим, во всю осень не давали огороду <?> <*нрзб.*>, а управлялся я своим семейством, возьмите в пример: одной капусты из сада продано 181 руб. 65 коп., но только не могу узнать, как всем показать так, как выше сказано мною, но и в ранжереях персиков и абрикосов и слив было довольное количество, но только об оном не могу описать, куда оного плода употреблено, так как я до них не касался, в таком случае и прошу у вас, отец мой, и сделать мне какую-нибудь помощь <?> и покровительство, что мне стало жить с моим семейством невозможно, из сего моего письма можете видеть, что я не напрасно хлеб ваш ем, но и Божьей милостью вором до днесь еще не был, а убийственные ее слова без причин мне принимать — сил моих недосчесть, на что и во ожидании от вас какого-нибудь себе удовлетворения, а сын мой Иван по большей части находится в рубке дров для дому,

раб ваш Гаврила Давыдов.

Октября 28 дня

1846 года»[1].

---

[1] Там же. Ед. хр. 132. Л. 1—1 об. Письма к Н. П. Вульфу. Письма крестьян (7) от 4 августа 1847 г.; 1 марта 1848 г., прочие не датированы. Письма от Григория Алексеева, Ольги Алексеевой, Акулины, Акулины Щегловой, Пелагеи Александровой, одно письмо без подписи, и др. Крестьяне восхваляют своего хозяина, поздравляют с праздниками, желают богатую жену и стать сенатором, называют его своим ангелом. По его приказаниям пекли хлеб и раздавали нищим, а те молились за хозяина. Пишут про мать

Как мы видели, имение находилось в нераздельном владении брата и сестры, хотя из описания Берновского прихода известно, что в 1849 г. за ними были закреплены разные населенные пункты. За Никитой Петровичем Вульфом было записано сельцо Соколово и деревня Дубровки, а за Екатериной Петровной Вульф сельцо Заовражье и деревня Москвино[1]. Из этого следует, что земля их пока еще не была размежевана.

Из описания Берновского прихода видно, кроме того, что брата Никиты и Екатерины Николая П. Вульфа, который в 1841 г. еще подписывал с ними первое описание имения, в 1849 г. уже не было в живых. Таким образом, мы можем установить, что он умер между 1841 и 1849 гг. Это одно из немногих сведений о Николае П. Вульфе; всё остальное нам известно только из стихотворений Никиты Вульфа, посвященных брату: «На смерть брата Николая Петровича Вульфа» («Сознав всю суетность общественных волнений…») и «Послания Н. П. Ву…у» («Бразды прияв, рукой искусной…»). Из первого стихотворения видно, между прочим, что Николай Вульф занимался мелиорацией, осушением болот.

И вот в конце 1850-х гг. в отношениях брата и сестры произошли какие-то перемены. Трудно сказать, были ли у Никиты и Екатерины Вульфов такие разногласия, которые могли бы заставить их обратиться в губернаторскую чертежную с просьбой, чтобы им предоставили землемера для размежевания[2]. Как мы понимаем, таковых разногласий у них не было. Поэтому мы должны поискать какие-то другие причины для подобного рода поступков. Кроме того, следует учесть, что в это же самое время Никита Вульф просит у опекунского совета разрешение переселить своих крестьян в соседнюю деревню Дубровку[3]. Как можно предположить, всё это произошло в 1858 г., так как именно этим годом помечено «Описание имения помещика надворного советника Никиты Петровича Вульфа, состоящего в Тверской губернии Старицкого уезда,

---

его, что она страдает после его отъезда в Петербург, Пелагея Александрова просит о свободе.

[1] Там же. Л. 7.

[2] Там же. Ед. хр. 10. Бумаги его отпуска и черновики официальных и деловых бумаг учреждениям и разным лицам. Л. 1—1 об.

[3] Там же. Л. 3.

1858»[1], в котором он числится единоличным владельцем Соколова и в котором обосновывается необходимость и целесообразность переселения крестьян в Дубровку. Вот это дело:

«Сельцо Соколово и рядом с ним деревня того же названия; в 12-ти верстах от сельца деревня Дубровка. Отхожих пустопорожних земель не имеется.

Ближайших торговых селений не имеется.

Господские усадьбы и крестьянские селения принадлежат к селу Бернову.

От приходских церквей с<ельцо> Соколово находится в 1-ой версте, а деревня Дубровка в 12-и верстах.

Число дворовых людей по сказкам 10-й народной переписи: муж<чин> — 18, жен<щин> — 8.

Название искусств и ремесел: повар — 1; лакей — 1; портной — 1; садовников — 3; кучеров — 3; скотников — 3; ткач — 1; столяр — 1; бондарь — 1; прачки — 2; ткачиха — 1; молочница — 1; скотницы — 2. <Итого: 26 человек>.

Определить достоверностно ценность обучения весьма трудно, так как, кроме установленной платы мастеру, обучения эти сопряжены обыкновенно со многими мелочными издержками и потерею для имения <?> рабочих сил за всё время обучения, и что сверх того, вследствие недобросовестности и невнимания большей части мастеров к сохранению здоровья учеников, половина из них или выходили калеками, или умирали. Приняв всё это в соображение, ценность обучения можно приблизительно полагать от 200 до 400 руб. сер.

Сведения о дворовых людях: девушек от 10 до 16 — 1; дети обоего пола, имеющие менее 10 лет — 2; мужчины, имеющие более 60 лет от роду, и женщины более 50 — 1 жен<щина>; не способные к работе обоего пола по увечию, сумасшествию и др<угим> причинам — 1 муж<чина>.

Дворовым людям выдается месячина, разные продукты, холсты на белье, одежда и жалованье на обувь от 3-х до 15-ти руб. сер. и сверх того дозволяется держать коров на господском корме.

Число крестьян по 10-й народной переписи:

---

[1] Описание см.: ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 1610. 16 л.

— *крестьяне, принадлежащие самому владельцу земли и числящиеся при этих землях*: муж<ского> п<олу> — 98; жен<ского> п<олу> — 98. <Итого: 196 человек.>

— *крестьяне, живущие на содержании у помещиков подобно дворовым людям и не обзаведенных собственным хозяйством*: девушки от 10 до 16 — 2; не способных к работе по старости, увечью и др<угим> причинам — 1 <муж.?>.

— *крестьяне и дворовые люди, находящиеся в настоящее время в обучении разным искусствам и ремеслам*: муж<ского> пола — 97; жен<ского> п<олу> — 96.

Число крестьянских дворов — 26.

Число крестьян<ских> тягол — 45.

Количество крестьянского скота: лошадей — 68; крупного рогатого скота — 50; мелкого скота — 50.

Постройки крестьян следующие: избы, клети, овшанники, дворы, анбары, половни, сараи, бани и овины — все деревянные.

Крестьянский двор по строению на месте стоит, полагаю, с лишком 200 руб. Цена на своз зависит от расстояния покупщика, но в любом случае более в половину дешевле.

Промыслов, особых заведений и земель в арендном содержании у крестьян нет.

Удобной земли по планам: десятин — 919, сажен — 2160; неудобной земли: десятин — ; сажен —.

Размежевание кончено, но планов на отмежеванный землемером полюбовный размен земли между мною и сестрою моею, дочерью старицкого статского советника девицею Екатериною Петровною Вульф, из межевой канцелярии еще не выслано.

Земли, принадлежащие к имению и находящиеся в постоянном владении крестьян: усадебной: десятин — 12. сажен — 1,296; выгонной: десятин и сажен — пользуются выгоном господским; сенокосной: полевой — 203, по чистому суходолу — 30, по кустарнику — 130.

Земли, состоящие во владении помещика: усадебной: десятин — 7, сажен — ; выгонной десятин и сажен — 18 или выпускной; (пахотной) полевой — 175; (сенокосной) по чистому суходолу — 61, по кустарнику — 72.

По лесу (дровяного): по суходолу — 45; по болоту — 83; (строевого) по суходолу — 73, по болоту — 10.

Крестьянская земля не отделена от господской к одному месту, а находится в смешанном, чресполосном с нею распределении.

Таковое распределение земли, конечно, вследствие предстоящего переворота должно быть изменено, о чем подробнее будет сказано мною в конце этого описания в особых примечаниях.

Земля вообще доброкачественная. Средний ежегодный валовой доход можно приблизительно полагать: с десятины пахотной — 16 руб., с десятины сенокосной — 6 руб. (из сего следует вычесть расход по обработке).

С рогатого скота около 6 руб. в год с коровы.

Лес строевой продается по 200 руб. сер. за десятину на сруб.

Вся господская земля обрабатывалась крестьянами, 45-ю тяглами. На чистом оброке состоит 1-но тягло и платит 25 руб. в год.

Машины имеются, веялка и саморезка. Хозяйство трехпольное.

Всякие необходимые в хозяйстве работы, так то: земляные, каменные, печные, плотницкие, рубка и возка дров и леса, доставка продажного хлеба в город и проч.

Число рабочих дней, употребляемых для крестьян с каждого тягла в год. Из числа 3-х барщинских дней в неделю. Количество денежного оброка с крестьян — 25 руб.; всей вообще господской недоимки за крестьянами состоит — 400 руб. сер.

Количество вещественных сборов, а также подвод, взимаемых с крестьянского тягла в течение одного года.

При замене вещественного сбора с крестьян денежным окладом собиралось с тягла в год по 50 коп. Подвод сверх барщинских дней не берется.

Количество господского скота: лошадей — 19; крупный рогатый скот — 120; мелкий — 15.

Урожай хлебов, числом зерен от одного: рожь — 5; овес — 4; ячмень — 8; греча — 4; картофель — 5.

Примеры наемных цен, существующих на месте, и именно, по каким ценам нанимают рабочих приходский священник и другие жители. Приблизительные цены на год работнику — 50 рублей, работнице — 18; на лето работнику — 40 руб., работнице — 15; что стоит месячное содержание работника — 3 руб.

Стоимость обработки одной десятины в поле, вместе с полевым ужином и обмолотом, можно приблизительно полагать: ржаной десятины в 16, яровой в 10 руб. сер.

Приблизительная ценность рабочих дней: летних: пешие: мужской — 30 коп., женской — 20 к., коньих: мужской — 50 коп., женской — 10 к.; зимних: пеших: мужской — 20 к., женский — 10 коп.; коньих: мужской — 30 коп.

Ценность однопольной сажени дров на месте: березовых — 1 руб. 50 коп., прочих сортов — 50 копеек.

Местные цены главных произрастаний, составляющих доход, с показанием главных торговых рынков. Рожь — от 4-х до 5-ти руб.; овес — от 2-х до 4-х руб.; ячмень — от 3-х до 4-х руб.; греча — от 3 до 3,5 руб.

Хлеба продаются преимущественно в г. Торжке.

Цены, по которым продаются и покупаются земли разных качеств: продаются от 15 до 45 руб. и более за десятину.

Если у крестьян не имеется в постоянном владении лесных дач, строевой лес или дарится крестьянам, или продается им в 3½ раза дешевле настоящей его цены; дровами же пользуются крестьяне с сенокосных расчисток.

Какие натуральные земские повинности отбываются крестьянами: рекрутская, подушная, подводы в стану, подводы рассыльным, подводы стоишные, отправление должности сотского, починка мостов и дорог.

К каким срокам собираются господские оброки: к 1-у апреля и к 1 октября.

Если населенное имение или дача находится в залоге, то объяснить, где и на какой срок. Имение заложено в Санкт-петербургском опекунском совете, с 1842 г. на 37-летний срок.

Сумма долга кредитному установлению к 1 июля 1858 г. — 7791 руб.

Число грамотных людей в имении: 5 мужчин дворовых.

Вследствие многих неурожайных и бедственных для крестьян годов, выдавалось им из запасного хлебного магазина как ржи на прокормление их, так овса на обсеменение полей, и по сие время остается за ними в недоимке и ржи и овса более полвины, требующегося налицо хлеба.

Не существует ли в имении особых хлебных запасов мирских капиталов, общественных запашек, школ, больниц, богаделен, сельских банков и других экономических и благотворительных за-

ведений, и если есть, то в каком положении ни находятся. Не существует.

Существует ли у крестьян круговая порука в отбывании повинностей и платеже оброков, и распространяется ли она на всех крестьян. Не существует.

Нет ли принадлежащих самому помещику особых заводов, фабрик, мануфактурных заведений и других оброчных статей, и если есть, то в каком положении они находятся относительно земли, состоящей в постоянном владении крестьян. Нет.

Особые примечания

В заключение изложенного мною в этом описании, необходимым считаю довести до сведения комитета, о двух исключительных и крайне затруднительных особенностях моего имения, а именно: 1) что усадьба моя окружена деревнею, та<к> что усадебные строения крестьян находятся совершенно рядом с господскими строениями; и 2) что полевая земля крестьян, как выше было мною сказано, не отделена от господской, а находится в перемешанном, чересполосном с нею распределении.

Понятно, что в таком положении можно было оставаться только при существовавших доселе патриархальных отношениях помещика к крестьянам, полной его власти и безусловном их повиновении. При изменении же вследствие предстоящего переворота этих отношений таковое положение становится невозможным, ибо я буду в чересполосном владении с сотнею свободных мелких землевладельцев, и тогда, кроме того, что это было бы совершенно противно видам правительства, столько лет и так деятельно стремившегося к уничтожению чересполосных владений, мне останется одно из двух: или ежедневно ссориться и тягаться с бывшими моими мужиками за корову, лошадь и прочие мелочные, но в совокупности важные подневные случаи сельского быта, или бросить имение и бежать из него.

Вследствие всего вышеизложенного, признав совершенно необходимым переселить крестьян с<ельца> Соколова и отвести им полевую землю к одним местам, я предполагаю устроить это трудное дело без стеснения крестьян и с должным им вспоможением следующим образом:

1) 14 дворов будут переселены только за ½ версты за реку Тьму, а 7 дворов за 1½ версты так же на берег реки Нашиги, на пахотные, отличного качества земли. Причитающееся количество земли прирежется отдельно к каждому выселку.

2) Предоставлю им право пользоваться прежнею их огородною землей в течение двух лет по переселении.

3) Равным образом предоставлю им засеять и снять в будущем 1859 году яровой хлеб с прежней плевой земли их.

4) Необходимый при перевозке строений строевой лес дам им бесплатно.

5) Переселение совершено будет не вдруг, а постепенно, по частям, так, чтобы одни другим могли пособлять при переселении.

6) Крестьяне же деревни Дубровка, остающейся на месте, пособят переселению крестьян с<ельца> Соколова и, наконец,

8) <!> сделаю, по возможности, облегчение переселяющимся в барщине и пособие в нуждах их.

Приступив к означенному переселению, долженствующая отойти под эти выселки земля уже отмежевана частным землемером Ушаковым, и оказалось, что по клинообразному расположению земли моей переселение это должно несомненно послужить к благосостоянию крестьян, ибо за перенесением временного от переселения неудобства и расстройства будут они на вечные времена спокойно и под руками владеть землей, тогда как ныне некоторые поля их удалены от селения <за> три и более версты, почему и навоз на них не доходит. А при предстоящем вековом государственном перевороте должны мы стремиться к устроению и упрочнению дел, как своих, так и крестьян наших, на сотни лет и, значит, не останавливаться, временным, 3-х—5-илетним неудобством и расстройством».

Это переселение стало основой для одной местной легенды, сохранившей в народном сознании почти все исторические реалии: «Вся деревня Корневки выселена на настоящую усадьбу в 1859 году из бывшей деревни Соколово помещиком Никитой Петровичем Вульфом. При выселении из Соколова крестьяне было не соглашались быть выселены со старого места врознь и, дав между собой клятву, съев по комку земли в знак общего согласия, заявили помещику, что не дадут рыть построек, как бы ни наказали их за упрямство. Пристав Михаил Понерилович за такую дерзость велел

дать зачинщикам Матвею Федотову, Ивану Корнилову 2 раза по 80 розг. Отпоров зачинщиков, пристав приказал рыть постройки и везти их на место настоящих Корневок. Пристав выражался крестьянам, что вымоет кровью руки, но все-таки переселит всех туда, куда назначил помещик Вульф. Потом приехал Вульф и велел Матвею Федотову отпороть старосту. Федотов стал драть старосту, не высоко поднимая розги. Помещик Вульф приказал Федотову сильнее драть, в противном случае грозил отпороть самого же Федотова. Федотов же, как показалось помещику, продолжал потакать старосте. Тогда Вульф приказал пороть Федотова. Тот, став на колени перед помещиком, просил о пощаде. Тогда Вульф дал Федотову плюху справа, а потом слева; после каждой из них Федотов падал», – вот такую историю о происхождении деревни Корневки сохранили для нас архивные документы[1].

Сейчас трудно сказать, чем было вызвано и это размежевание, и это переселение крестьян. Как мы знаем, позднее брат и сестра общались вполне мирно и любовно, из чего следует предположить, что размежевание было вызвано какими-то экономическими расчетами, возможно, не оправдавшими себя. Впрочем, можно высказать следующее предположение. Среди стихотворений Вульфа есть одно, которое называется следующим образом: «Своей невесте Харите Васильевне Мандрыкиной». Значит, у Вульфа была невеста, был и любовный роман. Более того, из стихотворения «Из-за Москвы-реки, под проливным дождем…» мы узнаем, что он был в свое время женат, хотя его брак длился очень малое время:

И вот предо мной встает из памяти былого
Тот день, когда и я в Гимена храм вступал…
Влюбленный по уши, полн чувств всего святого,
О счастье, о любви так сладко я мечтал…

Но не сбылись мечты… Два месяца со днями
Я зрел страдания красавицы-жены,
И схоронил ее… над морем в стране дальней…
А с ней и все мои мечты погребены.

---

[1] ГАТО. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 6935. Л. 9. Благодарю А. В. Шиткова за указание на этот материал.

Я путаюсь с тех пор один и безотрадно,
Кольцо венчальное я снял, чтобы не жгло,
Не растравляло б ран… и от вопросов разных
И собственных укор чтоб то меня спасло.

Для стихотворений непрофессиональных и полупрофессиональных авторов, каковыми в большинстве своем и являлись авторы усадебной поэзии, биографическое прочтение не просто допустимо, но даже необходимо. Восприятие литературного текста как документа входит в его художественное задание. Поэтому мы не сделаем никакой ошибки, если прочтем этот текст сугубо биографически.

Итак, дело происходило на берегу моря, «в стране дальней». Поскольку мы не знаем о заграничных поездках Никиты Вульфа, целесообразно предположить, что он ездил со своей женой в Крым, который продолжал казаться дальней и чуждой еще для русской культуры стороной. Кроме того, из этого стихотворения становится ясно, что брак длился чуть больше двух месяцев. Видимо, сестра Екатерина молодой жены своего брата не знала и поэтому она даже не упомянула об этом мимолетном браке в той краткой биографии, которую предпослала сборнику его стихотворений, хотя стихи в сборник включила. Однако, как можно предположить, именно накануне своей женитьбы Никита Вульф и решает упорядочить свои финансовые отношения с сестрой Екатериной, что было разумно и честно и по отношению к ней[1].

Этот неудачный и даже трагичный брак, видимо, повлек за собой ряд неразумных и опрометчивых поступков Никиты Вульфа, которые принесли ему совершенно неожиданные и не менее трагические плоды. К следующему, 1859 г. относится в жизни Никиты Вульфа неприятная история, последствия которой тянулись довольно долго и омрачали его жизнь. Об этой истории свидетельствует прошение, поданное им в 1-й департамент Московского надворного суда (№ 4790) по поводу «произошедшегося об изнасиловании будто бы мною дворянки девицы Ильиной». Пока Никита

[1] В известной мере нашим построениям противоречит содержание стихотворения «Мой талисман» («Я помню вечер, как вдвоем…»), датированное: «Вечер 11 октября 1851 года». При отсутствии дополнительных данных мы затрудняемся разрешить это противоречие.

Вульф находился под судом, на его имение с 5 октября 1859 г. был наложен арест. Но хотя, пишет Вульф, «помянутое <дело> с девицею Ильиной было окончено еще в 1861 году и сдано в архив» 1-го департамента Московского надворного суда, «вышеозначенное запрещение по упущению суда и до сего времени еще не снято». Прошение снять это запрещение датировано 31 мая 1878 г., но чем вызвано это запоздалое обращение, мы пока не знаем. Почему в течение почти двадцати лет данная проблема не особенно беспокоила Вульфа, а потом вдруг стала столь актуальной, нам неизвестно. Однако в связи с этим была составлена «Памятная записка», из которой нам и становится понятна суть дела. Вот краткое изложение этой записки.

По окончании в 1859 г. Московского Николаевского института «девица Ильина была отдана женщине Подольской, для нее посторонней и занимавшейся предосудительным промыслом, у которой Ильина и лишилась невинности». «Руководимая Подольскою», Ильина обвинила Вульфа в изнасиловании ее, объяснив, что «будто бы насилие произведено днем, в квартире, наполненной людьми, и притом в течение не больше 8-ми минут». Однако ни фактов, ни документов она не предоставила. Вследствие этого обвинения Никита Вульф содержался под стражей около двух лет. Он жалуется, что заключение разрушило его здоровье и запятнало его имя, которое он честно носил как дворянин. В конце записки он предлагает свое объяснение произошедшему. Поводом «к столь вопиющему угнетению» было стремление администрации института спасти репутацию учреждения, вследствие чего она стремилась выставить Ильину «невинною жертвою, подпавшею случайно насилию, и тем прикрыть опрометчивый выпуск ее к женщине, промышлявшей позором»[1].

Как можно понять, Никита Вульф не отрицает своей связи с девицею Ильиной, но отрицает самый факт насилия. Очевидно, он не лицемерил, поскольку свобода сексуальной жизни молодых дворян была в порядке вещей и предполагала внебрачные отношения. Но именно вследствие этой свободы сексуальное насилие было крайне редкой практикой. Переживания по этому поводу отразились в

[1] ПД. Ф. 64. Ед. хр. 10. Л. 20.

стихотворении «Моя будущность» («Кто меч поднял и поражает…»).

Однако этот печальный опыт заставил Никиту Вульфа резко изменить жизнь и переселиться в Соколово. Мы не знаем, как он перенес тяжесть крестьянской реформы. Но жизнь в деревне дала совершенно неожиданный результат. Вульф открыл на принадлежавших ему землях натуральные красители, которые были высоко оценены современниками. В частности, сохранился перечень разнообразных предметов, которые были экспонированы в Тверском музее с самого дня его открытия 9 августа 1866 г., когда его посетил государь наследник царевич Александр Александрович и великий князь Владимир Александрович. Здесь за № 107 значится «порода земли, подобная умбре, найдена в 1865 году старицким помещиком Н. П. Вульфом рытии колодца в его имении Соколово близ Старицы. Толщина ее слоя около сажени. Окрашенная земля имеет или серобурый или желтобурый цвет. Составные части ее перегной, кремнезем, окись железа, глинозем, известковая земля, окись марганца, магнезия, калий, натр, углекислота, серая кислота, фосфорная кислота, небольшое количество аммиака, меди и хлора. Оба вида этой породы земли по своей доступной цене и достоинству вполне заменяют умбру и сиену и потому имеют важное значение не только для живописи и малярного ремесла, но и для обойных фабрик, для полировки тонких металлических вещей, в особенности при работах золотых мастеров»[1]. Как свидетельствовала впоследствии сестра Никиты Вульфа Екатерина, эти краски с успехом выставлялись на различных выставках, о чем свидетельствует «Дело заведывающего статическими работами при Тверской губернии земской управы» об экспонатах от Тверской губернии, «представленных на Московскую выставку» 1871 г. И в числе этих экспонатов были краски Вульфа[2].

---

[1] ГАТО. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 1201. Л. 43 об. — 44.
[2] Там же.

Окрестности имения Соколово (2 фото)

Остатки хозяйственных построек в усадьбе Соколово (2 фото)

Сам Никита Вульф ценил свое открытие очень высоко и сложил по этому поводу воодушевленные стихи[1], названные «К моим краскам»[2]:

Краски, краски! Вам предался
С увлеченьем я вполне.
Днем — всё вами занимался,
Ночью — грезились вы мне.

Я из недр земли достал вас,
Я подкопами в вас шел;
Там навек чуть не остался,
Гибель ту лишь Бог отвел!

Милость Божья проявилась
Воочию всех людей:
Шахта с треском обвалилась
В день, когда я не был в ней[3].

Ко мне милостив Всевышний!
Испытал я то не раз —
Знать, пока я здесь не лишний;
Не настал, знать, смерти час.

Иль по матери моленья —
Перед Троном в небесах —
Дать мне время к искупленью,
Да очищусь во грехах.

Краски, краски! Я копал вас
Сам с лопатою в руках;
На сушильню я таскал вас
Сам на тачке, на досках.

---

[1] ПД. Ф. 64. Ед. хр. 19. Л. 2—4. Примечания к этому стихотворению принадлежат Н. П. Вульфу.

[2] Добываемым из земли на глубине 4—5 саж.<ен>, Тверс.<кой> губ.<ернии> Старицкого уезда в с.<ельце> Соколово.

[3] Шахта обрушилась в нерабочий день, в воскресенье.

Я сушил вас, обжигал вас,
Растирал и просевал!
И в чанах-то отмучал вас —
Всюду к вам я поспевал!

При обжиге — вы палили,
Жгли мне бороду, усы!
В просеваньи — вы лепили
Рот, глаза мне и власы.

В бороде моей кудрявой
Волос с проседью пробил
За то время, как, упрямый,
Я от вас не отходил.

И померк от вас глаз зоркий,
Глаз охотника лихой!
Без pince-nez уж мне неловко
Читать стало со свечой.

В Петербурге по мытарствам
Долго с вами я бродил!
Наконец, врата порт царский
Нам приветно отворил.

Любознательно, душевно
Величавый адмирал[1]
Встретил вас и сам любезно
Путь к дороге указал.

И следил орлиным оком
Он за вами и потом,

---

[1] Ныне главный командир с.<анкт>-петерб.<ургского> порта вице-адмирал А. В. Воеводский. <Воеводский, Аркадий Васильевич (1813 - 1879) – вице-адмирал, директор кораблестроительного департамента – Ред.>

Чтоб не сняли ненароком,
На пути вас том большом.

Да, Аркадий вам Васильич
Путеводной был звездой!
Вел он слабых вас, бессильных
Своей мощною рукой.

Честь тебе, сановник мудрый,
Глубжу видящих вещей!
Не обманет лоск мишурный
Твоих бдительных очей.

Не напрасно у кормила
Флота русского ты стал:
Польза, честь его хранима —
Тобой умный адмирал.

Драиндорф[1] — тип так же славный,
Тип ученого с душой,
Он не требовал награды
За блистательный труд свой.

Нет, напротив, одолженным
Он считал как бы себя,
За предлог к трудам ученым,
Труд в науке возлюбя.

Вот она любовь к науке!
Непонятна нам, темна —
Не в натуре нашей русской,
Хоть широкая она.

А он первый всё осмыслил,
Бриллиант в корке распознал;

---

[1] Доктор химии, ныне занимаемый кафедру химических наук в Дерптском университете.

Всё исследовал, исчислил
И свидетельство в том дал.

Бьем челом тебе, ученый,
Друг науки, друг людей,
Я, слой желтый, слой зеленый[1],
И желаем долгих дней.

Вот теперь вы на дороге —
Поокрепли, подросли.
Ну, путь добрый! В лета многи,
Боже вас благослови!

Краска — сепия[2], не рыбья,
Минеральная она:
Не сбиралась с желчи рыбьей,
А лопатой гребена.

Не ловил я в море ската,
Рюмку желчи чтоб собрать;
А греблом в земле достата
Моя сепия, мой клад!

Вы, слои мои драгие,
Слой зеленый, желтый слой!
Вы в красе своей нагие
Укрывались под землей.

И прошли тысячелетья[3],
А не знал о вас никто.

---

[1] Слои краски означенных цветов.

[2] До сего времени была известна только сепия животная — краска, добываемая из желчи рыбы *скат*, употребляемая только для акварельной живописи и очень дорогая.

[3] Россия вступила во 2-ое тысячелетье своего существования, но подобному открытию еще не было примера.

Но настал ваш час! Известье
Дать о вас мне суждено.

Обнажил я вас, стыдливых,
И на Божий вывел свет.
Ряд прошли вы мук пытливых,
Но всем мил ваш теплый цвет.

Вам громадно примененье,
И везде вы хороши;
Велико ваше значенье,
Дня торговли, дня Руси.

На том месте[1], где открыл вас,
Я часовню заложу;
Перед ней, соблазн чтоб скрылся,
Кабак[2] в школу обращу.

И да ведает потомство:
Против гордых, хитрых — Бог!
Зрит души он вероломство,
Сердца слышит чистый вздох.

Последние годы жизни Никита Вульф прожил спокойно и благополучно. Имение, следует полагать, приходило постепенно в упадок, и даже добыча красок не могла основательно поддержать его благосостояние. Это был естественный процесс пореформенной России.

Однако поскольку брат и сестра не создали своих семей, на их бездетную жизнь денег всё же хватало. Никита Вульф пописывал свои стихи, занимался потихоньку хозяйством, в чем ему помогала Екатерина. Отношения их были очень тесными и теплыми, о чем свидетельствуют и стихи: «К одной именинице» («Желаю я, — и от души…»)[3], «Перед светлой заутренней в 1865 г. своей сестре,

---

[1] Колодец, кот.<орый> рылся для постоялого двора.
[2] Постоялый двор, для кот.<орого> рылся колодец.
[3] Следует учесть, что именины Екатерины празднуются один раз в году — 24 ноября, что и дает основание датировать это стихотворение.

после одного разговора. Экспромт» («Моя старушка возмутилась…»), «1874 г. 20 марта. Петербург» («Мне без низкого поклона…»)[1]. Как можно судить по этим стихотворениям, у Екатерины был достаточно трудный характер, она быстро вспыхивала, обижалась, и брату приходилось всё время успокаивать ее. Он называет ее своей старушкой и подшучивает над ней. Составляя сборник, Екатерина, возможно, не без умысла сгруппировала стихи, посвященные ей, в конце его, в самом ударном месте.

И вот Никита умер, Екатерина осталась одна. Она собрала стихи брата и издала их. Это произошло в самый год ее собственной смерти, так что ее ошибка с указанием года смерти брата получала характер предсказания. Кто наследовал Екатерине Вульф, поддерживала ли она отношения с племянниками (детьми Ивана и Гавриила) и внучатными племянниками — мы не знаем.

[1] Судя по содержанию, стихотворение следует полагать поздравительным текстом на день рождения сестры Екатерины, что позволяет хотя бы предположительно установить день ее рождения.

Стихотворения[1]

Никита Петрович Вульф родился 11-го апреля 1818 г., скончался 9-го октября 1884 г. Воспитание получил в Московском кадетском корпусе, затем, окончив курс, служил во флоте; далее был секретарем в канцелярии Министерства двора. Во время Севастопольской кампании командовал дружиной. Затем, поселившись в своем имении Соколове Тверской губернии Старицкого уезда, он открыл в недрах земли краски сепию и сурик и усердно разрабатывал их, за что на всех выставках с 1872—1885 г. был награжден разными медалями и почетными отзывами. Часы отдыха он посвящал литературе, которую страстно любил.

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.

_____

Идите все ко мне, кого гнетет утрата.
Ко мне, скорбящие, я успокою вас.

Молитва

О, Господи! прости, помилуй!
Не вниди в суд с рабом твоим!
Земли сын грешный я и сирый —
И под соблазном пал земным!
Кто оправдится пред Тобою?
Пред суд Твой кто дерзнет предстать?
В одном раскаянье с мольбою
Спасенья может смертный ждать.

---

[1] Стихотворения Никиты Петровича Вульф / Напечатаны на память друзьям и родным сестрою поэта Екатериною Петровною Вульф. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1894. Дозволено цензурою 28 октября 1893 г.

Меня постиг Ты испытаньем,
Карая, Бог мой, иль любя?
Пошли, молю, мне в том сознанье,
Да исповедую себя!
И да познаю я, Творец мой,
Чего Ты хочешь от меня,
Какой избрать путь наконец мне —
Открой, — стою в потемках я.
О, Господи! прости, помилуй!
Очисти сердце, дух возвысь,
Ум проясни и дай мне силу
Прозреть Твою небесну высь.
Да отрешенный от земного,
Стряхну я тлен земных страстей,
И слова Твоего живого
Прольется свет в душе моей.

***

«Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими; не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзание Ти дам, яко Иуда, но, яко разбойник, исповедаю Тя; помяни мя, Господи, во царствии Твоем».

Твоей таинственной трапезы
Меня причастником прими,
Сын Божий, днесь, я тайн трапезных
Не повещу врагам Твоим;
Не как Иуда дам лобзанье,
Но, как разбойник на кресте,
Души греховной все страданья
Я исповедую Тебе.
Прости, помилуй! о, Спаситель!
Все беззакония мои,
Прими меня в Твою обитель
И в Твоем царстве помяни!

На смерть брата Николая Петровича Вульфа

Сознав всю суетность общественных волнений,
Он, бросив свет, уединенно жил.
Как человек с умом и с чувством, наслаждений
В природе он искал, которую любил.

Любил ее всегда, еще от юных дней,
Когда ему всё в жизни улыбалось,
И в впечатлительной душе его светлей
Одна другой фантазии являлись.

И за ее дары дарами он платил —
Непроходимые болота осушил.
И вместе с ней он любовался,
Когда в траву, в цветы Налудник[1] убирался.

Налудник, как магнит, к себе его тянул,
И сколько разных дум и чувств в него вдохнул.
На нем, по целым дням, в раздумье погруженный,
Он созерцал его, от мира отрешенный.

И если с смертию не всё в нас погибает
И дух его горé, на небесах витает, —
Налудник и теперь ему не опостыл:
Он памятник, он след тому, что брат здесь был.

И не напрасно был. К чему ни прикасался,
Рукою мастера всегда он отличался:
Болото, топь являлися лугами
И дебри дикие — роскошными полями.

И вот уж нет его, Налудника творца…
Налудник же живет. Растет его краса,
Наряд свой каждый год меняет
И каждый год обновой щеголяет.

---

[1] Налудник — самое большое и непроходимое из осушенных им болот.

Утраченные мечты
Романс

Где же, где же вы, мечты ясные?
Не сбываться вам, грезы милые.
В цвете дней моих я утратил вас,
И надежды луч для меня погас.
Дни бесцветные, ночи грустные
Мне осталися, ненавистные!
Что же рвешься ты, сердце бедное?
О любви молчи, безрассудное!
Жар крови моей ты не вынесло,
Пыль страстей моих не осилило.
Засыпай же ты непробудным сном,
Не тревожь меня о несбыточном.

Живой мертвец

В дни былые, дни юности ясной,
Я с мечтами прощался шутя;
Знать, предчувствовал я не напрасно,
Что так рано покинут меня.

Так простите теперь уж серьезно,
Мечты ясные, грезы любви!
Сгублено всё, разбито так грозно, —
Одна месть лишь пылает в крови!

Но не греет тот пламень тлетворный,
Не живет и не ластит души;
Всё сжимает, мертвит он, холодный,
В ночь без сна, в шуме дня и тиши.

Положили живого в могилу;
В гроб стучит неумерший мертвец;
Но не сбить ему крыши, не в силу…
И терновый несет он венец.

Чтоб не встал он, чтоб скрыть и могилу,
Их злодейства и след чтоб сокрыть, —
Призывают нечистую силу
Над могилою той сторожить.

Та нечистая сила — коварство,
Клевета — яд, губящий в конец,
И в столице Москве ее царство,
Злоречит о нем всякий подлец.

А ведь сколько на белом их свете,
И каков же быть должен их гам!
Сколько лжи, сколько яду в навете,
Сколько пищи их злым языкам!

А мертвец? — Он в гробу и мятется,
Тщетно силится ложь обличить;
И вопит он, взывает и рвется,
Клевету чтоб рассеять, сразить!

Но из гроба не слышно ведь слово.
Встать не может несчастный мертвец,
И, прокляв жизнь, вопит он: «Йегова!
Дай скорей Ты один мне конец!»

Моим усопшим

О, тени милые! вы грозно предстаете,
С упреком на челе и с грустию в очах.
«Восстань! — вы молвите, — опомнись!» — и зовете
В обитель горнюю, на встречу в небесах.

И падший во грехах, восстать я порываюсь,
Я силою стряхнуть земных соблазнов рой,
Но ими подавлен, к земле опять склоняюсь
И тише, тише всё звучит ваш зов святой.

О Бог мой! иль навек погиб я в мгле тлетворной,
Ужель не разобью цепей сих никогда?
Пошли ж, о Боже мой, мне силы чудотворной, —
Да рушатся они и да восстану я!

Мои воспоминанья

Над развалинами счастья,
Мной губленного не раз,
Я стою; конца ненастью
Уж не зрит потухший глаз.

Лишь одни воспоминанья —
Ряд ошибок и утрат —
Гложут грудь мою в молчанье…
И на сердце целый ад!

Как в день судный воззовется —
И восстанут из гробов,
Так к былому клич несется,
И оно спешит на зов.

Чтó ни вспомнишь, — всё так глупо,
Всё некстати, всё не так;
И на сердце как-то глухо
Отзовется прежний шаг.
. . . . . .: «о, дурак!»

Чтó ни вспомнишь, — всё, как жало,
В грудь вонзится и замрет!
К сердцу кровь, кипя, привалит
Потом вяло потечет.

Чтó ни вспомнишь, — раздирает!
Кровь и стынет, и кипит!
«Прочь, ехидны! — восклицаешь, —
Где же смерть!» Но смерть молчит.

Так я сам себя терзаю,
В злейших думах о былом;
С настоящим их сближая,
Восклицаю: «По делом!»

Моя поэзия

Обуреваемый страстями,
Мне в небо трудно улетать;
Земными скованный цепями,
Мой дух не властен там витать.

Чтó я пою? Ни тайн загробных,
Ни мыслей о мирах других,
Ни чувств христианина скорбных,
Увы! ведь нет в стихах моих!

Чтó я пою? Творца величье?!
Премудрость дивных Божьих дел?!
Смиренья, кротости приличье?!
Ах, нет! и то не мой удел!

Нет! грешной лиры песнопевец,
Тех звуков я не издаю,
И да простит мне сердцеведец, —
Я песни грешные пою!

Я пел Венеру и Беллону,
И Вакха пел, хотя слегка,
Но днесь пою одну Юнону, —
Лишь месть одна теперь сладка!

Воспел я страсти бушеванья,
Воспел красавиц я с душой.
Громлю же злобы клокотанья
И подлость с низкой клеветой.

Моя будущность

Кто меч поднял и поражает,
Мечом тот будет поражен;
Кто страстен к женщинам, встречает
От женщин и погибель он!

Убит! Лишь труп один остался!
И опозорен, осрамлен!
И вранов рой над мной слетался.
«О враны! я и разорен!»

Так, видно, молодцу приспела
Пора с собою порешить.
Да что́ и жизнь мне? Надоело
Собой других лишь тяготить.

Истерзан я и весь измучен,
И радостей вдали не жду.
Мой путь и страшен так, и скучен,
Зачем же я по нем пойду?!

Что ждет меня? Толпы киченья!
Положим, плюну на нее,
Так как имею убежденье,
Что выше я стою ее.

Потом врагов моих и радость,
И тайной злобы торжество!
Положим, подлая их радость —
Для них же черное пятно.

Потом — везде, во всем, что вздумал,
Мне неудачи предстоят;
Не всё же с бою брать… безумно!
И тяжко всё «ен-дагде» стоять.

Поди, доказывай, что я, мол…

Любовь? Ей боле я не верю, —
На злато ценится она!
Везде расчет и лицемерье;
Женитьба — сделка лишь одна!

А дружба — чистая химера,
Один из двух уже тиран!
Нет! уж верно,
Не буду дважды я болван.

А наконец и в довершенье
Всего исчисленного мной
Дамоклов меч мой — разоренье —
Висит он, грозный, надо мной!

Когда б не это, — постоял бы
Еще я твердо за себя;
Но где же тот, кто руку дал бы,
Чтоб из беды извлечь меня?!

Моя судьба

Нет, на судьбу мне грех роптать, —
Я ей балован был; но в пору.
Три раза не хотел внимать
Ее таинственному зову.

И отвернулася тогда
От дурня гневная судьбина;
Дала толчок ему она —
И пал он в страшную пучину.

И уж не встать из той норы,
Не воротить былого счастья;
Прошли дни радостной поры,
Остались лишь одни ненастья.

Ненастия! Но да кто ж неволит
Презренно жизнь свою влачить?
Себя навеки тот позорит,
Позор кто смог переносить.

«Не *триноносное* же право, —
Так дух однажды мне сказал, —
Тебе на долю ниспослано.
Смирись!»[1] Но я ему не внял.

Но дух не прав: и *триноносно*
Пытался рог меня вознесть;
Но дух гордыни смертоносный
Мной обуял — и счастья несть!

Несть и не будет! Безрассудно
Его мне ждать в четвертый раз,
Когда другим оно так трудно
(И то не всем) дается раз.

На смерть И. В. Капниста

Непостижим Предвечного закон!
Живут… — Капнисты умирают!
Так, тернием, крапивой заглушен,
Цвет сельный, злак полей до время погибает.

Творец! когда уж зло добро так вытесняет,
Что будет наконец с несчастною землей?
Свет тускнет… Мрак сильней, сильнее облегает…
Покроется она предвечной темнотой!

[1] Так однажды отвечал карандаш на один из вопросов.

Мир праху твоему, сановник именитый!
Не без следа ты на земле прешел:
Тропу оставил ты — добра путь неизбитый,
Которым ты так неуклонно шел.

Думы

1

Что . . . . . непонятен
Созвучья мыслей дивный мир —
Понятно то и объясняет,
В чем состоит его кумир.

Тельцу златому поклонившись,
Возможно ль зреть тот яркий свет,
В котором мысли, с чувством слившись,
Несут от неба нам привет.

Он рифмоплетством называет
И блеск ума, и сердца крик:
До чувств его не досягает
Зовущий к небу вещий клик.

И пресмыкаются спокойно
И горделиво люди те;
И думаешь порой невольно:
«Уж не поддался ль я мечте?»

Почто же им во всем удача?
Земное счастье им дано,
А мне в страданьях, сердца плаче,
Дни провести осуждено?!

Но нет! Мечта моя не призрак!
То мне мой разум говорит;
Она во мне — светла как призма —
Как искра Божия горит.

Есть мир другой, есть мир загробный,
Земной же — прах и суета.
Живет богач в свою утробу,
Но миг — и снедь он червяка.

2

Знать, довольно на свете я пожил,
И пора, видно, мне на покой.
Чаша выпита залпом! Так что́ же?
Канитель пускай тянет другой.

Жизнь — борьба: так живи, пока можешь
Ты бороться со злобой людской.
Жизнь — как пир: быть на нем не пригоже
С грустным ликом, с разбитой душой.

Когда нити все порваны жизни,
Не связать уж опять тебе их.
Умирай! Да свершаются тризны,
Да помянешься благ, а не лих.

3

Клювом в сердце бьет орел,
Как летать нет мочи,
И, взглянув на ближний дол,
Он смежает очи.

Царь зверей, могучий лев,
Силу как теряет,
Испустив последний рев,
Тихо умирает.

Старый волк, попав в капкан,
Смерти ожидает.
Буйной шайки атаман
С нею погибает.

Волю, силу потеряв
И попав в трущобу,
Дух мной смерти обуял
И манит ко гробу.

Молитва

Приветствуя твой день рожденья,
Молю я так Творца земли:
«О, Господи! дух обновленья,
Дух жизни Ты в него вдохни!

Да прозрят очи, ухо — слышит,
И сердце в нем да оживет,
Да прозрит он, чтó спесью дышит,
И жизнь иную да поймет!

Да мишурой не ослепляясь,
Прозрит добро он и в сердцах.
Не оболочкою пленяясь,
Не чванством дурака кичась.

Вид важный, но кора на сердце;
Затем нет доступа к нему…

Так, Господи! от ослепленья
Великосветской суеты
Ему пошли Ты исцеленье —
Разбей в нем ложные мечты!»

К ***

. . . . . друг прекрасный,
В прозе я поздравил вас;
Дух убитый мой напрасно
Порывался на Парнас.

Не пирожное печенье —
Мысль в созвучье облекать,
И на свет ваше явленье
Достодолжно воспевать.

Когда дух томим неволей,
Ум подернут пеленой, —
Музе нет тогда приволья
И поэт — как бы немой.

К ***

Вы в день бесплотных сил явились,
В юдоли плача и греха;
Не силы ль те в вас воплотились —
Да ведает о них земля?!

Тогда высокое значенье
Вам от Всевышнего дано:
В любви, в терпении, в смиренье
Вам дни вести присуждено.

Не в той любви, земной и грубой,
Что заповедал нам Аллах,
В любви Христовой — друг о друге,
О братьях, падших во грехах!

Возвысьтесь же, по назначенью,
Страстей земных стряхните гной —
И осенит вас вдохновение,
И мир вы узрите иной!

***

Из-за Москвы-реки, под проливным дождем,
На поезд свадебный смотрю я в умиленьи,
И от души молю: да ниспошлет во всем
На молодых Господь Свое благословенье.

И вот предо мной встает из памяти былого
Тот день, когда и я в Гимена храм вступал…
Влюбленный по уши, полн чувств всего святого,
О счастье, о любви так сладко я мечтал…

Но не сбылись мечты… Два месяца со днями
Я зрел страдания красавицы-жены
И схоронил ее… над морем в стране дальней…
А с ней и все мои мечты погребены.

Я путаюсь с тех пор один и безотрадно,
Кольцо венчальное я снял, чтобы не жгло,
Не растравляло б ран… и от вопросов разных
И собственных укор чтоб то меня спасло.

P. S. Начав за здравие, я свел за упокой;
Прошу в том извинить: фантазия поэта
Не признает ни в чем ничьих прав за собой…
Но счастье молодым молю на многи лета.

И мнится мне, что так и сбудется — приметы
Так говорят: смотрел глаз добрый — вот одна,
Другая в том — шел благодатным дождик летний,
А третья та, что искренна была мольба.

На берегу Москвы-реки,
против Обозной мастерской

Своей невесте Харите Васильевне Мандрыкиной

То не лебедь горделивая,
Колыхаяся, плывет;
Не голубка белокрылая,
Воркотуя, друга ждет.

То она, в красе стыдливой,
Плавной поступью идет,
И меня — о миг счастливый! —
К себе в комнату зовет.

Не свирель переливается,
То умолкнет, то гудит,
Не ручей то разбегается
И по камушкам журчит.

То она, Харита милая,
Томной нежности полна,
Говорит мне, как унылая
Ее молодость текла.

К Бахметьевой

Говорят, она любезна,
Говорлива и мила, —
Исключенье в том, знать, резко
Пало только на меня.

Не отрадно шевелится
Ее сердце, как я с ней;
А, напротив, цепенится,
Нет у ней со мной речей.

Хотя то порой бывает,
Как обхватят чувства вдруг,

Но в глазах тогда сияет
Счастье, радость, не испуг.

То молчание отрадно
И блаженство нам сулит;
Но она молчит бесщадно…
И сурово лишь глядит.

При свиданье, при прощанье
Она ручки не дает;
А при встрече на гулянье
И совсем не узнает.

В болтовне пустой старухи
Меня — можно обвинять?!
То жужжанье зимней мухи,
Так к чему ж так поступать?

Не жених во что б ни стало
И *не homme determine*[1] —
Как та муха прожужжала —
Не таков я, верьте мне.

Я добра лишь вам желаю,
Вы же злом воздали мне;
Но, Бог с вами… забываю…
Будьте счастливы вполне…

К одной имениннице

Желаю я, — и от души, —
Чтоб, в сельской мы живя глуши,
Могли жить мирно и спокойно,
Как то годам нашим пристойно.

---

[1] Ясный (понятный) человек (фр.)

Чтоб раздраженья скрытый яд
Из нас обоих испарился
И добрым чувством чистый взгляд
В обоих нас всегда светился.

К чему, старушка, раздражаться?
И молодым ведь глупо то.
Зачем всечасно обижаться,
И часто из-за ничего?

Ужель казанскую сиротку
Тебе приятно так играть?
Как будто то тебе в охотку, —
Ну, право, надо перестать.

Смерть любовницы Стеньки Разина[1]

Солнце на небе пылает,
Волга тихо воды льет;
По теченью, колыхаясь,
Катер с песнями плывет.

На нем Разин. Он пирует…
С ним сподвижники его…
С ним персьянка… все ликуют:
Поют песни, пьют вино.

Вдруг он встал, сверкнул очами —
Зверски мрачен грозный лик —
(Думой тяжкою томим),

[1] Персиянка, дочь начальника отряда персидских войск, посланных шахом для прекращения разбоев Стеньки Разина по Каспийским берегам, взятая в плен после славной победы, одержанной Разиным над этим отрядом, она по необыкновенной красоте своей была пощажена им от общего убиения всех пленных и сделалась его любовницей. Брат ее, по ней же пощаженный Разиным, был впоследствии посажен им на кол.

Длань простер над казаками
И главой к реке поник.

Смолкли все, на атамана
Взор пытливый обратив;
Держат весла… и стаканы
Опустили, не допив.

«Волга-матушка! — вскричал он, —
Ты взлелеяла меня;
На твоих волнах спознал я
Сладость буйного житья.

И вспоила, и вскормила
Ты, родимая, меня;
В час невзгоды приютила,
В дни побед разгул дала!

Волга-матушка! Премного
Всем доволен я тобой!
Я должник твой до сего дня —
Так прими ж и ты дар мой!»

И, схвативши персиянку,
«Вот мой дар!» — добавил он
И красавицу смуглянку
Бросил, варвар, среди волн.

Крик несчастной, заглушённый
Диким смехом казаков,
Повторился, отражённый
Эхом волжских берегов.

И красы те, что ласкала
Стеньки буйная рука,
В лоно вод своих прияла
С тихим трепетом река!

И уста, что целовали
С страстной негой палача
И порой его смягчали[1],
Вмиг сомкнулись навсегда.

Не дрогнуло солнце в небе,
Не взмутилася река;
И всё тем же тихим бегом
Катер плыл до городка![2]

Только в судрожном веселье
Полилось вино полней,
Только в хора диком пенье
Стенька вскрикивал сильней.

Так погибла на чужбине
Дева — чудо красоты!
Весть о том еще поныне
Слышим в песнях старины.

По поводу трагикомического события — свадьбы одной невесты о семи женихах

Один жид взял его сестру,
Другой жид взял его жену,
Что третий жид возьмет — не знаю,
Но будет третий, полагаю;

И полагаю потому,
Что, как заметно по всему,
То кара неба за грехи —
Обман и дружбы, и любви.

---

[1] Известно, что она начинала уже приобретать над ним влияние, что и было между прочим причиною ропота между казаками.
[2] Астрахани. В бытность свою в этом городе учинил Разин эту чудовищную прогулку.

И на него, взамен бесов,
Ниспослана толпа жидов.
От них он казнь свою приемлет,
И до тех пор, пока не съемлет[1]
Раскаяньем своих грехов,
Он будет мучим от жидов.

Вот почему и говорю,
Что, третьего жида я зрю.
И дай-то Бог, лишь был бы третий,
А не тридцатый, тридцать третий.

Раскаяньем!.. Бог с ней, с половинной…
Лишь бы в душе сознался винным
И, по внушенью своему,
Загладил он свою вину.

Но на Руси уж так ведется —
Лежачий враг у нас не бьется…
Прощаю я! На полгреха
Да сбавится его вина.

Александре Дмитриевне Киттары
(В *ответ на письмо* от 20 нояб. 1878 г.)

Хоть над поэтами слегка вы и смеетесь,
Но проза ваша — стих: чего вы ни коснетесь —
Пустяк то, мелочь будь — всё лёгко и игриво,
И так обра́зно, и так просто, мило, живо
Выходит всё у вас — из уст ли милых льется,
Из-под пера ли чувство, мысль наружу рвется.
Тут рифма ни при чем — собрат я вам по лире!
Один огонь нас греет в этом мире.
Так не пускайте ж стрел в хранителей огня:
Пораните вы тем и самоё себя.

---

[1] *В печатном изд.*: снимет. *Ред.*

Из всех различных стрел — сарказма ль, стрел в крови —
Пускайте вы в меня одну стрелу любви.
Стрела чудесна та: не смерть она несет,
А к жизни, к подвигам, к любви святой зовет.

Его высокопр<евосходительст>ву Э. Ив. Тотлебену

Быв родине защитник знаменитый
И другом став царя, не возгордился он;
И русские дела, сановник именитый,
Берет он к сердцу, двигает, не ведая препон!

Эпитафия самому себе. Н. П. В…ф

Не уязвимый светскою молвою,
В самом себе лишь черпаю закон;
Сознанием воздвигнут над толпою,
Лишь звуком сердца потрясен.

Перед светлой заутреней в 1865 г.
своей сестре, после одного разговора
Экспромт

Моя старушка возмутилась,
И уторопленным шажком
Она по комнате кружилась
И думала себе тайком:
Как всё устроить, всё исправить,
Как зло пресечь, добро направить…
Но дума к ней на ум не шла, —
Она *к заутрене* пошла.

***

Встрепенись, оживись
И на свет улыбнись,
Злу людей не дивись,
Гордо с горем борись.

Послания Н. П. Ву…у

Бразды прияв, рукой искусной
Коней усталых оживил,
И путь урочный свой и трудный
Он молча, доблестно свершил.

Былому в память кубок сей,
Мой друг, прими от брата:
В нем да воскреснет милых дней,
Минувших дней утрата.

Былых тех дней, когда делили
Печали, радости вдвоем,
Когда в союзе мы святом
Как бы одною жизнью жили!

***

Весна — пора любви,
Весна — пора мечтаний:
Волнение в крови,
Жар в сердце, пыл желаний.

Кто не утратил их,
Воистину тот молод;
Хотя б лет тридцать злых
И нанесли свой холод.

Но холод тот, друзья,
Лишь разум озаряет:
Пусть бледен ликом я, —
Мой дух не упадает.

Думы

О возрожденье помышляя,
Я сутки так хочу делить:
Часов шесть сна и шесть движенья,
Затем — писать, читать, есть, пить.
Писать иль делом заниматься —
Часа четыре или три;
Читать иль с книгою валяться —
Часа, положим, также три;
Обедать — час; пить чай — по часу
С газетой, книжкою в руках;
А остальные два, три часа
Болтать, иль как велит Аллах:
Вставать — как только лишь проснешься,
Не выжидая срочный час,
И тотчас в воду, окунешься —
И бегло осмотреть зараз:
Работы, скот, коней, собачек;
Сад обежать; потом домой —
Пить чай. Потом…

Мой талисман
(Вечер 11 октября 1851 года)

Я помню вечер, как вдвоем
Мы были в тереме твоем;
«Не вы, я буду вас учить
Тому, как надобно любить», —
Сказала ты, — и речь твоя
На душу сладко мне легла;

Как метеор она блестит,
Мой дух тревожный веселит.

И помню я, как ты дохнула
На пламень свечки и взглянула
На небеса; и как мелькнула
Тогда падучая звезда;
И как ты мило отвечала:
«Вы сами знаете когда» —
На мой вопрос и на желанье,
Мной овладевшее тогда.

И как небесно ты взглянула,
Когда огонь нас озарил,
И снова пальчиком махнула
И снова мрак нас осенил;
И вечер тот, и уст дыханье,
И взор, и пальчик, и слова,
Как талисман, в воспоминанье
Я берегу: в нем власть сильна.

Спокоен я, меня ласкает
Мысль, что судьба над нами есть:
Она свела нас и вещает
Нам вместе счастие обресть.

Нути

В твоих устах и звук простой
Исполнен прелести живой;
И *нути* милое порой
Мне слышится во тьме ночной.

1874 г. 20 марта. Петербург

Мне без низкого поклона
Памятен сей день всегда —
И теперь, на жизни склоне,
Как и в лучшие года;

В те года, когда стыдлива
И сурова и дика,
Ты собой была красива
И сводила всех с ума.

А теперь не те уж годы —
Изменилось с нами всё,
С ними всякие невзгоды,
Даже чувство уж не то.

Не мое, — твое, сестрица,
Я всё тот же, что и был,
И об этом, как мне мнится,
Разговор у нас уж был.

Да, любезная сестрица,
Познай брата своего:
В нем есть искра, хоть вертится
В суетах мира сего.

В нем та искра, та частица
Не всем данного огня,
При котором не затмится
Образ любящих меня.

Я всё помню, я всё знаю,
Хоть и мало говорю;
Хоть и мало обещаю,
Но придет пора — творю.

За пределами усадьбы

Т. А. Ильина

Два архивных документа: И. И. Лажечников – директор гимназии

В данной статье приводятся архивные тексты, которые позволяют судить о личных и профессиональных качествах И. И. Лажечникова в его бытность директором Тверской мужской классической гимназии (1831–1837). Первый документ – это копия с письма Павла Александровича Бакунина директору Тверского музея Августу Казимировичу Жизневскому от 21 октября 1889 г., которая хранится в личном фонде последнего в Государственном архиве Тверской области (ГАТО)[1]. Письмо написано по просьбе А. К. Жизневского, который, как председатель Тверской ученой архивной комиссии, собирал мемуары воспитанников и педагогов Тверской мужской классической гимназии для написания ее истории к юбилейному 1904-му году[2].

Павел Александрович Бакунин (1820–1900), младший брат известного философа-анархиста Михаила Бакунина, в 1835 г. поступил сразу в 4-й класс гимназии и закончил ее в 1839 г. Он отличался философским складом ума, поэтому его письмо содержит тонкие характеристики личностей преподавателей, их манеры поведения, общения с учениками, анализ в целом системы обучения и воспитания. Письмо написано уже в солидном возрасте, поэтому оценки, данные в нем, нам представляются достаточно объективными, проверенными временем. Последние годы жизни Бакунин провел в Крыму, где и был написан данный текст.

Приводим это письмо полностью, поскольку оно хорошо характеризует уровень преподавания и моральную атмосферу, царившую в гимназии во время директорства И. И. Лажечникова. Орфо-

---

[1] ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 499. Л. 1–6 об.

[2] Подробности этого процесса см.: *Воробьева И. Г.* Из истории Тверской мужской гимназии // Стодвадцатипятилетие школы Максимовича : юбил. чтения 6–8 дек. 1995 г. Тверь, 1997. С. 26–27.

графия и синтаксис источника исправлены по современным правилам.

«Копия[1] с письма Павла Александровича Бакунина, получившего в 1860 году[2] золотую медаль при окончании курса в Тверской гимназии.

Высокоуважаемый Август Казимирович!

Вашему Превосходительству угодно было письмом от 4-го октября сего года в числе прочих учеников и воспитанников Тверской гимназии обратиться также и ко мне с предложением сообщить свои воспоминания как о самой гимназии, так и о наставниках, которым вместе со мною и товарищи мои обязаны своим развитием и воспитанием.

Желая по возможности отвечать удовлетворительнее на Ваш вызов, я, прежде всего, должен сознаться по отношению к себе, что я в то время, несмотря на лета свои – мне было тогда при вступлении в гимназию уже 16, а при выходе из неё 19 лет, – был ещё слишком зелен, попросту глуп, чтобы ясно сознавать всё, чем я обязан гимназии, и ещё менее, чтобы быть способным сознательно отмечать всё, что было замечательного и интересного в течение её деятельности и жизни, и потому не взыщите с меня, если моё сообщение окажется крайне недостаточным. Между моими товарищами за время с 1835 по 1839 год своими способностями и сознательною любовью к науке особенное внимание на себя обращали Благовещенский и Шестаков; я не знаю, живы ли они и, если живы, где ныне находятся; не упоминаю о блестящем во всех отношениях, но кратковременном товарище нашем Егоре Ивановиче Барановском[3], который, помнится, из 5-го класса вышел, чтобы поступить в только что открывшуюся тогда школу Правоведения, где он и кончил курс. Вот если б можно было получить воспоминания о

---

[1] Копия сделана, по всей видимости, адресатом письма, директором Тверского музея А. К. Жизневским.

[2] Ошибка мемуариста: П. А. Бакунин окончил Тверскую классическую гимназию в 1839 г.

[3] Барановский Е. И. (1821-1914), в дальнейшем – гражданский губернатор Уфы, Оренбурга, Саратова, активный участник реформы 1861 года; позднее много путешествовал, был агентом Российского общества пароходства и торговли в Мессине. – *Ред.*

гимназии от этих лучших воспитанников её, то я уверен, что их сообщения были бы и полнее, и удовлетворительнее, чем всё то, что я могу припомнить и сообщить.

Когда я с тремя братьями поступил в гимназию, в 4-й класс (в 1835 г.), она пользовалась в Московском округе хорошею славою. Граф Строганов, попечитель округа, обращал на неё особое внимание, и должно сказать по всей справедливости, она была обставлена блестящим образом: не мудрено, что нам, её бывшим воспитанникам, представляется, что мы вступили в неё в её лучшую пору.

Её директором при нас, до 1839 г.[1], был Иван Иванович Лажечников; как школьники мы нередко злоупотребляли его всем известною мягкостью и добротою; мы оказывались не всегда достаточно благовоспитанными; но так как под влиянием Ивана Ивановича в силу его высокой душевной теплоты и образованности всякая грубость была исключена в взаимных отношениях между наставниками и воспитанниками, то невольным образом понемногу и в нас пропадала наша школьная грубость и заменялась более человечным, отчасти романтическим, складом души и ума. Мы искренно любили Ивана Ивановича, его человечное, участливое отношение к нам сделало нас способными оценить достоинства наших лучших наставников и привязаться к ним. Между ними было немало выдающихся личностей, о которых, я уверен, ни один из бывших воспитанников гимназии не вспоминает иначе, как с глубоким уважением, любовью и благодарностью. Упомяну о тех из них, влияние которых отразилось на нас всего сильнее и благодетельнее.

Виккентий Антонович Будревич[2] – учитель математики, он заставил нас полюбить свою науку; мы к нему то и дело бегали на дом, и его уроки [в] гимназии постоянно дополнялись его добавочными уроками на дому, уроками бесплатными и притом выходящими далеко за пределы гимназической программы. Можно сказать, мы влюблялись в математику, до того пленял нас краткий, до

---

[1] Ошибка мемуариста: И. И. Лажечников вышел в отставку 12-го мая 1837 г.

[2] Будревич (Budrewicz) В. А. (1795 — ок. 1850) — товарищ А. Мицкевича по Виленскому ун-ту, филомат, друг М. А. Бакунина; в 1820-х годах встречался с А. С. Пушкиным.

наглядности ясный и притом своеобразно-оригинальный способ (метод) его изложения. Вместе с математикою В.А. Будревич учил нас честности и добросовестности отношения к предмету, который мы изучали, строго различая действительное знание от знания мнимого.

Учитель греческого языка Федор Иванович Шиллинг преподавал свой предмет основательно, толково, весело – так, что его любо было слушать. Он был строг и серьезен, но мы не боялись, но только уважали его; не знать основательно своего урока, ответить на его вопрос каким-либо вздором, каждому из нас казалось бы невыразимо стыдно – просто невозможно. Хотя, сколько мне помнится, он никогда ни с кем не прибегал к наказаниям. И странное дело – мы, всегда склонные к романтике, полюбили при нём греческую грамматику и с ревностью вникали во все её тонкости. Кроме греческой грамматики, от Ф. И. Шиллинга, из его отношений к нам, при его в высшей степени внушительной, полной приличия и достоинства фигуре и осанке, нам невольно передавалось чувство приличия по отношению к другим и собственного достоинства к себе, чрез что из души и поведения нашего само собой устранялось всё недостойное и неприличное. Ф. И. Шиллинг оставил гимназию в 1838 г., когда он поступил инспектором в Рязанскую гимназию[1], на его место учителем греческого языка определился Каэтан Андреевич Коссович[2]. Мы мгновенно сошлись с ним, своей страстью к языковедению он возбудил нас до того, что в последний год нашего пребывания в гимназии мы из-за греческого языка почти покинули все другие предметы и усвоили его до того, что уже читали Гомера совершенно свободно. Вообще, как и сам К. А. Коссович, занимались произведениями греческих авторов до запою, не только днём, но и ночью: это было своего рода горячкою. Влияние и

---

[1] О деятельности Шиллинга в Рязани см.: *Митрофанов А*. Отважная гимназия // Первое сентября. 2002. № 32. – *Ред.*

[2] Коссович Каэтан Андреевич (1815, Полоцк, — 26.1.1883, Петербург), русский востоковед. Позднее преподавал санскрит, авестийский и древнеперсидский языки в Петербургском университете. К. издал первые русские переводы с комментариями ряда произведений и отрывков из санскритской литературы. См. также: *Рогозинников И.* К биографии Коссовича. // Исторический Вестник. 1888. том XXXI.

страсть К. А. Коссовича выходили даже за пределы гимназии: мне известны из моих знакомых некоторые пожилые почтенные дамы, матери взрослых детей, тучные помещицы, которых он прельщал своим красноречием так, что и они принимались за изучение греческих склонений и спряжений. Удивительный был человек: страсть его к греческому, а впоследствии к еврейскому, к зендскому и санскриту, словно вешняя вода, лилась потоком чрез обычную сферу гимназических упражнений и увлекала, уносила всё и всех своим неудержимым жизненным порывом.

Учитель латинского языка в младших классах Афанасий Трофимович Ананьев[1] начальное образование получил в Казанской семинарии, потом прошёл курс, не помню хорошенько, в Казанском или Московском университете. На нём очень было заметно влияние семинарства: он был безжалостно строг, шутить не любил и очень охотно за малейшие провинности прибегал к optima ratio тогдашних духовных училищ. Дети его боялись и не любили, он наводил на них страх своею сухощавою фигурою, проницательным взглядом и семинарскою речью с акцентом на «о». Но мы, старшие, уважали его неутомимое труженичество, за его всегдашнюю готовность объяснить, помочь всякому, кто только в самом деле, не боясь труда, старался преодолеть трудности локаций латинский авторов. Он был по существу не только латинист, но при большой скромности, без малейшей притязательности и филолог с большой эрудицией; мы брали у него уроки на дому, где у него, бывало, так и разгорятся глазки, когда ему приходилось при разъяснении латинского оборота сравнивать его с подобными или им соответствующими в новейших языках. Его объяснения были всегда исполнены интереса: точно вдруг мрак лесной трущобы озарялся ярким лучом света. А. Т. Ананиев любил, чтобы учащиеся учились в самом деле, и таким он охотно и с участием помогал своим знанием, советом и делом. Зато другим, которые учились напоказ и лениво, от него была беда: он им не спускал ничего. Возможностью читать

---

[1] Ананьев А. Т. – в дальнейшем известный лексикограф. Автор и составитель книг: «Полный латинский словарь» (М., 1862), «Сокращенный латинский словарь» (М., 1862), а также «Обозрение латинских словарей и план нового латинско-русского словаря» (М., 1849), «Латинская грамматика» (М., 1867). – *Ред.*

латинских авторов, поэтов и прозаиков, в подлиннике мы обязаны исключительно А. Т. Ананиеву, а вовсе не Никите Владимировичу(?)[1] Владимирскому, по преимуществу нашему учителю, преподававшему в старших классах латинскую премудрость, просодию и поэзию. Он был магистр духовной, кажется Казанской, академии, человек добродушный, тяжелый телом и душою, без всякого образования, уже от самой природы антипод не только латинской, но и всякой вообще поэзии, которая, я уверен, ему никогда и ни в чём – даже и во сне – не снилась.

Из более юных учителей из кандидатов Московского университета полной признательности и уважения заслуживал учитель истории Павел Васильевич Турин. Он читал историю обстоятельно и толково, и хотя его чтение никогда не выходило за пределы гимназического курса, но для нас было очень достаточно и очень занимательно. Мы получили от П. В. Турина полную канву в хронологическом и географическом порядках, с отчетливым размещением по принадлежности всех замечательных событий человеческой истории от древнейших времён до нашего времени. Это знакомство с главнейшими фактами истории, эта, так сказать, её классификация по месту и времени оказалась впоследствии для нас прочным основанием, на котором нам уже не трудно было следить в университете за чтениями Крюкова, Грановского, Крылова, Морошкина и усваивать себе действительное содержание истории. А между тем ещё и поныне не многие разумеют, как существенно необходимо приобретение рамки, которая была бы достаточно широка для вмещения в ней столь огромного содержания, без такой рамки история оказывается не историей, а хаотической путаницей, из которой возникают всякий сумбур, всякие дикие идеи и химеры в виде исторических, фактически утверждаемых выводов. П. В. Турин отличался своим особенно вежливым отношением к ученикам, отношением, не лишённым некоторой иронии, что внушало к нему уважение. Как учитель он был, что называется, partai tement correct[2].

При самом вступлении в гимназию мы сошлись в ней лицом к лицу с учителем русской словесности Кириллом Васильевичем

---

[1] Знак вопроса стоит в документе. Ошибка мемуариста: Владимирский Никита Никитич.

[2] *Искаж. фр.* – талантлив в общении.

Смирновым, который прослыл уже прежде страшным тираном и грозою несчастных гимназистов, попадавших к нему (иногда ни за что ни про что) в переделку, но с которым мы очень скоро освоились и, не найдя в нём ничего ужасного, от всей души полюбили его. Он был, в самом деле, очень хороший человек, вполне русский и притом по нраву и обычаю – старого закала русский студент. Глупость, неразвитость, сердечная тупость мальчиков, с которыми ему приходилось иметь дело, нередко раздражали его, и с ними в нём не всегда хватало должного терпения. Рутины он не любил и потому нередко не знал, как учить этих глупых ребят, которые и глупы, и ленивы, ничего не понимают, да и понимать не желают. Но как скоро он в ком-нибудь из них подмечал живую душу, он тотчас же воспламенялся сам и оказывался живым участливым человеком, готовым вместе и учиться, и смеяться, и даже пускаться в шалости. К своему делу он относился несколько небрежно, неровно, иногда с усердием, иногда лениво. Но был отзывчив на всё доброе. Если мы что знаем по образцу и по духу русской речи, то этим мы обязаны ему. Во всяком случае, он был несравненно полезнее Троицкого, который, кажется, уже в 1839 году заменил его в преподавании русской словесности.

Пред нашим выходом из гимназии вместо И. И. Лажечникова её директором назначен был Н. М. Коншин[1]: с ним пошли новые порядки, и особенное внимание было обращено на дисциплинарную выправку, а учение отошло на задний план. Блестящая пора гимназии прошла, впрочем, об этой новой эпохе её я знаю не лично, а только по слухам.

Вот и всё, что я могу сообщить из моих воспоминаний о гимназии за то время, как я состоял её воспитанником. Думаю, что я не ошибаюсь, полагая, что такой состав наставников, какими тверская гимназия по праву гордилась, был идеальный, очень редко осуществляемый состав, лучше которого едва ли можно желать.

Примите уверение в высоком почтении, с которым имею честь быть Вашего Превосходительства покорным слугою Павел Бакунин.

21-го октября 1889 года. Ялта, Чукурлар».

---

[1] См. о нем: Лажечников. 2. С. 100-109.

Из данного текста вытекают характеристики И. И. Лажечникова как интеллигентного человека с добрым и мягким характером, хорошего педагога и администратора, сумевшего поставить дело образования молодого поколения «блестящим образом». Образ Лажечникова-человека, нарисованный П. А. Бакуниным, вполне традиционен и совпадает со множеством мемуарных свидетельств[1].

О Лажечникове как педагоге и администраторе, к сожалению, сохранилось немного источников, и тем важнее представленный архивный документ.

Судя по монографии Д. Крылова «Столетие Тверской мужской гимназии» (Тверь, 1904), Лажечников действительно в должности руководителя сделал немало. Уже в 1831 г. он вывел из тесного здания гимназии уездное училище, приобретя для него отдельный дом, частично на свои деньги.

Для того чтобы представить учебно-воспитательное состояние гимназии, когда сюда приехал Лажечников, достаточно прочитать стихотворение А. Е. Измайлова «Программа экзамена для тверской гимназии»[2], датируемое 1827 г. Сам Лажечников дал яркие образы некоторых гимназических учителей в своей работе «Заметки для биографии Белинского». Педагоги довольно небрежно относились к своим обязанностям, считали, что для хорошего преподавания «стоило только взять любое руководство, задавать из него уроки, отмечать их карандашом, или, что дешевле, ногтем, спрашивать эти уроки слово в слово или возлагать эту обязанность на старших учеников, за незнание ставить детей на колени, а иногда попросту высечь их»[3]. Хуже всего было взяточничество, наушничество, мелочность, чего Лажечников не терпел: «Учители беспрестанно занимались в ней (гимназии. – Т. И.) сутяжничеством и доносами

---

[1] См., например: *Пассек Т. П.* Из дальних лет: воспоминания. Т. 2. М., 1963; *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 300–302; *Жизневский А. К.* Памяти И. И. Лажечникова. Тверь, 1895; *Белинский В. Г.* Письмо М. М. Попову от 30 апреля 1830 г. // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : [в 13 т.]. М., 1956. Т 11. С. 35–37.

[2] См..: Тверские поэты, современники Пушкина / Сост., ред. текстов и прим. М. В. Строганова. Тверь, 1999. С. 53–54.

[3] *Лажечников И. И.* Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М., 1991. С. 427.

друг на друга, вмешательством в самую мелкую экономию заведения <…> Каково было мне возиться с этими господами, особенно с теми, которые имели сватов, кумов и покровителей в Москве!»[1]

Крылов пишет, что с самого начала «особенное внимание Лажечникова было обращено на водворение дисциплины среди служащих, и этого ему, по-видимому, удалось достигнуть очень скоро»[2]. Как конкретно директор наводил порядок, известно мало, в частности то, что он просматривал письменные работы учеников и выносил свои замечания преподавателю. Например, за плохо проверяемые письменные работы воспитанников по русской словесности было сделано замечание учителю К. В. Смирнову, что сообразуется с той характеристикой, которую дает этому педагогу П. А. Бакунин («К своему делу он относился несколько небрежно, неровно, иногда с усердием, иногда лениво».) Лажечников борется и за ученическую дисциплину, введя для этих целей должность дежурного учителя для наблюдения за гимназистами во время занятий. Он пытается изменить расписание уроков, чтобы учеба заканчивалась пораньше, и ученикам не надо было возвращаться домой в темное время суток. Директор сумел привлечь к делу образования и воспитания родителей гимназистов, предложив им каждый месяц просматривать в канцелярии учебные ведомости. Он привел в порядок фундаментальную библиотеку, увеличил количество часов на преподавание тех предметов, которые гимназистам давались с трудом. Лажечников активно включился в дискуссию по поводу введения в программу греческого языка – он считал, что его изучение должно быть выборочным – только теми учениками, кто серьезно интересуется филологией или хочет продолжить обучение в университете. Более важным он считал углубленное изучение математики и французского языка, введение юриспруденции и судопроизводства.

В целом, именно И. И. Лажечников реформировал тверскую гимназию в соответствии с уставом 1828 г. и сделал это добросовестно и хорошо. О качестве его работы в должности директора свидетельствует и представленный архивный документ, и другие эм-

---

[1] Там же.

[2] *Крылов Д.* Столетие Тверской мужской гимназии (1804–2 февраля 1904 г.) : Ист. зап. Тверь : Тип. губ. правл., 1904. С. 106.

пирические источники. Так, например, о повышении авторитета гимназии среди тверитян говорит сухая статистика: в 1830 г. в гимназии было 79 учеников, в 1834 – уже 124[1]. Осенью 1828 г. проф. Павловым была проведена ревизия, «которая, по-видимому, была неблагоприятна для гимназии»[2]. В 1834 г. гимназия была осмотрена профессором Московского университета Н. И. Надеждиным, который вынес высокую оценку ее работе, особенно отметив директора и представив его кандидатуру к награждению[3]. В марте 1837 г. гимназию ревизовал сам попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов, который 25 мая этого же года, уведомляя Лажечникова об отставке, обращался к совету гимназии: «Долгом считаю благодарить г. г. членов оного и прочих учителей за порядок, устройство и хороший состав учебной части, найденный мною при последней визитации»[4]. Наконец, плодотворную работу Лажечникова отмечал и тверской губернатор А. П. Толстой, который писал в отчете, что со времени вступления Лажечникова в должность директора гимназии и народных училищ «состояние учебных заведений улучшается, жители более приобретают доверенности к учащим, и дворяне Тверской губернии охотнее отпускают детей своих в гимназию»[5].

Доказательством тому, что И. И. Лажечников, как порядочный человек, не терпел наушничества и доносительства, является еще один архивный документ, в котором представлен донос учителя математики Д. Небабы[6] на своего коллегу В. Будревича[7].

---

[1] Там же. С. 102, 131.
[2] Там же. С. 95.
[3] См. : Там же. С. 136.
[4] Там же. С. 155.
[5] Там же. С. 155–156.
[6] Судьба Д. В. Небабы отражена в «Былом и думах» Герцена. Небаба и Герцен были соредакторами неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей». О самоубийстве Небабы см. также: *Фролов Н.* Александр Герцен – редактор губернского официоза // Эхо недели – 33 (Владимир). 2009. № 3 (514); *Захаров А.* Историческая записка о Владимирской губернской гимназии. Владимир, 1909. – *Ред.*
[7] ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 836. Л. 1–2.

«Дело о сделанном извете учителем Небабою о вредном будто бы преподавании учителя Будревича

№ 1060 получ. 20 дек. 1833

Его высокоблагородию господину директору училищ Тверской губернии Ивану Ивановичу Лажечникову
старшего учителя Небабы

Рапорт

На испытании, ныне произведенном ученикам гимназии, встретил я снова тоже себе недоумение, о котором вам уже несколько раз говорил.

Мне кажется, что преподавание г-на Будревича не только что не имеет надлежащей методы, основательности и порядка в изложении сведений, но даже механизмом своим и нелепою номенклатурой оказывается вредным для учащихся.

Быть может, я ошибаюсь и, говоря сие не в пользу г-на Будревича, знаю, что и самого себя подвергаю ответственности; однако ж, полагая в предмете сем неоспоримую важность, имею честь представить себе его на благорассмотрение Ваше, исполняя свой долг.

Старший учитель Димитрий Небаба.

1833 года
Декабря 20 дня
Тверь

[Черновик ответа, написанный рукою И.И. Лажечникова]

Г. Небабе января 17-го 1834.

На рапорт ваш от 20 дек. 1833 года даю вам знать, что [нрзб.] [если потом потребуется?] метод преподавания г. Будревича, то я не могу [ревизовать, разобрать?] его сам собою; но представлю его на разрешение г. визитатора от университета, который в [нрзб.] время [должен ?] прибыть в Тверь».

Ответ Лажечникова написан очень неразборчиво, но суть его понятна. В данном документе содержательна даже дата черновика ответа, который написан почти через месяц после получения доноса – видимо, очень не хотелось Ивану Ивановичу отвечать на такие письма!

Чтобы завершить тему, позволю себе привести достаточно обширную цитату из воспоминания бывшего ученика Кашинского училища И. Рогозинникова[1], которая ярко характеризует И. И. Лажечникова и как директора народных училищ. Насколько известно автору статьи, это единственное мемуарное свидетельство о писателе в роли ревизора уездного училища. Воспоминание относится к 1834 г.

Лажечников «ежегодно обозревал уездные и приходские училища вверенной ему гимназии <…> в один морозный декабрьский день, часов около 9-ти утра, сидя в своем первом классе, вдруг мы видим: отворилась дверь, входит в комнату красиво одетый по-зимнему, небольшого роста, пожилой человек. Учитель русского языка <…> дал нам знак встать, а между тем к услугам прибывшего гостя явился училищный сторож, почтительно снявший с него шубу, теплый шарф и высокие, на меху сапоги, заменявшие калоши <…> по очаровательно-живому, теплому и свободному обращению его к нам «здравствуйте, дети» догадались, что, должно быть, это и есть директор, приезда которого, как мы слышали, учители давно уже ждали <…> Ревизия учебного дела совершалась быстро, занимательно, оживленно и поощрительно. Учители все были на лицо, и каждый по своему предмету в разных классах должен был показать директору плоды своего преподавания. Как теперь вижу – веселое, приветливое, ободряющее детей лицо Ивана Ивановича и слышу сладкую, согревающую сердце, речь его <…> У всех нас на душе было как-то особенно отрадно. По безотчетному сердечному чувству мы видели в директоре чадолюбивого отца, обращающегося ласково, с видимым удовольствием выслушивающего наши слабые сведения и поощряющего то взглядом, то отзывом проявление первых детских успехов в учении <…> Радость наша была невыразима, когда мы узнали, что, кончив ревизию, ди-

---

[1] Рогозинников Илья Ильич (1826–1893) – писатель, директор Шуйской гимназии, его перу принадлежат литературоведческие и педагогические работы, например: «Речь в день воспоминания столетия рождения Карамзина» (Ярославль, 1867), «Значение баснописца Крылова в русской жизни и литературе» (Ярославль, 1868), «О причинах успешности в учении и благонравии» (Шуя, 1883). О нем см.: *Головщиков К. Д.* Илья Ильич Рогозинников: биобиблиогр. очерк. Тверь, 1894.

ректор приказал выдать в награду каждому хорошо при нем отвечавшему ученику по одному экземпляру из отдела разных учебников, относящихся к курсу уездного училища; обычные надписания на этих книжках: «за благонравие, прилежание и успехи» были скреплены собственноручною его подписью. Это для учеников первого класса была еще первая в жизни награда, и тем более дорогая, что явилась неожиданною, не в обычный срок, т. е. в конце учебного года на публичном акте, а при исходе лишь первого полугодия»[1].

[1] *Рогозинников И.* Воспоминание об Иване Ивановиче Лажечникове // Древняя и новая Россия. 1880. № 4. С. 792–796.

Е. Н. Строганова

«Лучший человек» Дмитрий Семенович Ржевский (к истории Тверской гимназии)

Тверская история знает немало имен достойных людей, которые в разные годы руководили постановкой учебного дела в губернии, совмещая должности директора училищ и директора гимназии[1]. Среди них были и литераторы – Иван Иванович Лажечников (1831–1837) и Николай Михайлович Коншин (1837–1849). В 1854–1860 гг. в этой роли оказался человек, также причастный к литературе, – бывший московский цензор Дмитрий Семенович Ржевский, о котором мы располагаем весьма скудными и разрозненными сведениями. Алексей Михайлович Унковский, тверской губернский предводитель дворянства, который во второй половине 1850-х гг. возглавил движение дворянской оппозиции, писал о Ржевском как о «лучшем человеке того времени в Твери»[2]. Эта характеристика побуждает с особым вниманием отнестись к той информации, которую удалось найти в печатных и архивных источниках.

Ржевский происходил из дворян Рязанской губернии, но время его рождения требует уточнения. Печатные источники, где упоминается имя Ржевского, датируют его рождение 1810 г.[3] Однако в

---

[1] Должность директора народных училищ была учреждена в России в 1786 г. и до 1864 г. совмещалась с должностью директора гимназии (Государственный архив Калининской области. Путеводитель / Отв. ред. М. А. Ильин. Калинин, 1960. С. 119). Подробный очерк истории Тверской гимназии см.: *Крылов Д.* Столетие Тверской мужской гимназии (1804 – 2 февраля 1904 г.). Исторические записки. Тверь: Тип. Губернского правления, 1904.

[2] Цит. по: *Джаншиев Гр.* А. М. Унковский и освобождение крестьян. Историко-биографические справки. – М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. С. 139.

[3] Такова наиболее полная информация о служебной деятельности Ржевского, которая приведена: *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г.* Цензоры

формулярном списке, который хранится в Государственном архиве Тверской области, вполне определенно значится, что в декабре 1859 г., когда составлялся формуляр, Ржевскому 42 года, следовательно, родился он в 1817 г.[1] Формулярный список дает достаточно полное представление об образовании и служебной деятельности Ржевского. В 1838 г. он окончил Московский университет со степенью действительного студента. Тогда же поступил на службу в канцелярию главноуправляющего Закавказским краем, спустя два года был перемещен в дипломатическую канцелярию и причислен к Министерству иностранных дел. В 1843 г. он переезжает в Петербург и, оставаясь в ведомстве Министерства, с 1845 г. занимает должность второго секретаря канцелярии. В 1846 г. Ржевского направляют в Лондон с дипломатическим заданием, успешное выполнение которого он получил свою первую награду – орден Нидерландского Льва. В 1849 г. Ржевский был переведен в Московский главный архив и переехал в Москву, в связи с женитьбой на Наталье Сергеевне Фонвизиной, внучатой племяннице драматурга, дочери действительного статского советника Сергея Павловича Фонвизина и Варвары Александровны, урожденной Давыдовой[2]. С 29 ноября 1850 по 9 ноября 1854 г. состоял в должности цензора Московского цензурного комитета (ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 3500. Л. 2 об. – 7 об.).

Москвы: 1804–1917 (Аннотированный список) // НЛО. 2000. № 44. С. 428. Лаконичную справку о Ржевском см. также: *Мезьер А. В.* Словарь русских цензоров: материалы к библиографии по истории русской цензуры. – М.: ГПИБ, 2000. С 97 (здесь он назван сотрудником «Московских ведомостей», но эта информация требует уточнения).

[1] Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 3500. Л. 2 об. Далее отсылки к архивным документам приводятся в тексте с указанием архивохранилища, номера фонда, описи, единицы хранения и листа.

[2] Впоследствии – предводитель дворянства Клинского уезда // [Электронный ресурс:] http://www.russianfamily.ru/f/fonvizin.html. По словам П. В. Долгорукова, С. П. Фонвизин до конца своих дней был главой тайной московской масонской ложи (*Долгоруков Петр Владимирович*. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867 / Собрал и приготовил к печати П. Е. Щеглов. Дополнил и снабдил введением, и примечаниями С. В. Вахрушин. М.: Кооперат. изд-во «Север», 1934. С. 327).

Службу в цензурном комитете Ржевский оставил не по своей воле и не по своей воле покинул Москву, где дом его был хорошо известен[1]. Здесь бывали многие известные лица, в том числе литераторы, однажды Ржевских посетил и сам Гоголь[2]. Поэт Н.Ф. Щербина именно близостью с Ржевским, цензуровавшим «Москвитянин», объяснял свое сотрудничество в этом журнале: «Я печатался в “Москвитянине” *единственно только потому*, что мне неудобно было печататься в петербургских журналах за отсутствием моим в Петербурге, что в “Москвитянине” я был сам лично корректором и редактором своих стихотворений, не позволял печатать испорченного или неудачного своего стихотворения и лично бывал у цензора, когда они цензировались…»[3] Атмосферу дома определяла его хозяйка, которая обладала «приятным голосом» и «сама писала прекрасные музыкальные вещи»[4], к тому же славилась «исключительным умом». Остроумие Натальи Сергеевны носило подчас рискованный характер, и одна из шуток, донесенных до начальника московской жандармерии, даже стала «причиной неприятностей» для ее мужа[5].

Сохранившиеся сведения о цензорской деятельности Ржевского в некоторой степени дают представление о том, каковы были его установки и предпочтения, как, например, в случае с романом Е. П. Ростопчиной «Счастливая женщина»[6]. Писательница, предвидя возможные затруднения, перед отправкой текста просила редактора журнала М. П. Погодина объяснить цензору, что роман «крайне

---

[1] Ржевские занимали большую квартиру в доме Дружинина, близ Сухаревой башни (*Соколова А. И.* Встречи и знакомства // Исторический вестник. 1911. Т. 123. Январь. С. 109).

[2] *Соколова А. И.* Указ. соч. С. 107–108.

[3] Цит. по: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л.: Наука, 1980. С. 171 (письмо Н. Ф. Щербины к Н. Д. Хвощинской от 19 августа 1853 г.).

[4] Известны романсы Н.С. Ржевской на слова А.В. Кольцова («Моя юность цвела»), И.С. Никитина («Песня бобыля»), Н.А. Некрасова («Прости») и др., ноты которых печатались в 1867–1889 гг.; ноты романса «Не скажу я тебе» были изданы даже в 1923 г. ([Электронный ресурс:] http://aleph.rsl.ru/F).

[5] *Соколова А. И.* Указ. соч. С. 104, 106.

[6] Впервые: Москвитянин. 1851. № 23, 1852. №№ 2, 5, 6.

назидателен, нравствен, морален»[1]. Однако Ржевский этого не увидел и расценил роман как «сомнительный в смысле нравственном и плохой в литературном отношении»[2], с чем согласился и редактор. Ростопчина решительно отказалась внести какие-либо изменения, но роман все же был напечатан благодаря усилиям писательницы, которая, по ее собственным словам, «слетала к цензору, объяснилась, рассказала содержание следующих глав <…> убедила его в *назидательности конца*…»[3] Возможно, свою роль сыграло и вмешательство Л. А. Мея, который сообщал Погодину: «Поехали к графине и прослушали роман <…> Роман оказался (по моему мнению совершенно удобопропускаемый, по мнению Ржевского – пропускаемым за многими исключениями <…>). Что делать?.. во 2-м часу я во всяком случае буду у Ржевского – кто знает? утро вечера мудренее?.. Роман графини вообще очень хорош, местами восхитителен»[4].

В романе Ростопчиной цензора мог насторожить протест против существующих форм брака и той несвободы, в которой оказывалась замужняя женщина, лишенная права изменить свою жизнь. Поведение главной героини Марины Ненской, нарушившей правило двойных гендерных стандартов, с позиций общественной морали не могло не показаться «сомнительным». Совсем иначе Ржевский воспринимал комедии А. Н. Островского, из письма которого к Погодину известно, что цензор «весьма желает» иметь экземпляр «Бедной невесты», изданной отдельной книгой[5].

---

[1] *Барсуков Николай.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. Кн. 11. С. 368.

[2] *Барсуков Николай.* Указ. соч. Кн. 11. С. 369.

[3] *Барсуков Николай.* Указ. соч. Кн. 11. С. 372.

[4] Цит. по: *Ранчин А. М.* История женщины и поэтессы – в романе, повести, комедии // Ростопчина Е. П. Счастливая женщина. Литературные сочинения / Сост., вступ. ст., коммент. А. М. Ранчина. М.: Правда, 1991. С. 9.

[5] *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: В 12 т. М.: Искусство, 1979. Т. 11. С. 46. Следует заметить, что в указателе имен к Д. С. Ржевскому ошибочно отнесены имеющиеся в письмах Островского 1885 г. упоминания о чиновнике министерства императорского двора, действительном статском советнике Ржевском, которого по слухам прочили в начальники московской драматической труппы (см.: *Островский А. Н.* Указ. соч. Т. 12. С. 589).

Однако отзывы цензоров, как правило, определялись не личными пристрастиями, а политическими причинами. Особенно сложной была внутриполитическая ситуация в конце 1840-х – первой половине 1850-х гг. Позже Я. П. Полонский писал о положении литераторов в последние годы правления Николая I: «…цензура разоряла вконец <…> надо было бороться с цензором из-за каждого слова. Получить место я не мог – писатели были в загоне; Щербине советовали не употреблять имя Гегеля и Шеллинга в разговорах: иначе, говорили ему, на вас будут коситься и вы ничего не добьетесь. На Погодина, на Хомякова, Краевского, Самарина были доносы, они тоже были под подозрением, – словом, страшное, тяжелое время я прожил в эти 50-е годы»[1]. Должность цензора предполагала высокую степень личной ответственности, поэтому стремление некоторых из них обезопасить себя доходило порой до абсурда. Известна анекдотическая история о том, как Н. С. Ахматов, цензуруя поваренную книгу Е. А. Авдеевой, «не допустил, чтобы пироги ставились на вольный дух»[2].

Вместе с тем автор современного исследования замечает, что «служебное поведение московских цензоров» отличалось нестандартностью, «отсутствием конъюнктурных устремлений» и что некоторые из них «демонстрировали готовность рисковать своим хорошо оплачиваемым служебным положением ради поддержки литературы»[3]. В числе таких цензоров назван и Д. С. Ржевский, подтверждением чему могут служить периодические нарекания в его адрес. Приведу несколько эпизодов.

В первой половине XIX в. цензура в России находилась в ведении Министерства народного просвещения, в Москве должность председателя цезурного комитета с 1828 г. занимал попечитель

---

[1] Цит. по: *Мушина И. Б.* Поэзия и проза Полонского // ПолонскийЯ. П. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Мушиной. М.: Худож. лит., 1986. С. 10–11 (из письма к А. А. Фету, 1887 г.).

[2] *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1892. С. 370

[3] *Ботова О.О.* Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века (Формирование. Состав. Деятельность). Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2003. С. 28.

учебного округа[1]. 21 ноября 1851 г. министр просвещения П. А. Ширинский-Шихматов «конфиденциально поручил» председателю Московского цензурного комитета В. И. Назимову сделать внушение цензору Ржевскому за публикацию в «Москвитянине» «Колыбельной песни» Некрасова, которая первоначально была напечатана в «Московском сборнике» 1846 г. и «подверглась порицанию правительства». При этом министр замечал: «Хотя о сем обстоятельстве и не было сообщено Московскому цензурному комитету, но, не менее того, цензор Ржевский не мог не заметить крайней неприличности содержания и выражений “Колыбельной песни”, а потому, при нынешних еще более строгих требованиях цензуры, никак не должен был допустить оного к печати»[2]. О сделанном ему внушении Ржевский сообщал Погодину: «Сегодня в комитете получена бумага, заключающая выговор мне за пропуск пародии Некрасова “Баюшки-баю”, и потому, почтеннейший Михаил Петрович, не излишне было бы Вам с общего согласия удвоить предосторожность»[3].

В письме от 16 мая 1852 г. министр обращал внимание председателя цензурного комитета на то, что в «Москвитянине» была помещена повесть «Он», обнаруживающая «нелюбовь, непочтение и даже пренебрежение дочери к своим родителям». Министр конфиденциально просил Назимова «сделать цензору Ржевскому замечание за допущение ее в печать»[4].

Ржевский получал замечания и за статьи Погодина, которые по тем или иным причинам признавались неудобными. Одна из таких историй имела отношение к полемике Погодина с Н. С. Тихонравовым, опубликовавшим в «Отечественных записках» статью «Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812 году», где он поместил письма Ростопчина. Погодин выступил с обличением Тихонравова в

---

[1] *Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 411.

[2] Цит. по: *Стасов В. В.* Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. Декабрь. С. 686.

[3] Цит. по: Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова: В 3 т. Т. 1: 1821–1855 / Отв. ред. Б. В. Мельгунов; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Наука, 2006. С. 385 (заметим, что и в тексте *Летописи* и в *Указателе имен* инициалы Ржевского даны ошибочно – «С. Д.»).

[4] *Стасов В. В.* Указ. соч. // Русская старина. 1903. Декабрь. С. 695–696.

том, что о существовании этих писем, подготовленных для напечатания в «Москвитянине», тот узнал от него, но своим путем получил оригиналы и опубликовал их. На защиту Тихонравова выступил негласный комитет, учрежденный в 1848 г. «для постоянного надзора за духом и направлением» печати. Статс-секретарь комитета М. А. Корф обратил внимание нового министра просвещения А. С. Норова на то, что «цензурный устав запрещает пропускать в печать такие сочинения, в которых оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выражениями…»[1] В свою очередь министр предложил председателю Московского цензурного комитета «сделать замечание цензору Ржевскому за одобрение к напечатанию в “Москвитянине” статьи г. Погодина “Два слова о письмах графа Ростопчина”, содержащей в себе выражения, оскорбительные для г. Тихонравова»[2]. Как видим, начальственных нареканий в цензорской практике Ржевского было немало, что в конце концов и привело к его отставке.

А. В. Никитенко в дневнике называет причиной отставки цензоров Ржевского и М. Н. Похвиснева напечатанную в «Москвитянине» (1854. № 12–14) повесть В. Лихачева «Мечтатель», где имелось несколько мест, которые «лучше было бы не пропускать во избежание худшего зла». Он расценил эту ситуацию как «новое горе для литературы», имея в виду те последствия, к которым она должна было привести, – еще большее ужесточение цензурного контроля[3]. Полагаясь на записи Никитенко, А. М. Скабичевский в «Очерках по истории русской цензуры» повторяет информацию, содержащуюся в его дневнике[4].

Повесть «Мечтатель», в которой усмотрели «выходки против гражданской службы» и «против святости брачного союза», действительно «воздвигла цензурную бурю на “Москвитянина”»[5]. Министр Норов выговорил попечителю Назимову и поручил ему

---

[1] *Барсуков Николай*. Указ. соч. Кн. 13. С. 262–265; *Стасов В. В*. Указ. соч. // Русская старина. 1904. Январь. С. 218–219.

[2] Цит. по: *Барсуков Николай*. Указ. соч. С. 265.

[3] *Никитенко А. В*. Записки и дневник (1826–1877). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893. Т. I. С. 570.

[4] *Скабичевский А. М.* Указ. соч. С. 381.

[5] *Барсуков Николай*. Указ. соч. Кн.13. С. 216.

«сделать гг. цензорам московского цензурного комитета строгое внушение, чтобы они, при разрешении к печати сочинений, обращали особенное внимание на дух и направление их, дабы не могло снова произойти столь важного упущения, как в настоящем случае»[1]. Судя по всему, этим дело и ограничилось, потому что следующие книжки журнала – за август и сентябрь (№№ 15–18) – также цензуровал Ржевский[2].

Но в № 18 «Москвитянина» был помещен рассказ «Отрывок из записок почтмейстера»[3], который вызвал особенное негодование министра. 17 октября последовало его обращение к главе Московского цензурного комитета, где уже конкретно было названо имя виновника – надворного советника Ржевского, который пропустил рассказ, содержащий «сатирические выходки против чинов гражданской службы». Посягательство на честь государственных служащих расценивалось как подрыв авторитета власти, а потому считалось недопустимым публиковать литературные произведения, «вредящие уважению, которым должны пользоваться лица, состоящие в государственной службе»[4].

Таким образом, хотя одобрение повести «Мечтатель» и вызвало серьезные нарекания в адрес Ржевского, но непосредственной причиной его отставки явилась публикация другого произведения – рассказа «Отрывок из записок почтмейстера».

Как замечают исследователи истории русской цензуры, увольнения цензоров обычно не имели тяжелых последствий, взыскания со временем снимались и «не влияли на дальнейшее прохождение службы»[5]. Таков случай М. Н. Похвиснева, который был уволен с формулировкой «по состоянию здоровья» 9 ноября 1854 г., одновременно с Ржевским, но уже через год назначен виленским вице-

---

[1] Цит. по: *Барсуков Николай*. Указ. соч. Кн.13. С. 216.

[2] Об изменении ситуации свидетельствует тот факт, что № 19 был подписан уже двумя цензорами – Д. Ржевским и В. Флеровым.

[3] В журнальной публикации не указан автор, но он назван Н. П. Барсуковым – «отставной офицер Раевский» (*Барсуков Николай*. Указ. соч. Кн. 13. С. 217).

[4] Цит. по: *Барсуков Николай*. Указ. соч. Кн. 13. С. 218.

[5] *Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 414.

губернатором[1], а впоследствии занимал еще более значительные посты[2].

Ржевский же был перемещен в Тверь исправляющим должность директора народных училищ Тверской губернии[3], на место недавно умершего генерал-майора И. Н. Извекова[4] (ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2512. Л. 10). Это назначение последовало в день увольнения – 9 ноября, и уже 7 декабря надворный советник Ржевский вступил в новую должность, о чем сообщал начальству. В фонде директора народных училищ Тверской губернии сохранились черновики его донесений:

«11 Декабря 1854

№ 895

Попечителю М<осковского> округа

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что я сего Декабря 7-го дня вступил в исправление должности Директора Училищ Тверской губернии. О состоянии Тверской Гимназии и состоящаго при ней Благород<наго> Пансиона буду иметь честь подробно донести В<ашему> Пр<евосходительству> в непродолжительном времени» (ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2512. Л. 10. Л. 14).

«28 февраля 1855 г.

№ 125

Его Превосходительству Господину
Попечителю Московскаго Учебнаго Округа

В дополнение к донесению моему от 11 Декабря прошлаго 1854 года за № 895 имею честь донести Вашему Превосходительству, что мною принято имущество Благороднаго Пансиона и Тверской

---

[1] М.Н. Похвиснев до начала 1853 г. служил правителем канцелярии попечителя Московского учебного округа В.И. Назимова, по представлению которого получил должность цензора (Дневник М.Н. Похвиснева // Русский архив. 1911. № 2. С. 189–190). В.И. Назимов в 1856 г. был назначен генерал-губернатором в Вильну и, видимо, вновь составил протекцию своему любимцу.

[2] *Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 427.

[3] Директором училищ он был назначен позже – 12 апреля 1856 г. (ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 3550. Л. 7 об.).

[4] См. о нем: *Покровский Вас.* Воспоминания о Тверской гимназии 1848–1855 гг. // *Крылов Д.* Указ. соч. С. 375.

Гимназии, а также и суммы принадлежащия этим казенным заведениям и дела Канцелярии Твер<ской> Дирекции Училищ как решенные, так и текущие, по представленных при сих Вашему Превосходительству отчетам и рапортам чиновников, введении которых находится имущество Твер<ской> Гимназии и Благород<наго> Пансиона» (ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2512. Л. 10. Л. 16).

К этому донесению приложены рапорты чиновников и документы имущественного и финансового характера. Обращает на себя внимание серьезность, с которой Ржевский приступает к новой для него деятельности, и скрупулезность в отношении к казенному имуществу, которое он принимает под свою ответственность.

Надо сказать, что получил он довольно ветхое хозяйство. Гимназия размещалась в старом, мало пригодном для использования здании, в еще худшем состоянии находилось помещение благородного пансиона[1]. Строительство нового здания, начатое еще в 1840-х гг., долгие годы затягивалось по причине нераспорядительности одних лиц и злоупотреблений со стороны других[2]. Ржевский энергично искал выход из неблагоприятной ситуации. В частности он предпринял попытку на то время, пока идет строительство, занять часть пустующего здания путевого дворца под пансион, о чем уведомлял попечителя Московского учебного округа[3].

«3 Мая 1855

№ 257

Г-н Управляющий Удельной Конторою сообщил мне что находящийся в Твери Императорский Дворец, будучи для Удельнаго Ведомства совершенно безполезен, Министерство Уделов желало бы предоставить оный для всякаго почетнаго назначения, могущего представиться в Губернии, Городе. На вопрос мой согласилось ли бы Министерство уступить Дворец для помещения Гимназиче-

---

[1] См.: *Крылов Д.* Указ. соч. С. 36–45.

[2] См.: *Джанжиев Гр.* Указ. соч. С. 137–141 (письмо А. М. Унковского к Г. А. Джаншиеву от 23 апреля 1892 г.). Д. Крылов в своем очерке истории Тверской гимназии обходит все острые вопросы и не упоминает об этих трудностях.

[3] Письмо не содержит обращения, но, судя по тексту, адресовано попечителю. Московского учебного округа. В черновике много исправлений, поэтому привожу тот текст, который может считаться окончательным.

скаго Благороднаго пансиона Г-н Управляющий отвечал что почетнее назначения для такого рода здания и быть не может.

При неудобствах и недостаточности настоящаго помещения как Тверской Гимназии, так и состоящаго при ней Благороднаго Пансиона[1]; – я долгом считаю довести о вышеизложенных обстоятельствах до сведения Вашего превосходительства, – тем более что здание воздвигаемое Дворянством для помещения сих заведений – уже несколько лет нисколько не подвигается вперед, и время окончания его, даже приблизительно определено быть не может» (ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2633. Л. 1 – 1 об.).

Следует подчеркнуть, что именно при Ржевском строительство нового здания гимназии было наконец-то завершено – новоселье произошло в 1859 г. О том, что Ржевский заботился о воспитанниках, свидетельствуют и воспоминания выпускника 1855 г. Василия Ивановича Покровского, в будущем известного статистика. По состоянию здоровья ему пришлось сдавать выпускной экзамен уже после летних вакаций, отдельно от товарищей. Покровский вспоминал, что при выпуске директор «сердечно» попрощался с ним и снабдил «рекомендательным письмом к одному из своих московских знакомых, на случай надобности в приискании уроков» [2].

В Твери, как и в Москве, дом Ржевских стал одним из центров общественной жизни. Постоянно бывал здесь Унковский, который позже вспоминал, что его проект создания банка для выкупа крестьянских наделов неоднократно обсуждался у Ржевского: «Это был симпатичный, хорошо образованный человек; да и жена его была ему под пару»[3]. На таких, по словам Унковского, «собраниях» присутствовали губернатор П. Т. Баранов и жандармский полковник И. М. Симановский, видимо, принадлежавшие к этому кругу. В 1856 г. у Ржевских бывал А.Н. Островский, который приезжал в Тверскую губернию по заданию Морского министерства для изучения жизни верхневолжского населения, связанного с речным промыслом. В его дневнике с апреля по июнь неоднократно встре-

---

[1] На полях: «неудобствах и недостаточно хорошо известно <?> начальству».

[2] *Покровский Вас.* Указ. соч. С. 374.

[3] Записки Алексея Михайловича Унковского / Публикация В. Д. Чернышова // Тверская старина. 1992. № 1. С. 27.

чаются записи о посещении Ржевских и упоминания тех, кого он у них встречал. Кроме Унковского, это учитель Гарусов – «чудак естественный»[1], Козаков – «человек замечательный, хотя тоже чудак», московский знакомый Н. Ф. Щербина. 9 мая 1856 г. Островский читал пьесу «Свои люди – сочтемся» в доме Унковского, где присутствовал также и Ржевский[2].

Ко второй половине 1850-х гг. относится знакомство Ржевских с Салтыковым, приезжавшим в Тверь в 1856, 1858 и 1859 гг.[3] В 1856 г. он был командирован Министерством внутренних дел для знакомства с письменным делопроизводством губернского комитета ополчения, в результате чего выявил серьезные злоупотребления со стороны высших чинов губернии[4].

Отношения Салтыкова с семьей Ржевских, видимо, были достаточно близкими, потому что, задумав купить имение Витенево, в декабре 1861 г. он взял у Натальи Сергеевны деньги в долг сроком на два года[5]. Выплата затянулась, и в 1867 г. он еще оставался должен 2500 руб., о чем 20 декабря писал Унковскому с просьбой содействовать в получении денег, обещанных Некрасовым: «1-го февраля срок для уплаты денег Нат<алье> Серг<еевне>, и мне ужас

---

[1] Гарусов Иван Дмитриевич, младший учитель русской грамматики и истории (с 1849 г.), действительный студент философского факультета Московского университета; до 1853 г. заведовал гимназической фундаментальной библиотекой (*Крылов Д.* Указ. соч. С. 200).

[2] *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: В 12 т. М.: Искусство, 1978. Т. 10. С. 363–373. В записи от 27 апреля 1856 г. Островский неверно называет инициалы Ржевского – «Д. Г.» (возможно, описка или недосмотр публикаторов), что вошло в *Указатель* к собранию сочинений и в некоторые краеведческие издания, некритично повторяющие эту ошибку (*Сысоев Владимир*. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин. Тверь: ЗАО СДЦ «ПРЕСТО», 2004. С. 278).

[3] М. Е. Салтыков и Тверской край. Материалы к летописи / Сост. Е. Н. Строганова // Щедринский сборник. Выпуск 3 / Науч. ред. Е. Н. Строганова. – Тверь: СФК-офис, 2009. С. 275, 279, 280.

[4] *Арсеньев К. К.* Материалы для биографии М. Е. Салтыкова // Полное собрание сочинений М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина). СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1900. Т. 1. С. 58–59.

[5] *Салтыков М. Е.* Собрание сочинений: В 20 т. М.: Худож. лит, 1975. Т. 18-1. С. 326. Скорее всего, произошло это уже не в Твери, а в Москве.

как хотелось бы покончить с этим делом, потому что она, кажется, начинает уже беспокоиться»[1]. Салтыков сумел отдать долг в назначенный срок, так как Некрасов согласился ссудить его деньгами[2].

В Твери Ржевскому пришлось вновь вернуться к цензорским обязанностям: по роду своей службы он являлся цензором неофициальной части «Тверских губернских ведомостей». Один из эпизодов этой деятельности отражен в его переписке с губернатором Барановым. 24 февраля 1858 г. губернатор направил Ржевскому для рассмотрения статью ржевского помещика Кардо-Сысоева «Мысли русского в провинции, вследствие предстоящих общественных реформ». Приводим черновик ответного письма Ржевского:

«2 Апреля 1858 г.

№ 192

М.<илостивый> Г<осударь>

Граф Павел Трофим<ович>

Возвращая у сего[3] статью Г-на Кардо-Сысоева, присланную ко мне Вашим Сиятельством для разсмотрения, имею честь уведомить Вас, М<илостивый> Г<осударь>, что я не нахожу возможным ничего положительнаго сказать об этой статье *в цензурном отношении*, по причине крайне сбивчиваго и темнаго изложения, препятствующаго даже хорошо понять цель и убеждения автора. А так как вопросы обсуживаемые автором в статье этой касаются самых

---

[1] *Салтыков М. Е.* Указ. соч. Т. 18-1. С. 325.

[2] *Салтыков М. Е.* Указ. соч. Т. 18-1. С. 328. Выяснение подробностей жизни Ржевских помогает внести коррективы и в летопись жизни Салтыкова, в данном случае уточнить, что долг он, скорее всего, отдал в Рязани, а не приезжал для этого в Тверь в феврале 1868 г. (М. Е. Салтыков и Тверской край. Материалы к летописи. С. 308).

[3] «У сего» – канцеляризм, синонимичный «при сем». Он встречается и в другом документе – бумаге из канцелярии попечителя Московского учебного округа, где сказано, что она «имеет честь препроводить у сего формулярный список о службе бывшаго ценсора Московскаго Ценсурнаго Комитета, ныне исправляющаго должность Директора Училищ Тверской губернии, надворнаго советника Ржевскаго, присовокупляя, что он, Г. Ржевский, удовлетворен жалованьем по комитету по 9 число минувшаго ноября, как по день перемещения в новую должность Высочайшим Приказом» (ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2512. Л. 15 – 15 об.).

важных государственных предметов, то при невозможности даже себе яснаго отчета о том как понимает их автор, я и не могу принять на себя ответственности в допущении статьи этой к напечатанию.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сият-ва» (ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2932. Л. 2 – 2 об.).

Сама форма отказа поместить в газете невнятную статью, касающуюся «самых важных государственных вопросов», убеждает в серьезности отношения Ржевского к этим вопросам. По его близости к Унковскому, известному своими прокрестьянскими настроениями, можно понять, что Ржевский занимал подобную позицию, чему находим и документальные подтверждения. Н.С. Ржевской принадлежали земли в Бежецком уезде Тверской губернии. Опись ее имения, составленная 6 декабря 1858 г., свидетельствует, что крестьяне находились в относительно неплохих условиях. Они были освобождены от барщины и платили не самый высокий оброк – 10 рублей серебром с мужчины (для средней полосы России обычная сумма 8–12 рублей). Одну из оброчных статей составляла скупка домашней птицы, которую крестьяне отправляли для продажи в Петербург. В графе о местных крестьянских промыслах также значится также значится: «В Петербурге занимаются поденною работою, подвозом по каналам на своих барках песку и прочих материалов для построек и вывозом мусора». Доход крестьянам приносила и продажа сена, цена которого в Бежецке, «по случаю постоянного квартирования кавалерийских полков», доходила до 30 копеек серебром за пуд (ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 5, 9, 2). После реформы земельный вопрос в своих тверских владениях Н. С. Ржевская решила очень оперативно. Уже 25 августа 1861 г. она составила два выкупных договора с крестьянами деревень Крупицы, Давыдцево и Федорцево, которые показывают, что все вопросы по поводу земельных наделов были улажены помещицей полюбовно с крестьянами. При этом Ржевская снизила на треть дополнительный платеж, который полагался ей с крестьян деревень Давыдцево и Федорцево (ГАТО. Ф. 484. Оп. 1. Д. 2770. Л. 13–17).

В 1860 г. по неизвестным причинам Ржевский оставляет службу. 2 апреля он сдал дела временно сменившему его инспектору М. Н. Меншикову и, как можно предполагать, уехал с семьей в Рязанскую губернию, где обосновался в доставшемся ему от матери

имении Власьево в Зарайском уезде. Его племянница Н. П. Волконская (Ржевская) вспоминала: «Когда бабушка делила все свои имения своим детям, она распорядилась так: старший Дмитрий Семенович и мой отец получили Власьево пополам. <…> Дмитрий Семенович все Власьево оставил за собой, а отцу моему за его половину дал 20000. Так как денег у него не было, то он их взял у жены, у Натальи Сергеевны, которая их дала беспрекословно и даже половину Власьева не переписала на свое имя. По бумагам Власьево все числилось Дмитрия Семеновича» [1]. Но прожили там Ржевские недолго. Волконская пишет, что ее отец Петр Семенович затеял строительство нового дома и перевез своих домочадцев – жену, шестерых детей и прислугу – к брату: «Понятно, что Дмитрий Семенович и Наталья Сергеевна посмотрели и еще поступили очень деликатно, уехали сами в Москву, оставили нам... дом…»[2]

Это своеобразное изгнание продолжалось более года, но, видимо, крестьянская реформа и необходимость непосредственного участия в размежевании стимулировали возвращение Ржевских в Рязань. Выбранный мировым посредником в Зарайском уезде, Дмитрий Семенович последовательно отстаивал интересы крестьян. В 1862 г. он поддержал крестьян в их тяжбе с графом Д. А. Толстым, впоследствии обер-прокуром Святейшего Синода и министром народного просвещения. Его жене принадлежало 10000 десятин земли в Зарайском уезде; несмотря на это, Толстые присвоили себе еще и 441, 5 десятин крестьянской земли в селе Вакине и деревне Шушпановой, ухитрившись «отрезать у крестьян наилучшую землю, а взамен предоставить им негодную», к тому же, «вопреки Положению 19 февраля 1861 г., увеличили сумму оброка»[3]. Мировой посредник Ржевский решил жалобу крестьян в их пользу, но Толстой довел дело до суда, в котором интересы крестьян представлял Унковский, писавший впоследствии: «Столкновения с ним

---

[1] Воспоминания Надежды Петровны Волконской (Ржевской) // [Электронный ресурс:] http://hghltd.yandex.net/yandbtm?qtree.

[2] Там же.

[3] См.: *Хотеенков В.* Граф Д. А. Толстой – «лжегосударственный человек» // Высшее образование в России. 1996. № 4. С. 133. Подробное изложение этого конфликта (без упоминания имени Ржевского) см.: Отечественные записки. 1862. № 11. С. 13–23.

не обошлись мне даром»[1]. Толстой сделал все, чтобы лишить Унковского возможности заниматься адвокатской деятельностью.

Для Ржевского его столкновения с Толстым также не обошлись даром: в 1863 г. он был отдан под надзор полиции. Некоторые подробности узнаем из письма рязанской жительницы писательницы Н. Д. Хвощинской. 8 марта 1863 г. она сообщала своей приятельнице О. А. Новиковой: «Ты немного спутала или до тебя дошли не совсем верные вести. Мировой посредник Дмитрий Семенович Ржевский, друг Унковского, не сослан, а только отдан под присмотр полиции (!)». Как можно понять, ближайшей причиной стало доносительство зарайского уездного предводителя Повалишина, который на выборах заявил, что «мировой посредник Ржевский “бунтует крестьян против правительства”». Губернский съезд Повалишина «осрамил и едва не выгнал из залы собрания», но уезд опять избрал его предводителем[2]. Позже Хвощинская напишет по поводу увольнения еще одного из «лучших», по ее словам, людей, что это все работа «графов Толстых»: «За него запретили половину ходатайств за крестьян; за него отдали под присмотр полиции посредника Ржевского, друга Унковского…» (РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 850. Л. 214 об.)[3]. Эта история уже много лет спустя после смерти Ржевского стала причиной того, что сведения о нем были помещены в справочнике «Деятели революционного движения в России»[4], хотя к революционной деятельности он никогда причастен не был.

---

[1] Записки Алексея Михайловича. Унковского. С. 29.

[2] РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 850. Л. 189–191 (далее отсылки к фонду даны в тексте; здесь и далее письма цитируются с соблюдением современных правил орфографии и пунктуации). Пользуюсь случаем поблагодарить профессора Тамперского университета Арью Розенхольм, предоставившую мне копии писем Хвощинской.

[3] Письмо к О. А. Новиковой от 20 ноября 1863 г.

[4] «Ржевский, Дмитрий Семенович, мировой посредник. В 1862 г. привлечен к дознанию в Зарайске (Рязанск. губ.) за принадлежность к кружку “неблагонадежных” людей по обвинению в сочувствии госуд. преступникам и эмигрантам, в хранении запрещенных сочинений и в возбуждении крестьян своего участка против помещиков; был уволен со службы с подчинением негласн. надзору полиции» (Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. I. Ч. II. Шестидесятые годы /

Столкновение с могущественным Толстым отозвалось и после смерти Ржевского, скончавшегося в 1868 г. Снова обратимся к Н. Д. Хвощинской, которая сообщала в письме от 30 сентября (12 октября) 1869 г.: «Здесь недавно был исторический и анекдотический министр просвещения, граф Дмитрий Толстой – *вакинский*. <…> он, в проезд и обозрение, назначил инспектором *всех* училищ (уездных, земских) господина безграмотного и бестолкового, рекомендованного ему таковым же губернатором Болдаревым. Господина он, положим, не знал, но рекомендателя давно знает. Болдарев, не совсем уверенный в существовании в русской азбуке *ятя и фиты*, выразил, что “не знающий по-гречески – не человек!…” и затем – вдвоем с министром порешили выкинуть портрет Белинского из залы гимназии, приказано было гимназистам выйти во двор, выстроиться и провожать министра за ворота на улицу. Гимназист Ржевский, которого отец (покойный) был лично оскорблен Толстым в деле с<ела> Вакина, не пошел в гимназию в день прибытия министра и был за то наказан, как школьник, без обеда. Ему 17 лет. Вот тебе и память о честном отце и прочее» (РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 28–28 об.).

Старший сын Ржевских Сергей (7 мая 1851 – 1914) впоследствии занимал пост Тамбовского (1899–1902) и Рязанского (1904–1905) губернатора[1]; последние годы, видимо, провел в родовом имении Власьеве, где и был похоронен[2]. Кроме него у Ржевских было четыре дочери: Мария (род. 5 апреля 1852), Александра (род. 25 апреля 1853), Евдокия (род. 1 января 1855) и Вера (род. 2 мая 1856), сведениями о судьбе которых мы пока не располагаем (ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 3500. Л. 4).

Сост. А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова. – М.: Изд-во Всесоюзного общества полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. Стб. 249).

[1] От матери он унаследовал музыкальность, о чем вспоминал знавший его по Тамбову М. А. Боратынский: «С Ржевским нас соединяла, главным образом, музыка, так как он был большим любителем и порядочным скрипачом…» (*Боратынский М. А.* Из истории дворянского рода Боратынских / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. М. А. Климкова. Тамбов: ООО «Издательство Юлис», 2007. [Электронный ресурс:] http://hghltd.yandex.net/yandbtm?qtree

[2] [Электронный ресурс:] http://www.r-g-d.ru/R/rjevsky.htm

После смерти Ржевского Наталья Сергеевна оказалась в сложном финансовом положении. По словам Волконской, в Москве Ржевские «жили открыто и не отказывали себе ни в чем»: «Они давали хорошее воспитание своим детям, а Наталья Сергеевна тратила свои деньги на имение мужа, и обратных расписок в удостоверение этого не брала. В конце концов, все имущество оказалось мужнино и детское, а ее ничего». Волконская с возмущением пишет о безобразных выходках своего отца, «злого и несправедливого человека», в том числе и о низости по отношению к Н. С. Ржевской, не раз выручавшей его: «Когда муж умер, то отец мой <…> добился опеки и стали ей выдавать гроши. В это время у нее умерла богатая тетка Пущина, жена декабриста, и все именье этой Пущиной досталось Наталье Сергеевне. Это было триста тысяч. Наталья Сергеевна вышла замуж вторично за бедного студента Гумилина»[1].

О втором муже Натальи Сергеевны – Михаиле Николаевиче Гумилине – можно найти краткую информацию в справочнике «Деятели революционного движения в России», где отмечено его участие в литографировании и расклеивании нелегальных прокламаций «Великорусс», а также в студенческих волнениях в Москве в октябре 1861 г. В 1862 г. он был арестован, «приговорен к двухдневному аресту и к отдаче под надзор полиции на два года»[2]. Исходя из этого, следует предположить, что к моменту женитьбы, которая могла произойти не ранее 1870-х гг., студентом он уже не был.

Наталья Сергеевна закончила свои дни в Рязани, где ей принадлежал дом на углу Садовой и Вознесенской улиц[3]. Она умерла в 1886 г.[4] и была похоронена в Рязанском кремле на кладбище Спа-

---

[1] Воспоминания Н.П. Волконской (Ржевской). Наталья Дмитриевна Пущина, в первом браке Фонвизина, умерла в 1869 г.

[2] Деятели революционного движения в России. Стб. 94.

[3] *Никитин Александр*. Гоголь и рязанцы // [Электронный ресурс:] http://hghltd.yandex.net/yandbtm?qtree.

[4] Указания на дату рождения Н. С. Фонвизиной разнятся: либо 22 февраля 1826 г. ([Электронный ресурс:] http://www.russianfamily.ru/f/fonvizin.html), либо 1831 г. (*Любарский Кассиан.* Рязанский некрополь. Ч. 1-я. Спасский

со-Преображенского монастыря. Могила ее не сохранилась. Дмитрий Сергеевич, как можно предположить, был похоронен в родовом Власьеве. Но это и другие сделанные в статье предположения означают, что возможности для поисков не исчерпаны и наш краткий очерк должен быть дополнен новыми материалами.

мужской монастырь. Рязань: Тип. Братства св. Василия, 1914. [Электронный ресурс:] http://spassmon.narod.ru/nekropol.html).

Р. Г. Назарьян

«Но трудный путь любви служенья Измучил, силы подкосив…» (Иван Лажечников-младший в Самарканде)

Летом нынешнего года литературная общественность России отметила 140-летие со дня смерти известного исторического романиста И. И. Лажечникова. Жизнь этого даровитого писателя, внешне вполне благополучная, отнюдь не была гладкой. Родился он в богатой купеческой семье, получил приличное домашнее образование. Едва отметив свое 20-летие, попал в действующую армию. Принимал участие в баталиях 1813-1815 годов, на материале которых написал и опубликовал «Походные записки русского офицера». Затем перешел на гражданскую службу, последовательно занимая посты директора Пензенской гимназии и народных училищ, вице-губернатора в Твери и Витебске, литературного цензора. И все эти годы чиновничья служба не затмевала в нем литератора – Иван Иванович получил известность в России как автор популярных исторических сочинений.

Однако семейные проблемы вносили в жизнь Лажечникова диссонанс. Первая жена его, Авдотья Алексеевна Шурупова, оказалась бесплодной. Но в 1853 году, отметив незадолго до этого свое 60-летие, Лажечников вступает во второй брак с Марией Ивановной Озеровой. Престарелый писатель продолжает мечтать о детях, но…увы. И лишь через шесть долгих лет этот брачный союз ознаменовался рождением ребенка. А затем еще двух. Вполне естественно, что, подводя итоги прожитой жизни, Иван Иванович хотел обеспечить своих потомков дворянскими привилегиями после собственной смерти.

Не будучи дворянином по происхождению, Лажечников, заботясь о своем позднем потомстве, пожелал облегчить им будущее.

Старшая дочь романиста – Зинаида – родилась в 1859 году, сын Иван появился на свет 30 декабря 1860 года, а еще через два года супруга осчастливила дряхлеющего родителя дочерью Евдокией.

«Лажечников старательно выбирал крестных родителей для своих детей. Крестной матерью обеих дочерей стала их родная тетка (жена родного брата Ивана Ивановича). Писатель хорошо понимал, что его возраст не позволит увидеть своих дочерей замужем, а жена его еще очень молода и неопытна. Поэтому он и выбирает дочерям в крестные матери тетку в надежде, что та позаботится о них.

Для единственного же сына он просит быть крестным отцом графа С. Г. Строганова, который как попечитель Московского университета был начальником Лажечникова по службе в качестве цензора, а при случае мог оказать содействие своему крестнику на самом высоком уровне»[1].

Единственный сын знаменитого исторического романиста – Иван – родился в Москве и был крещен 15 января 1861 г. в московской Георгиевской церкви (бывшем Георгиевском монастыре); восприемниками его были генерал-адъютант, генерал от кавалерии граф Сергей Григорьевич Строганов и Софья Николаевна Лажечникова, дочь брата Ивана Ивановича – Николая[2].

О последних годах жизни писателя, продолжавшего тревожиться за будущее своих малолетних детей, дают некоторое представление его письма. Так, в одном из них, обращенном к влиятельному вельможе, будущему обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву (30 апреля 1869 года), написанном менее чем за два месяца до смерти, И. И. Лажечников вспоминает: «...Первые шесть лет у нас (со второй женой. – *Р. Н.*) не было детей, а теперь их трое: дочь Зенаида, которой скоро 10 лет, сын Иван по 9-му году и меньшая дочь Авдотья семи лет. Пока они доставляют мне отраду в моих невзгодах и при моих недостаточных средствах. Даю им воспитание, какое могу, и не могу пожаловаться на умственные неспособности. Умру, и Бог не оставит их. Хорошо бы, если бы сын в свое время мог попасть в Лицей Цесаревича, учрежденный Катковым[3].

---

[1] См. об этом подробнее в статье М. В. Строганова «Лажечниковы в Тверской губернии».

[2] Государственный архив Тверской области. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 2214. Сведения любезно предоставлены автору статьи М.В. Строгановым.

[3] Основанный М. Н. Катковым (1818-1887) Императорский в память цесаревича Николая лицей в Москве – закрытое высшее учебное заведение для детей дворян и крупной буржуазии в 1868-1917 годах.

Тогда бы он был ближе к надзору матери, а вам известно, как этот надзор нужен в наше время. Но как это сделать? Средств для помещения его в Лицей я не имею (в Петербургские высшие заведения ни я, ни жена не желаем отдавать), а они требуются немалые. Опять скажу, уповаю на милость Божию»[1].

Мы не располагаем достоверными сведениями о дальнейшей судьбе детей писателя, и потому остановимся лишь на последних годах жизни его сына Ивана. Неизвестно, попал ли он в желанный Лицей или сделал иную карьеру, но имеющиеся факты свидетельствуют о том, что Иван Иванович-младший в последнее десятилетие XIX столетия оказался в Туркестане. Обладая, видимо, наследственным литературным даром, он стал публиковать свои небольшие сочинения в местной прессе. В самом начале 1890-х годов он вошел в штат самаркандской городской газеты «Окраина», которую редактировал Н. В. Полторанов. История этого издания довольно любопытна и потому позволю себе рассказать о нем более подробно, ибо судьба Лажечникова-младшего тесно переплелась с этой газетой. Вышеупомянутый Николай Полторанов в 1880-х годах занимал довольно высокую должность «начальника службы пути и зданий» на строительстве Закаспийской военной железной дороги. Имея техническое образование, Николай Владимирович к тому же неплохо владел пером, публикуя свои очерки в различных периодических изданиях. Так, например, в нескольких номерах журнала «Железнодорожное дело» (1885, № 8–11) были напечатаны его «Заметки о Закаспийской железной дороге до Кизил-Арвата». В дальнейшем, в связи с завершением строительства участка дороги и ликвидацией упомянутой должности, Полторанов уволился со службы и перебрался в Самарканд, ставший через несколько лет конечным пунктом этой важной стальной магистрали.

Изучив местный промышленный рынок, он решил обзавестись собственной типографией. Что и было вскоре осуществлено. А затем, вознамерившись уже профессионально заняться журналистикой, Полторанов адресовал властям соответствующее прошение. В ташкентском архиве сохранилось свидетельство канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, гласящее, что «10 августа 1889 года содержатель типографии в г. Самарканде, отставной надвор-

[1] Русское обозрение. 1895. Кн.4. С. 887.

ный советник Николай Полторанов, обратился в главное управление по делам печати с ходатайством о разрешении ему издавать в этом городе, с дозволения предварительной цензуры, под его редакторством по предлагаемой при сем копии программы, ежедневную, кроме послепраздничных дней, газету под названием «Окраина»[1]. В ноябре разрешение было получено, и в январе 1890 года вышел в свет первый номер этой газеты.

Типография и редакция газеты «Окраина» разместились в арендованном помещении на улице Пенджикентской в одном из домов крупнейшего среднеазиатского винодела Д. Л. Филатова. Это была первая частная типография в городе, а газета стала вообще первым частным изданием в Туркестанском крае. Первоначально она выходила ежедневно, а затем лишь два-три раза в неделю. «Окраина» публиковала местные известия и корреспонденции из соседних регионов, театральные рецензии, фельетоны, стихи и очерки, материалы культурно-исторического, экономического и географического характера, официальные сообщения.

За четыре года ее существования в Самарканде в качестве приложения к газете были выпущены 25 оригинальных брошюр. Уже в первый год своего издания детище Н. В. Полторанова удостоилось высокой награды – малой серебряной медали «за типографские и полиграфические работы» – на Туркестанской выставке. В том же, 1890 году, редактор издал в собственной типографии книгу своих очерков о строительстве стальной магистрали под названием «Заметки о Закаспийской железной дороге с 1880 по 1889».

Николай Владимирович стал известной и влиятельной личностью в Самарканде. Ни одно важное мероприятие в городе не обходилось без его участия. Полторанов был не только издателем и редактором, но и активным членом нескольких общественных организаций и бессменным председателем местного общества покровительства животным. Однако, несмотря на это, газета не приносила ожидаемого дохода, и ее издание в условиях провинциального Самарканда оказалось делом непростым и весьма хлопотным.

Не ощущая поддержки местных властей и не имея достаточных материальных средств, редактору и владельцу газеты постепенно приходилось сокращать тираж «Окраины» и периодичность ее вы-

---

[1] ЦГА Уз. Ф. И-1. Оп. 28. Ед. хр. 101. Л. 1.

пуска. А в конце четвертого года издания газеты Полторанов, исчерпав, видимо, свои материальные и моральные возможности, обратился к читателям с сообщением о ее ликвидации и о том, что с 1894 года «Окраина» будет издаваться в Ташкенте «при совершенно новом составе редакции». Взамен ее в Самарканде, извещал он, будет выходить лишь «Листок телеграмм Северного Агентства и объявлений» под редакцией его супруги Антонины Николаевны Полторановой.

В небольшом провинциальном Самарканде в то время остро ощущалось отсутствие подлинной русской интеллигенции, и потому знакомство редактора с талантливым литератором – Иваном Лажечниковым-младшим – вскоре переросло в дружбу. Так Иван Иванович стал штатным сотрудником этой газеты, а затем и ее секретарем. Помимо своих служебных занятий, он успевал сочинять стихи и прозаические произведения, помещая их на страницах издания. Иван Лажечников вел довольно скромный образ жизни: он был одинок, не имел ни побочных доходов, ни собственного жилья, и потому его благополучие было целиком зависимо от газеты и расположения ее издателя. Начинающий писатель и талантливый журналист не был обласкан особым вниманием властей и читающей публики, однако имя его нередко мелькало в газетной периодике.

Вот лишь некоторые характерные сведения о нем, извлеченные из «Окраины». В начале 1890-х годов в азиатском Самарканде появилась модная европейская новинка: чтение с туманными картинами. Действо это еженедельно проводилось по воскресеньям в помещении городского театра, расположенном в парке. Иван Лажечников был постоянным декламатором при демонстрации этих туманных картин и, по отзыву газеты, декламатором «весьма умелым» («Окраина», 11 июня 1893 г.). И потому уже 6 ноября того же года он был избран действительным членом комиссии для устройства этих чтений с туманными картинами («Окраина», № 126). В нескольких номерах газеты была упомянута его фамилия в числе лиц, пожертвовавших деньги на различные благотворительные нужды.

А в одном из номеров издания появилась небольшая заметка об отце и сыне И. И. Лажечниковых, которая гласила: «В наступающем году исполняется 100 лет со дня рождения и 25 лет со дня

смерти писателя 40-х и 50-х годов Ивана Ивановича Лажечникова, автора известных всей читающей России исторических романов «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурман». И. И. Лажечников родился 14 сентября 1794 года, а скончался 26 июня 1869 года. Сын его, Иван Иванович тоже, проживает в городе Самарканде и состоит в числе сотрудников «Окраины» («Окраина», № 138, 8/20 декабря 1893 г.)

В нескольких номерах газеты Иван Лажечников-младший публиковал свои прозаические и поэтические произведения. Его последняя публикация в самаркандском издании была посвящена единомышленнику, старшему другу и кормильцу. Как бы подводя итоги многотрудной деятельности Н. В. Полторанова на посту издателя и редактора газеты, ее секретарь и активный сотрудник опубликовал на страницах «Окраины» (№ 145, 24 декабря 1893 г.) это пространное сочинение, многое говорящее и о самом авторе:

Н. В. Полторанову

Ведомый опытной рукою
Налеты рассекая волн,
Борясь с подводною скалою,
Но вдохновенной цели полн,
Идет корабль и груз богатый
Зерна везет на дальний брег,
Где, голодая, брат на брата
Свершает дерзостный набег.
Придет зерно… На нивах новых
Взойдет обильною жатвой,
И сытый брат, любить готовый,
Вздохнет свободною душой…

Не так ли Вы, борясь в пучине,
Вокруг лишь видя зло одно,
На почву умственной пустыни
Добра Вы кинули зерно…
Пока колосья Вашей нивы
Идеей пользы расцвели,
Созрели, манят горделиво,
Вы мытарств множество прошли…

В ответ правдивому укору,
В ответ пророческим словам
Неслись насмешки и простора
Не обещали люди Вам…

Но знамя истины святое
Самоотверженно неся,
Всех пересмешников главою
Вы были выше… Не прося
Подобострастной лестию пощады…
Вы бою правды были рады…
И в глубину отчизны милой,
До брега царственной Невы
Проникла мысль с окрайн и силой
Смирила дерзкие умы.

И не кидали уж каменья
В ответ на истины призыв,
Но трудный путь любви служенья
Измучил, силы подкосив.
Зато фундамент крепок зданья,
Зерно запало глубоко,
Расчищен путь для пользы, знанья,
Вослед борцу идти легко…

Зато теперь, борец достойный,
Куда бы ни привел Вас рок,
Сказать Вы можете спокойно:
«Я сделал все, что только мог!»…

А когда с 1894 года издание газеты в Самарканде прекратилось и по ряду возникших обстоятельств «Окраина» перебралась в Ташкент, молодой литератор остался без всяких средств существования. Несколько позднее, после отъезда своего покровителя – Н. В. Полторанова – из города, Лажечников испытал подлинный стресс. Не находя себе места в чужом и бездушном обществе, он запил горькую. Болезни, безденежье и полное одиночество подкосили

его. И уже вскоре в одном из российских литературных изданий появился некролог:

«Лажечников Иван Иванович

(1861-1895)

27 мая в самаркандском военном госпитале, вдали от родных, скончался от крупозного воспаления легких и белой горячки, 34 лет от роду, Иван Иванович Лажечников, сын знаменитого историка-романиста. Покойный сотрудничал в самаркандской «Окраине», где помещал свои стихи и стихотворения и некоторое время был секретарем редакции. Иван Лажечников умер в крайней нужде и нищете, всеми покинутый, часто голодавший, проведший не одну ночь под кустами городского парка. А наше апатичное общество равнодушно смотрело, как сгорает этот молодой талант, и не стыдилось теплой участливости к погибающему человеку отделываться пятаками, на которые покойный заливал свое горе» («Новое время», 1895, № 6926).

Естественно, что бездомного нищего, запойного пьяницу, не имевшего ни друзей, ни родственников в Самарканде, скромно похоронили за казенный счет на окраине городского кладбища. Памятных надписей и надгробий на его могиле никто не сооружал, и потому единственной памятью об этом незаурядном человеке остались его грустные, щемящие душу, сочинения, опубликованные на страницах все той же газеты, которые и предлагаются ныне вниманию читателей.

Виды Самарканда конца XIX века

Покровская церковь

Офицерское собрание

Резиденция военного губернатора

Иван Лажечников

Аня-ханша
(из туркестанской жизни)[1]

Это было давно, но время летит так быстро, что его не замечаешь… Аня была маленькой, золотисто-белокудрой девочкой, с умными серо-голубыми глазками, с прозрачно-белым цветом лица, – стройненькая, шаловливая. Никто бы не подумал, что она дочь обыкновенного мастерового, благодаря счастливым случайностям и переезду из захолустных мест России на окраину, разбогатевшего сравнительно с прежним. Взглянув на ее мать и на запивавшего по временам отца, нельзя было понять, каким образом у них могло быть такое стройное, гибкое, породистое во всех отношениях дитя. Игра природы, не больше, но как красиво иногда играет эта природа!

Несмотря на общественное положение ее родителей, Аня была любимицей всего города, а когда в четырнадцать лет ее черты и будущее сложение обрисовались еще более, на нее обратил внимание и хозяин губернии… Хорошенькая Аня стала и его любимицей. Стареющим приятно заботиться о подрастающих.

В это время в городе гостил принятый русскими, видевшими в нем будущего дружественного властелина соседнего пограничного ханства, один довольно красивый, сравнительно освоившийся с европейской цивилизацией, хан. Вежливый, полный восточного достоинства, с гордым взглядом, хан этот, окруженный своей свитой, во всеоружии, на прекрасном коне часто запросто заезжал в мастерские делать необходимые для него заказы.

Однажды заехал он в мастерскую отца Ани. Сделал заказ, пошутил с детьми, таращившими на него свои глазенки, и остановил свой любопытный взор на раскрасневшейся златокудрой красавице Ане. Понравилась она хану. Заметили это и подчиненные его и также засмотрелись на нее. Но Аня, окинув их насмешливым взором, улыбнулась и убежала. Вздохнул хан, улыбнулся также и уехал.

---

[1] Окраина. 1893. № 14-16.

Но зато после, даже за малейшей безделицей, всегда лично являлся в мастерскую и ласково и грустно смотрел на Аню.

Раз как-то приехал хан в то время, когда отец Ани сильно подкутил. Старик, под влиянием вина, бывал, против обыкновенного, болтлив и весел. Он шутил со своим заказчиком, смешил хана и свиту, ласкал свою Аню при них и серьезный будущий властелин полушутя, полустрастно приблизился к Ане и спросил:

– Хочешь быть моей женой?

– Ишь чего захотел, чтоб я Аньку отдал, мою красавицу! Закон такой урус йок.

– А если я крещусь? – спросил страстный хан решительно и серьезно.

– Да она и по вашему-то говорить не умеет…

– Когда любишь, все выучишь, – сказал хан мечтательно. – Любовь говорит и без языка.

И прозвали с тех пор хорошенькую Аню – ханшей.

Прошло несколько лет. Гостивший в России хан действительно сделался законным властителем и, несомненно, в своих гаремах забыл златокудрую Аню. А гибкая, стройная Аня, где она?

Недавно, гуляя в одном из парков, я любовался закатом солнца. Оставшиеся на деревьях осенние листья, освещенные пурпуром заходящего светила, трепетали от легкого ветерка, переливаясь причудливыми красками. В воздухе так славно пахло теплой осенью… Давно уже замечено, что всем нервным и слабогрудым дышится как-то легче, как-то приятнее в теплый, осени, день.

И тут-то вдруг, наслаждаясь воздухом, я увидел стройную, с величавой походкой блондинку и узнал в ней игривую Аню-ханшу. Мы разговорились. Сколько пережито было обоими с того полудетского славного времени. На шаловливую ханшу жизнь тоже наложила свой неумолимый отпечаток. Только губы, особенно верхняя губка, еще, казалось, так и застыла в последней счастливой, детской улыбке, чтобы сохранить воспоминания о бывших радостях навеки.

– Ну-сь, дорогая ханша, позвольте вас так называть, у ваших ли ножек настоящий ваш властелин – муж? Несомненно, что да!...

Ханша немножко помолчала, взглянув на меня своими добрыми, умными глазами и вздохнула. Я поймал этот вздох.

- Значит, нет! Не покорила его под нози! Что-то не верится! Говорят, вы счастливы…

– Кто же вам сказал такую милую истину,- спросила она саркастически, причем ее серо-голубые глаза приняли стальной цвет (признак твердости характера и страстности), а белые зубки сжались, характерно приподняв верхнюю, вечно улыбающуюся губку.

«Occhi notte, capo biondo,
Piu vaga del tutto mondo», –
припоминалась слышанная в Италии поговорка.

– Слухами земля полна, – ответил я. – Нелепыми слухами в большинстве случаев.

– Вы хотите сказать, что я более поглупела с тех пор, как узнала жизнь, встретилась с действительностью! Если я поглупела и озлобилась, то этим обязана я безвыходности положения замужней женщины – положим, не всякой, но такой, как я. Вспомните, чему нас учили… Читать, писать. Вспомните, в каком возрасте выдавали нас замуж. Мне еле минуло шестнадцать… Узнайте, в каком возрасте были наши мужья…Моему мужу тогда было за сорок.

Если вы к этому прибавите десять лет замужества, четверо детей на собственном попечении при ревнивом, болезненном муже, заставляющим, из ревности, шпионить за мною детей, отрывающим у них уважение ко мне как к матери, на каждом шагу чернящим меня, чтобы отбить у меня возможность лично зарабатывать деньги, а в то же время с вечным ропотом его на безденежье, на маленькую офицерскую пенсию, то вы вообразите себе легко картину счастливой семейной жизни.

Он временно уезжал, мне дали место, благодаря хорошему почерку: я могла жить и содержать детей, но он возвратился еще более болезненным и более ревнивым и заставил меня отказаться от работы. Он довел меня до того, что я принуждена была требовать, чтобы разъехаться, взяла ребенка и вот теперь я, слава Богу, свободна и надеюсь работать…Не правда-ли, насколько счастливо разнолетнее супружество!...

Она остановилась, переводя дыхание…Солнце почти уже зашло… Вечерело и становилось холодно.

– Пойдемте пить чай ко мне и поболтаем поболее, – предложила она.

Мы отправились.

– Я занимаю только две комнатки, – говорила, отпирая дверь, ханша.- Но сухо, тепло, а это главное… Не так для меня, как для Володи…Вы его увидите сейчас….

Действительно, навстречу нам выбежал белокурый мальчуган, не богато, но прилично одетый, и, не замечая меня, бросился радостно к матери. Она подняла на руки своего пятилетка и тотчас было заметно насколько они любят друг друга. С сияющим лицом и целуя, она показала его мне. Ребенок немножко сконфузился, но затем оправился… Умненькие глазки матери достались ему в наследство.

Ханша, попросив меня сесть, отправилась снять свою шляпу, а я между тем осматривал небогатую, но чистенькую обстановку комнаты. Можно было сейчас же угадать, что в ней не жил мужчина. Всякая вещь напоминала женщину. Ото всего веяло той уютностью, тем вкусом, которыми обладают лишь женщины. Дайте эту же обстановку мужчине и через день вы не узнаете комнаты. Во всем будет сумбур, бесконечно злящий, но с которым справиться мужчина не сумеет, пока женская рука не приведет всего в порядок.

Я видел аккуратных мужчин, но их шаблонная, строгая, чисто немецкая аккуратность не давала уютности, а, напротив, отталкивала своей прилизанной холодностью.

Ханша вошла… Под пальто, в парке, я видел только край ее серо-сиреневого платья. Сделанное из дешевой фланели, напоминающее скорее капот, перетянутый в талии, без всяких отделок, лишь с слегка приподнятыми плечиками, оно было и просто и эффектно на стройной, в меру полной, высокой фигуре ханши и цвет его чрезвычайно шел к распущенным златокудрым волосам, связанным лентою, к белой коже лица с розовыми от прогулки щеками. Я невольно залюбовался и подумал, чего хотел брюзгливый старик-муж от этого мило-аккуратного, изящного существа. Возвращения своих прежних, молодых сил или, может быть, что жена быстрыми шагами догонит его старость и сделается одинаковой с ним брюзгою…

– Ну, вот, я и в своей маленькой клетке… Вот вам карты, раскладывайте пасьянс, если умеете, или помечтайте о превратностях жизни, а я вас ненадолго оставлю и распоряжусь самоварчиком.

Мне неловко было отказаться от чаю, так как я знал, что и она желает его, неловко было предложить и свои услуги, ибо тотчас же догадался, что хозяйничает она без прислуги. Ханша как будто прочла мои мысли…

– Или вот что, намечтаться вы всегда сумеете, а, как старый знакомый, лучше помогите мне с самоваром, – сказала она так мило и просто, что я тотчас же с радостью согласился и, признаюсь, никогда не пивал такого вкусного чаю и так уютно.

Она рассказала мне не все из своей жизни, но часто по недомолвкам легко узнается нежелаемое и полная картина этой семейной жизни, – тишина которой ежеминутно нарушалась грубостью и истязаниями мужа, завистливо глядящего на ее молодость и красоту при своей хилости, на оказываемое ей, а не ему, благодаря неуживчивому характеру его, даже по службе, обществом уважение, – представилось мне.

Наконец, когда этот муж чувствовал, что средства его недостаточны, он не требовал от жены честной работы, он мешал всячески найти ее, а все-таки не переставал жаловаться на безденежье, как бы намекая на другие, более легкие заработки с ее красотой, более прибыльные, нежели переписка или конторская служба….

– Раз после сильного оскорбления, нанесенного мне,- говорила ханша, – я в истерзанном виде, забывая срам, бежала ночью к своей подруге. И что же, на другой день он явился с полицией, называя меня развратницей и требуя возвращения в дом. На моей стороне было право доказывать его виновность и я… я наглядно могла доказать о нанесенном мне оскорблении, но, вы поймете, стыд общественно доказывать поругание надо мною, остановил меня…

Я несколько месяцев взаперти работала как вол, ничего не видя, кроме нашего садика. Я работала и раньше целыми днями, слава Богу, у меня здоровье, но каково работать в присутствии подшучивающего мужа, говорящего: «Вот так, хорошо, госпожа капитанша, так, так…Лучше будете спать и забудете холить свои ручки, моя почаще белье, узнаете, что не даром хлеб кушают». О, это была каторга! Нет, хуже во сто крат! Там люди терпят за преступление, а не за то, что они молоды, а другие стары!...

Я ушел от ханши и долго еще бродил по пустынным улицам города. Под влиянием рассказа мне не хотелось спать. Мне все время

вспоминалось детство, игривая беззаботная Аня и страстное нешуточное предложение хана…

Вернувшись домой, я машинально развернул газету и напал на корреспонденцию из того места, где властвовал Анин хан. Его зверства смущали меня….И подумалось мне: что, если бы в самом деле Аня была ханшей. Сколько добрых советов дала бы она этому хану и, под влиянием умной красавицы Ани, ее просьбами, ее слезами умалялись бы зверства. Я убежден, что любовь, закравшись даже в сердце злодея, под обаянием любимого предмета, может заставить и закоснелого и веровать в добро и следовать ему…

В среде мусульманской, несмотря на затворническую жизнь женщины, напрасно думают, что она не оказывает громадного влияния на мужа и не играет важнейшей роли в семье. Недаром мусульмане так любят детей!...

Что-то будет с Аней-ханшей? Выберется ли она на самостоятельную трудовую дорогу и окрепнет в ней?...

Да, горькая вещь разнолетнее супружество!...

4 января 1893 года

Последнее «Христос Воскресе!»
(пасхальный рассказ)[1]

В одном из небольших, захолустных городков, в приезжем цирке шли спешные приготовления к пасхальному «грандиозному, небывалому экстра-представлению». Выбившийся из сил директор оканчивал дрессировку новых «чистокровных» жеребцов, а по вечерам репетировал всей труппой, при участии нанятых статистов, нелепую пантомиму, которой хотел поразить публику. Толстый, с комичным лицом, клоун, флегматичный в жизни, но бесконечно веселый на арене, мистер Бим-Бом, попросту Прокофьев, репетировал один из труднейших своих номеров: saltemortale через 12 стульев. Маленький сынишка его, толстенький карапуз, любимец всей труппы, Афоня, важно заложив назад ручонки, шагал по арене и, после каждого прыжка своего отца, подставлял ему новый стул.

[1] Окраина. 1893. № 36.

Мистер Бим-Бом на целом свете имел только одну привязанность – своего сынишку. Ради него он сносил все интриги, все недоразумения, которых так много среди завистливых, странствующих ко всем удачам товарища, артистов. После смерти матери Афони, «Женщины-Змеи», как она именовалась на афишах, расшибшейся при падении с трапеции, мистер Бим-Бом перестал пить, что он делал раньше не редко, и всей душой пристрастился к сыну.

Умей он делать что-нибудь другое, кроме своих saltemortale, да комических выходов, он бы с удовольствием променял свое ремесло, где каждую секунду рисковал сломать себе шею. Но что делать! Сын клоуна, он ни к чему другому не был приготовлен отцом, находившим это традиционное ремесло самым достойным, и умершим от белой горячки, успев насладиться первыми дебютами сына, горячо уверенный, что дал сыну, мистеру Бим-Бому, вечный, верный и лучший кусок хлеба…

Афоня только что успел поставить восьмой стул, и мистер Бим-Бом, желая скорей покончить с репетицией, разбежался, прыгнул, перевернулся в воздухе, но от поспешности, не рассчитав пространство, всей своей тяжестью рухнул спиною о высокую спинку стула. Раздался страшный звук, как будто что-то хрустнуло, и мистер Бим-Бом упал на арену без чувств.

С плачем кинулся Афоня к отцу, кинулись другие, но Бим-Бом лежал без сознания, с искаженным от боли лицом… Бросились за доктором, раненого бережно перенесли в уборную. Приехавший доктор констатировал перелом ребер и спинного хребта…

В уборной, освещенной стеклянным фонарем с сальной свечою, метался на тюфяке в бреду безнадежно раненый. В его ногах сидели плачущий сын и сострадательный конюх. С улицы доносился веселый звон колоколов отошедшей пасхальной заутрени. Рассветало. Сквозь ворота конюшни проникал в цирк свет наступающего утра. Колокола звучали все громче, все радостнее. Под эти звуки умирал мистер Бим-Бом…

Вот сознание немножко возвратилось к нему, он раскрыл глаза, хотел приподняться, но невыносимая боль заставила его застонать. Ребенок кинулся к нему, рыдая. Бим-Бом ласково взглянул на своего Афоню, и слезы покатились по его щекам. А колокола все звенели и звенели…

– Христос Воскресе, Афоня! Там, в сундучке, в углу, тебе на яичко. Живи, не будь отцом…

К утру Бим-Бома не стало.

А день был радостный, птички пели весело. Улицы кишели народом. Перед трупом отца сидел сирота Афоня и горько, горько плакал. Подгулявшая труппа утешала его…

Христос Воскресе![1]

«Христос Воскресе!» Помни это слово
И не целуй, насмешливый, уста,
Когда готов ты заключить в оковы,
Коль для тебя любовь одна мечта!

Нет, не мечта любовь, как не мечтанье
Пустое, праздное, весь этот свет…
Он, сам Господь, вложил в миросозданье
Свою любовь, без коей света нет…

Сын Господа нам подтвердил скрижали:
«Чужого не бери и не обидь!»
Страдал, любил, чтоб мы узнали,
Зачем нам жить и для чего любить.

Любите же, друзья, живите для других,
Несите света луч в дремучий лес.
Где было зло, любовь смягчит всех злых.
Пусть будут не слова: «Христос Воскрес!»

Из детских воспоминаний[2]

Помню я личико бледное
На завороте одном,
Платьице девочки бедное,
Кудри под грязным платком.

---

[1] Там же.
[2] Там же.

Помню я жалобу слезную,
Помню испуганный взгляд,
Помню дорогу морозную,
Помню в руках шоколад.
Все я истратил на сладкое,
Пуст был мой детский кошель.
Тепло пальто и с подкладкою
Не пробивала метель!
Помню, вернулся. Тяжелые
Слезы душили меня,
Мучили игры веселые,
Сильно задумался я.
Помню, с какою бы жадностью
Всем поделиться был рад,
И разлюбил я все сладости,
Так и засох шоколад.
Где-то ты, личико бледное,
В омуте жизни сыскала ли труд?
Или обитель надзвездная
Сжалясь, раскрыла приют.

Март 1893 г.

Голгофа
(посвящается Н.Ф.Врублевскому)[1]

«Варавву! Не его… Его распни!» – Пилат,
Душой скорбя, боясь всеобщего восстанья,
При кликах радости, при громе ликованья,
Народу дал Его…»Да будет он распят!»

Путь пылен, каменист. Над жаркою землей
Распластан неба свод безоблачно-свинцовый.
Толпой зевак, рабов и книжников толпой
Преследуем Он шел, за истину готовый
Терзаться на кресте и крест тяжелый нес…

[1] Окраина. 1893. №34.

Казался путь далек под ношею суровой,
Но с каждым шагом, с каждой бранью дух в нем рос!
Он шел на казнь и грань тяжелого креста
Впивалась, жала плечи, но Его уста
Укора не несли. Святое состраданье
Светилося в очах; не личное страданье,
Скорбь за людей покрыла дивный лик.
Он тяжело дышал под ношей, но велик
Казался и врагам, и завистью горя
Они ругалися, притворно насмехаясь
Над участью Его, над прозвищем Царя
И бодрили рабов, к Голгофе приближаясь.

Еще один подъем, но Бого-человек
Едва дыша, споткнулся. Дерзкими пинками
Был поднят вновь, но вопля не изрек,
На казнь Он шел с любви словами.
Вот, наконец, Голгофа – место дикой казни!
Крест Божий снят с Него. Любовными обвел
Очами Он народ, наполненный боязни,
И в руки палачей безропотно пошел…

Свершилось искупленье! Добрые друзья!
О, люди, все, кто правдою живет и дышит:
Враги – ничтожество! Ничтожна злоба вся,
Когда душой мы с Ним и Он нас, дивный, слышит!
О, верьте, милые, придет, идет пора,
В лучах сияющих несет нам воскресенье;
Идея правды, света и добра
Над миром шатр раскинет для спасенья!

Март 1893 г.

Из песен детства[1]

Где года моих утех,
Где ты, где ты, детство,
Где веселый детский смех –,
Чистоты наследство?

Где дракон мой пятиглавый,
Где ты, где ты, бука.
Сказки с виду для забавы,
Жизни в вас наука?

И теперь смеюсь нередко,
Но смеюсь подчас
Над собой, над жизнью едко,
Со слезой у глаз.

И теперь я слышу сказки,
Мало-ль говорят!
Но в них нет ни прежней ласки,
Ни любви, а яд.

***[2]

Ты хочешь знать кой-что о бое,
Шалун, курчавый мальчуган.
Ну, хорошо! Представь: нас двое,
Вот это твой, а то мой стан.

Засели мы, редут построя,
Осады измышляя план.
Мы два врага. Хотим друг другу
Как можно больше досадить,
Такую выкинуть услугу,
Чтоб иль разбить, иль полонить!

---

[1] Окраина. 1893. № 63.
[2] Там же. № 103.

И только солнце под горою
Румяной зорькой занялось,
Ударил барабан наш к бою,
Все всполошилось, понеслось!

Ура! Ура. В одно мгновенье
Врагами ты уж окружен.
Глядишь назад, но нет спасенья!
Что же скажешь ты, Наполеон?!

«Скажу я, дедушка, в ответ:
Грешно вредить исподтишка.
К чему нам драться? Вот рука!»
Ну, брат, победа из побед,
Ты победил ведь старика.

9 сентября 1893 г. Самарканд

Вдали от родины
(из заграничных воспоминаний)[1]

Я лежал на постели разбитый…
Чердака сквозь резные оконца
Видел я заходящее солнце
И лучами залитые ветви…

Пели песни веселые птицы,
На лужайке резвилися дети…
Никогда так не чувствовал я,
Как я беден и сир на сем свете…

Вспоминалось далекое детство,
Вспоминал я родную отчизну…
А на кровле все каркали галки
И, казалось, – справляли мне тризну.

[1] Окраина. 1893. № 126.

Вместо послесловия

А. Ю. Сорочан

Тверской писатель Лажечников (Несколько слов о методологии литературного краеведения)

Оживление интереса к литературному краеведению в последнее время дало не только количественные, но и качественные результаты. Увеличение объема краеведческих исследований потребовало некоторого обобщения, а появление этой дисциплины в школьных и вузовских учебных планах привело к разработке соответствующих пособий. В самое последнее время такие книги вышли в Твери и в Новгороде[1]. Кроме того, появилось первое пособие по методике литературного краеведения[2]. Все это позволяет рассуждать о совершенно новом этапе развития локальных исследований. Однако возникают и новые вопросы, которые пока не получили сколько-нибудь однозначного решения. Один из таких вопросов напрямую связан с именем И. И. Лажечникова.

Естественно, его имя упоминается во всех краеведческих пособиях – как давних, так и новейших. Естественно, в Твери (как и в Коломне, к примеру) Лажечников включается в пантеон местных авторов. И об этом мне уже случалось писать – ведь сочинения проживавшего в провинции Лажечникова воспринимались современниками как нечто «провинциальное», потому в тверском литературном ряду они оказываются вполне уместными[3].

---

[1] Русские писатели и Тверской край: Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов университетов / Под ред. М. В. Строганова и И. А. Трифаженковой. Тверь: Тверской гос.университет, 2009; Новгородский край в русской литературе / Отв. ред. В. А. Кошелев. Великий Новгород, 2009.

[2] *Строганов М. В.* Литературное краеведение: Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов. Тверь: Тверской гос. университет, 2009.

[3] Лажечников 2. С. 180-182

Следует отметить, что творчество Лажечникова получает принципиально разное освещение в литературоведческих и в литературно-краеведческих трудах. Кажется, две методологии вовсе не имеют точек пересечения. А. И. Опульский – автор одной из лучших книг о Лажечникове – практически не пишет о его пребывании в Твери; исследователя заботит творчество, а не биография. Подробности «местной» жизни не привлекают и других биографов Лажечникова, чаще всего они оказываются вне поля зрения литературоведов[1]. Когда А. М. Смирнов-Кутаческий работал над статьей о Лажечникове, он уделил основное внимание текстам, написанным в Твери – прежде всего трагедии «Опричник»[2] (свою роль сыграло и наличие рукописного текста произведения, не прошедшего цензуру). С другой стороны, краеведы, обращаясь к биографии писателя, собственно литературной части не касаются вовсе, либо решительно отделяют биографию от творчества. Примером могут служить две публикации Б. Ершова в газете «Караван+» (Тверь)[3]. И возникает пропасть – между краеведением и литературой. Литературное краеведение не стремится пока эту пропасть заполнить; краеведческий материал если и получает какую-либо трактовку, то не литературоведческую, а культурологическую, причем чаще всего с опорой на факты, понимаемые как набор подробностей «местной» жизни. Тем самым литературное краеведение, сужая собственный материал, лишается интереса и превращается в маргинальную дисциплину. Исследования жизни и творчества писателя ведутся без учета местного материала – а собирание этого материала

---

[1] Начало этой традиции положил еще С. А. Венгеров, который очень кратко охарактеризовал служебную деятельность Лажечникова и гораздо больше внимания уделил восприятию его творчества – от критических статей до поздравлений на юбилее 1869 года.

[2] *Смирнов-Кутаческий А. М.* В поисках художественной правды // Писатели в Калининской области. Тверь, 1941.

[3] Одна из них называется «Иван Лажечников – тверской Вальтер Скотт» (№ 3. 2006) и посвящена раннему творчеству писателя, вторая – «Вице-губернатор Лажечников» (№ 4. 2006) – содержит информацию биографического свойства. Отметим локализацию образа автора в «краеведческих» текстах. Лажечников оказывается «тверским» – что Вальтер Скоттом, что вице-губернатором. И «провинциальность» писателя оказывается ненужно преувеличена.

не ведет к сколько-нибудь масштабным литературоведческим обобщениям[1]. Поэтому следует сказать несколько слов о том, как видится нам методология литературного краеведения и какое влияние на выработку этой методологии могут оказать исследования, связанные с именем Лажечникова.

Именно тверской материал позволяет с особой отчетливостью выявить весь спектр литературно-краеведческих проблем. «Локальный текст» имеет в данном случае давнюю и интересную историю, в которой переплетаются «тверские» сюжеты русской литературы и восприятие окружающей жизни писателями, собственно и проживающими в регионе. Разделить эти составляющие в нашем случае невозможно. Только в синтезе и возможно построение литературно-краеведческой методологии, которая поможет преодолеть разрыв между «местным» и «центральным» пониманием литературного материала, между «региональным» текстом и текстом литературным…

Образ региона в русской культуре действительно занимает огромное место. Первоначально локальное сознание утверждалось в независимых региональных литературах. В XVII-XXI веках, в связи с централизацией социальной и культурной жизни, образ региона, формируемый в литературе, сосуществует с региональными образами, возникающими в творчестве местных литераторов. Необходимо проследить эволюцию этих образов и тем самым продемонстрировать закономерности развития локального текста на одном из самых ярких «провинциальных» примеров – на примере Твери; конкретный анализ приведет к реформированию существующей методологии литературного краеведения.

В системе гуманитарных исследований XX века литературное краеведение занимало маргинальное положение[2]; однако разработ-

---

[1] М. В. Строганов называет основной особенностью краеведения «беспретенциозность» (*Строганов М. В.* Литературное краеведение. Тверь: ТвГУ, 2009. С. 19). Однако абсолютный отказ от «претензий», кажется, не может повести к научно значимым результатам, и таковая констатация сохраняет за этой методологией слабую позицию.

[2] Его, по сути, не коснулась послевоенная реабилитация. В «Справочнике краеведа и путешественника», изданном в 1950 году под редакцией

ка методологии этой дисциплины может способствовать не только существенной разработке историко-литературных проблем, но и изменению гуманитарной картины мира. Описание образа места следует осуществлять с учетом специфики науки о литературе. На основе анализа обширного материала следует раскрывать не историю места, а историю образа места. Тем самым сложность, неоднородность локального текста получит новое, по существу, объяснение.

Проанализировать, как формируется и развивается локальный текст, мы можем на примере хотя бы одного региона. Изучение трансформации образа Твери в «столичной» и «провинциальной» литературе разных эпох как раз и будет той задачей, на которую следует направить литературно-краеведческие усилия.

Образ Твери в литературе до сих пор не описан в исторической перспективе – от региональной литературы средневековья до местной и центральной литературы новейшего времени, от «Жития Михаила Ярославича Тверского» до «Волчьего солнышка» Александра Бушкова. Но в задачу исследования должен входить не только сбор материала, но и принципиально новое его истолкование. Ранее никем не рассматривался вопрос о соотношении образа места в «центральной» и «региональной» литературах. На примере Твери, имеющей богатую литературную историю, представляется уникальная возможность проследить, как меняется образ места в сочинениях «своих» и «чужих» авторов, преодолев ограниченность, доселе свойственную и историкам литературы, и краеведам.

История культуры, как и история литературы, в последнее время чаще ориентируется на концептуальные построения, иллюстрируемые конкретным материалом. Региональные исследования последнего времени тяготеют к новым научным направлениям – провинциаловедение, усадьбоведение[1]. Однако такого рода исследования, как правило, не учитывают специфики художественного осмысления места. Ведь предметом литературного краеведения должна быть не история места или литературы, а история образа места в литературе. Не следует ограничиваться собиранием материала, не-

---

С. В. Обручева, представлены все элементы краеведческой работы – кроме литературного краеведения.

[1] См. об этом в названной выше книге М. В. Строганова.

обходимо его осмысление – а этого литературное краеведение с 1920-х годов всячески избегало. Недостаточно знать, какие писатели бывали или постоянно проживали в том или ином регионе и что они писали об этом регионе. Образ региона складывается в каждый исторический момент из множества разнородных факторов. Огромное значение имеет представление о регионе, возникающее в текстах «чужих» авторов (например, Нестор Кукольник бывал в Твери только проездом, но тверские сюжеты в его творчестве занимают особое место[1]), но для исследователя особый интерес представляет то, как это описание извне соотносится с описанием «изнутри». Авторы, пишущие о Твери в 1830-1860-х годах – это и тверские чиновники (Лажечников, Коншин, Вистенгоф), и путешественники (Якушкин, Мещерский, Слепцов), и столичные профессиональные литераторы, и местные любители. Проследив, как меняется формируемый ими образ места, мы поймем закономерности художественного воплощения региональной тематики.

Тверь с точки зрения литературно-краеведческих исследований представляет особый интерес. С XIII века здесь формируется независимая литература (летописание, повести), позднее происходит поглощение местной литературы центром. Однако традиция очень важна: Тверь долгое время на равных боролась с Москвой, позднее заняла место между двумя столицами, а XIX века стала единственным губернским городом, оказавшимся на дороге между Москвой и Петербургом. Все это не могло не наложить своеобразный отпечаток на образ региона в литературе и искусстве. Материал, с которым приходится работать в рамках литературного краеведения, крайне разнороден и объемен. Однако есть возможность некоторой классификации, существенно способствующей данному типу исследований.

Древнерусская литература дает образец локального текста – литература, которая создается в Твери, отражает потребности региона; образ места в ней является центральным; именно на него опираются и другие средневековые авторы, пишущие о Твери. Позднее, в эпоху московского владычества, этот образ отходит на пери-

---

[1] См. об этом: *Сорочан А. Ю.* Мотивировка в русском историческом романе 18301-840- годов. Тверь, 2002. С. 70-72, 102-103.

ферию и формируется извне – в текстах столичных или иностранных путешественников.

В XVIII веке начинается возрождение местной литературы; однако процесс этот протекает в новое время совершенно иначе. Литература исполняет сугубо служебные функции (стихи на случай, пьесы для местного театра и т.д.). Вместе с тем Тверь в столичной литературе по-прежнему присутствует, хотя и акцентируется ее периферийное положение. Литераторы, прибывающие в Тверь на службу, воспринимают это место как своего рода ссылку. Такое положение сохраняется и в начале XIX века (примером может служить творчество А. Измайлова[1]). Но уже в 1830-х годах положение меняется. Это связано не только с появлением местной прессы и с интенсификацией культурной жизни. Формируемый литературой образ места существенно изменяет восприятие Твери. Лажечников и Салтыков, служившие здесь, активно пользуются тверскими сюжетами, хотя, разумеется, и не воспринимаются как тверские писатели. Параллельно появляется все больше местных авторов и все более внимание привлекает судьба Твери в произведениях на исторические и современные темы. Если первая группа текстов более или менее описана, то в публицистической или «путевой» литературе этого времени тверской материал совершенно не привлекал внимания исследователей. А между тем одни только «Очерки общественной жизни» В. П. Мещерского содержат не только документальные сведения, но и попытки целостного художественного описания региона. И таких материалов – великое множество. Именно они способствуют формированию образа места, который может у отдельных авторов и читателей вызывать приятие или неприятие. Литература второй половины XIX столетия создает синтетический образ региона. С представлением о его настоящем положении связывается представление о прошлом, а художественные интерпретации местных авторов неразрывно связаны с мнениями авторов столичных. Конец века не приводит, сколько можно судить, к существенному увеличению региональных образов. Представление о Твери уже сложилось, местные литераторы, выступающие в самых разных жанрах, чаще всего стремятся это пред-

[1] См. об этом в статье М. В. Строганова: Лажечников и Тверской край. 2. С. 39-77.

ставление утвердить, а в целом образ места остается весьма статичным. В XX веке литературное краеведение должно учитывать накопление «образов пространства» – и в творчестве местных авторов, и в «централизованных» репрезентациях локуса.

Таким образом, в плане литературно-краеведческих исследований – обращение к обширному литературному материалу от средневековья до современности. На первом этапе осуществляется сбор и выявление малоизвестных и архивных текстов для создания максимально полной подборки источников, отражающих литературный образ региона. В дальнейшем анализ конкретных текстов будет продолжен, но на его основе будет создано целостное описание того, как соотносятся изменения образа региона в литературе с региональными литературными процессами и каковы закономерности эволюции образа места, выявляемые на тверском материале.

Программа, как видим, намечена давно. Каково же место в этой программе творчества Лажечникова? На этот вопрос попытались ответить многие авторы, принимавшие участие в этом и предшествующем сборниках нашей серии. Осталось сделать лишь несколько замечаний…

Мы можем сколько угодно собирать фактический материал о пребывании Лажечникова в Твери – но пока этот материал не будет соотнесен с литературной деятельностью героя, наши краеведческие занятия не станут *литературным* краеведением. Сбор материала необходим, но только его осмысление создает научную перспективу. Административная деятельность Лажечникова способствует пониманию того, как соотносятся «литература» и «служба» в середине XIX века. Хотя сам Лажечников по этому поводу высказался позже, уже находясь в отставке и далеко не всегда эти тексты попадают в поле зрения исследователей. «Внучка панцирного боярина» написана не в Твери и не о Твери – а то, что в ней Лажечников вновь обратился к тверским сюжетам, которые его волновали, уже как будто и не имеет значения. Мечты Лажечникова об усадебной жизни реализовались в Твери – но в его отношении к этой жизни сталкиваются две противоположные тенденции. «Усадьба» вызывает не только восторг, но и опасения. В русской культуре такие представления не редкость, но проанализировать их удается очень редко – впервые такая попытка предпринята в настоящем сборнике.

Писатель, помещик, чиновник – все стороны деятельности Лажечникова в равной степени важны для адекватного понимания его текстов. «Тверские» мотивы возникают в них не только на тверской земле, и не только к тверским сюжетам обращается писатель в 1830-1850-х годах. Литературное краеведение немыслимо без творческой биографии, для которой оно дает не только материал, но и верную перспективу.

Лажечников приехал в Тверь уже сложившимся человеком – и чиновником, и писателем. Он прожил здесь два десятка лет и только к накоплению новых впечатлений свести эти годы невозможно. Писатель впервые так тесно соприкоснулся с культурой усадьбы и культурой губернского города. Лажечников не столько «увидел Россию», сколько обнаружил новые углы зрения… Эти открытия оказались не слишком радостны – пребывание в Твери не лучшим образом сказалось на имущественном положении писателя, да и в творчестве его этот период представлен скорее негативно. Можно было бы рассуждать о роли отдельных лиц в судьбе Лажечникова – но мы надеемся еще не раз вернуться к этим материалам.

Сейчас достаточно сказанного: столичный литератор оказался провинциальным, и двойственность этого положения в личной и творческой судьбе Лажечникова отразилась более чем убедительно. Попытка найти убежище в усадебной жизни не удалась, да и не могла удаться. Между столицей и провинцией положение усадьбы представляется неустойчивым. И здесь напрашивается любопытная параллель с положением Твери – между двух столиц. Литературное краеведение, таким образом, позволяет не только раскрыть специфику определенного региона, но и изучить общие закономерности культурного развития в самых сложных – переходных – сферах. Положение Лажечникова оказалось исключительно сложным: между Москвой и Петербургом, между столицей и провинцией, между массовой и элитарной литературой, между усадебной и городской культурой… Мы попытались обнаружить причины и следствия такого положения – и пришли к выводу, что описанием материала проблему не решить. Но литературное краеведение по-прежнему предоставляет для продолжения поисков неплохие возможности…

Лажечников и Тверской край.
Вып. 3: Лажечников и усадебная культура
Статьи и материалы

Ответственный редактор А. Ю. Сорочан
Дизайн обложки Игоря Васильева
На обложке – церковь Ильи Пророка в Никольском погосте, что под Жёлтиковым монастырем (фото А. Ю. Сорочана),
портрет Лажечникова
работы М. М. Сажана (итальянский карандаш)
В оформлении книги использованы фотографии, предоставленные Н. Ю. Зиминой, Р. Г. Назарьяном, А. В. Шитковым
Подписано в печать 25.11.09. Формат 60x84 1/16.
Бумага типографская. Объем 9, 4 п. л.
Тираж 200 экз.
Издательство М. Батасовой
(4822) 450–459, 8 920 684 6879
Отпечатано в ООО «Альфа-Пресс»
170000, г. Тверь, ул. Советская, 15
8 910 532 1504

В издательстве Марины Батасовой вышли в свет следующие книги, посвященные истории Тверского края:

Лажечников и Тверской край. – Тверь, 2005.

Лажечников и Тверской край. Вып. 2: Литератор в провинции. – Тверь, 2006.

Юрий Батасов. Партизанские засады. – Тверь, 2007.

Юрий Батасов. Год тревог и надежд. – Тверь, 2008.

И. С. Соколов-Микитов в русской культуре XX века. – Тверь, 2008.

В серии «Святые источники Тверской земли»:

Оковецкий ключ. – Тверь, 2007.

Колодец св. Савватия и родник. – Тверь, 2008.

В. И. Коркунов. На кимрской земле. – Тверь, 2009.

Готовятся к печати:

Лажечников и Тверской край. Вып. 4.

В серии «Святые источники Тверской земли»:

Источники с «живой» и «мёртвой» водой.

Источник в селе Рождество.

Святые источники Торопца и окрестностей.

См. также сайт: **www.istochnik-tver.narod.ru**